ОРДЕНОНОСЦЫ

КНИГА ОРДЕНОНОСЦЕВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

ОМГИЗ 1951

718418

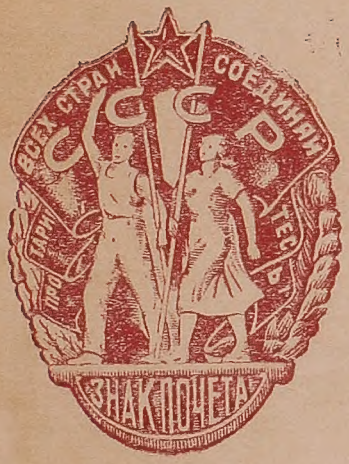
к 5

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

63(57.14)
О-65

ОРДЕНОНОСЦЫ

Книга орденоносцев сельского хозяйства Омской области

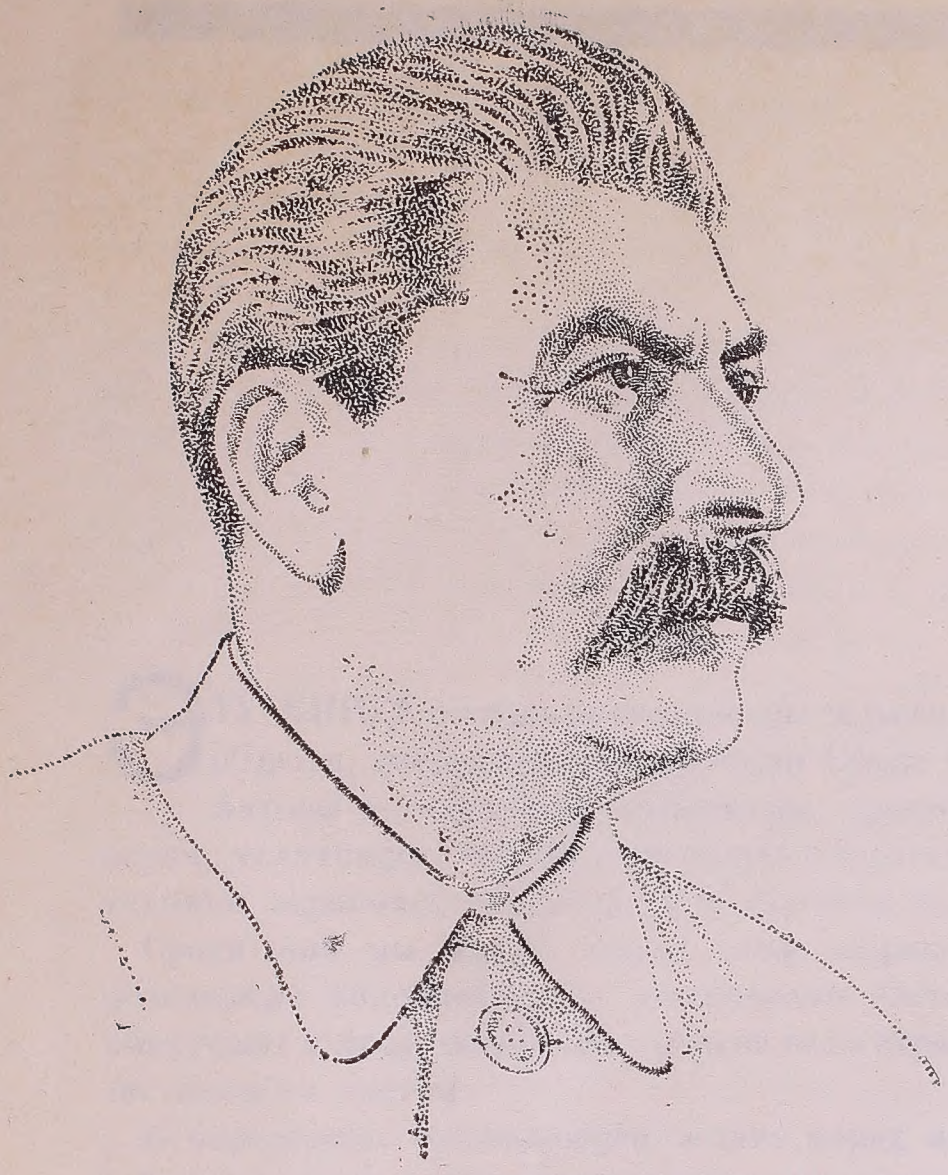


718418

Омская областная
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. ПУШКИНА

ОМГИЗ 1937

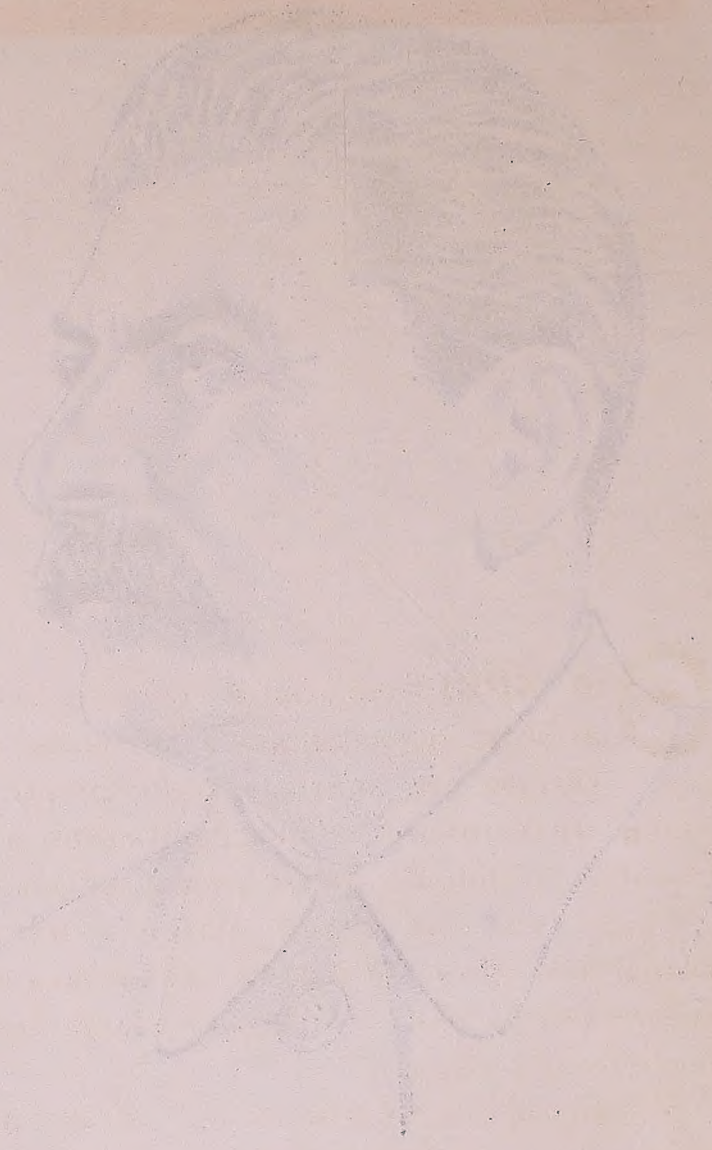
98



Исчезли старые знатные фигуры кулака-эксплоататора, ростовщика-кровососа, купца-спекулянта, батюшки-урядника. Теперь знатными людьми являются деятели колхозов и совхозов, школ и клубов, старшие трактористы да комбайнеры, бригадиры по полеводству и животноводству, лучшие ударники и ударницы колхозных полей.

И. В. СТАЛИН

Из доклада на XVII с'езде ВКП(б)



ЭТУ КНИГУ составили стахановцы сельского хозяйства Омской области, награжденные орденами Союза ССР.

Авторы ее—знатные комбайнеры, трактористы, доярки, свинарки, телятницы, чабаны, бригадиры и председатели колхозов, зоотехники, агрономы, директоры и начальники политотделов совхозов.

Среди них мы видим людей семи национальностей. Рядом с молодежью, комсомольцами, ровесниками Октября, в этой книге выступают и люди немолодые, долгие годы страдавшие под капиталистическим гнетом.

В биографиях орденоносцев встает перед нами история борьбы рабочего класса и крестьянства за счастливую жизнь. О быте старого сибирского села, о переселении крестьян в Сибирь с Украины и из центральных русских губерний, о кулацкой и помещичьей эксплоатации, о судьбе бедноты и батраков, о войне, о революции, о социалистическом строительстве, о победе колхозного строя, о радостном труде и счастливой жизни в сталинскую эпоху—вот о чем рассказывают орденоносцы.

Страстное стремление своим трудом умножить богатства социалистического общества, завоевать первенство в социалистическом соревновании, сделать нашу Омскую область одной из передовых

областей Союза сплотило орденоносцев—стахановцев сельского хозяйства в один дружный, боевой коллектив. Пламенной любовью к своей родине, жгучей ненавистью к ее врагам наполнены их сердца.

— Мы сталинские ученики,—говорит знатный комбайнер тов. Ведерников. И все орденоносцы в той или иной форме повторяют эту мысль.

Партия Ленина-Сталина помогла этим людям развернуть свои способности, свои таланты. Великий Сталин, вместе с которым они участвовали в исторических кремлевских совещаниях, учил и учит их—партийных и непартийных большевиков.

Простые рассказы орденоносцев о себе зовут всех колхозников и колхозниц, рабочих совхозов, всех работников социалистического сельского хозяйства к стахановскому труду.

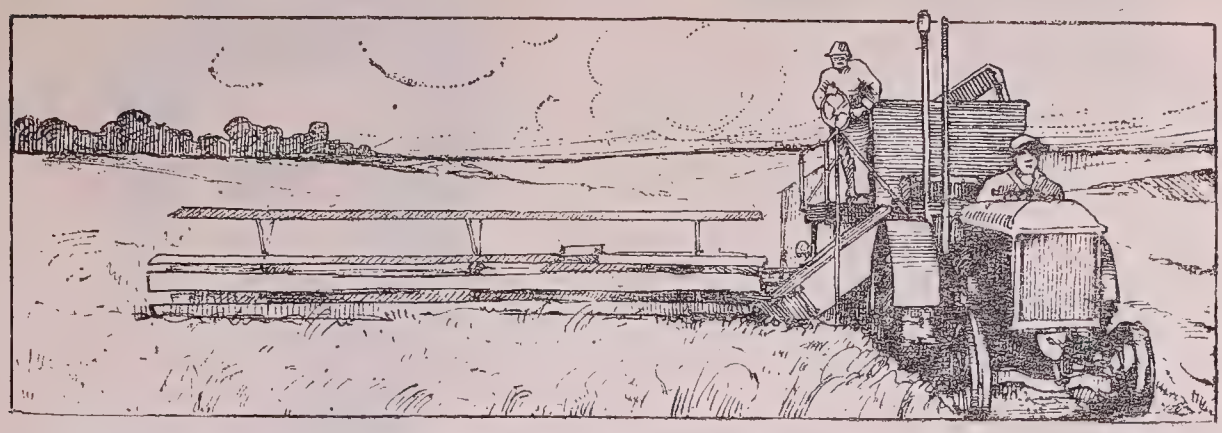
Добиться выполнения сталинского указания о том, чтобы в ближайшие годы довести урожай в стране до 7—8 миллиардов пудов, собрать на полях нашей области в 1937 году сто пудов зерна в среднем с гектара, повысить продуктивность животноводства, развить льноводство—вот к чему зовут орденоносцы.

★

Большинство орденоносцев прислало свои автобиографии, написанные собственноручно. Некоторые товарищи пожелали устно рассказать о своей жизни и работе. И в том и в другом случае редакция стремилась сохранить все индивидуальные особенности в построении и стиле автобиографий.

★ ★
★

Передовые комбайнеры и комбайнерки



Постановлением Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 13 декабря 1935 года о награждении передовых комбайнеров и комбайнерок орденами Союза ССР награждены следующие комбайнеры и комбайнерки Омской области:

Орденом Ленина.

1. Ведерников Афанасий Андреевич, комбайнер Буняковской МТС, Одесского района.
2. Ожерельев Илларион Григорьевич, комбайнер Красноярской МТС, Омского района.

Орденом Трудового Красного Знамени.

1. Ситкарев Алексей Тимофеевич, комбайнер Калачинской МТС.
2. Манник Михаил Данилович, комбайнер Павлоградской МТС.
3. Кузнецов Яков Григорьевич, комбайнер Красноярской МТС, Омского района.

Орденом „Знак Почета".

1. Ивахно Прасковья Гордеевна, комбайнерка Павлоградской МТС
2. Цапенко Павел Романович, комбайнер Сосновского зерносовхоза, Азовского района.
3. Гавриленко Иван Кириллович, комбайнер Сосновского зерносовхоза, Азовского района.
4. Кисляков Григорий Федорович, комбайнер Борисовского зерносовхоза, Шарбакульского района.
5. Романов Иван Сергеевич, комбайнер Москаленского зерносовхоза, Марьяновского района.

★ ★
★

Мы—сталинские ученики

Афанасий Андреевич
ВЕДЕРНИКОВ
Комбайнер Буняковской МТС
Одесского района

КОМБАЙН мы с помощником заправили с вечера. Я с самого начала усвоил этот обычай—чистить и смазывать комбайн с вечера, все с вечера делать, чтобы утром не терять времени...

Заранее я договорился с правлением колхоза об организации подсобных работ. Я позаботился о том, чтобы были созданы все условия для полного использования нашей мощной машины. Колхоз дал нам двух энергичных работников для отвоза зерна от комбайна, дали нам специального подвозчика горючего, и особую повариху выделил колхоз для нас, комбайнеров.

Я, надо сказать, только что кончил курсы комбайнеров в Омске. Приехав домой в МТС, получил я комбайн „Сталинец“, и вот 4 августа 1935 года приступили мы к работе.

В первый день удалось убрать 18 гектаров. Это мы приноравливались, испытывали машину и себя. В следующие дни мы уже давали более высокие показатели—по 24 гектара. Наконец,

работа пошла самым полным ходом—в последние дни я добился уборки урожая за 18 рабочих часов с площади до 51 гектара.

За 26 дней уборочного сезона 1935 года я своим комбайном убрал и обмолотил зерно с 605 гектаров посева. В среднем на рабочий день я выработал 23,2 гектара. Молодой комбайнер, я работал на прекрасной усовершенствованной машине, детище сталинской политики индустриализации, революционере колхозных полей—комбайне „Сталинец"!

Заработок мой за те 26 дней комбайноуборки выразился в неслыханной для меня сумме 3449 рублей деньгами и 25 пудов пшеницы. Мне, бывшему бедняку, никогда и не снились раньше такие заработки.

★

Кем я был раньше?

Родился я в 1903 году в селе Пески (Юргамышского района Челябинской области). Отец—бедный крестьянин, часто работал в батраках у кулаков. Не пришлось и мне избежать батрацкой доли. Одиннадцатилетним мальчиком пошел я работать по найму, бросив школу, где проучился только год. Учиться дальше не было средств. Одеться было не на что, есть было нечего. Пришлось итти зарабатывать, чтобы не умереть с голоду.

Батрачил я до 1922 года. В этом году умер мой отец, и я остался во главе семьи. Пятидесятилетняя мать и четырнадцатилетняя сестра оказались на моем иждивении. Я начал хозяйничать во „владении", оставленном мне „в наследство" отцом.

Мои успехи в единоличном хозяйстве были невелики. Молодой и здоровый, я упорной работой добился лишь того, что превратился из батрака в бедняка-единоличника. Удалось приобрести корову и лошадь. Но через год и это благополучие рухнуло: недород заставил продать и лошадь, и корову. Снова пошел я батрачить, чтобы заработать на пропитание себя и семьи. Работал в своем же селе на кулаков.

В 1925 году призвали меня в Красную армию. Это, прежде всего, дало мне возможность побывать в новых краях. Я служил в городе Херсоне, увидел юг. Служба в Красной армии принесла мне большую пользу. Я возвратился из Красной армии с открытыми глазами, стал грамотнее, сознательнее, чем был.

В 1929 году организовалась в нашем районе коммуна „Зерносовхоз", в которую вступила вся наша семья. В коммуне мы жи-

ли до 1933 года. В этом году мать умерла, сестра вышла замуж, а я переехал жить в Одесский район нынешней Омской области. Тут я вступил в колхоз „Красный путиловец“. Этот колхоз и выдвинул меня в ряды передовиков сельского хозяйства. Меня, бывшего батрака, стали учить высокой технике. В мае 1934 года колхоз командировал меня на курсы помощников комбайнеров, а в январе 1935 года—на курсы комбайнеров в Омск.

★

Использовать комбайн на все сто процентов, взять от машины все, что она может дать—вот на чем были сосредоточены мои усилия. Я не считался ни с какими трудностями в работе, зная, что нужно и можно уложиться в срок, поставленный для уборки. Я старался закончить работу даже раньше срока. Я знал, что для успешной работы нужен тщательный уход за агрегатом, нужна правильная расстановка сил на нем, чтобы каждый делал только свое дело и не тратил зря времени.

В преимуществах комбайна перед лобогрейкой каждый из нас убедился. Однако, считаю не лишним поделиться кое-какими своими личными наблюдениями, своим опытом. Я не могу не привести пример из опыта прошлогодней уборки. В колхозе „Новый пахарь“ я своим комбайном собрал по 10,5 центнера пшеницы с гектара, тогда как при уборке лобогрейками колхоз собрал всего лишь по 7 центнеров 78 килограммов. Разница выражается в 2 центнера 72 килограмма. Таким образом, с 240 гектаров, убранных лобогрейками, колхоз не добрал 652 центнера 80 килограммов зерна.

Но потери зерна возможны и при уборке комбайном. Они бывают велики на том комбайне, который находится в руках неопытного водителя. Успех борьбы с потерями зерна, доведение их до нуля целиком зависит от нас, комбайнеров. Задача комбайнера заключается в том, чтобы хорошо знать как машину, так и тот массив, который он собирается убирать.

При комбайноуборке потери зерна могут быть количественные и качественные.

Под количественными я подразумеваю прямые потери зерна комбайном, а под качественными—ухудшение качества зерна путем дробления, увлажнения и засорения его, в особенности такими вредными примесями, как полынь. Мы старались избегать потерь, и я хочу поделиться некоторыми соображениями на этот счет.

В каких местах комбайна может теряться зерно и что следует предпринять для устранения этих потерь?

Начнем с хедера. Потери могут быть от неисправной регулировки мотовила. При больших оборотах мотовило будет перебрасывать колосья через ветровой щит. Чтобы не допустить этого, необходимо установить нормальные обороты мотовила (28 оборотов мотовила при 1000 оборотах барабана) и нашить ветровой щит. Это делается просто: сверху на ветровом щите добавляется несколько планок или еще лучше—ставится густая проволочная сетка, которая сопротивляется воздуху меньше, чем дерево, но задерживает колос так же, как и все другие части ветрового щита.

При уборке низкорослого хлеба требуется нашивка накладок на лопасти мотовила. Это сделать также не трудно, так как накладки высылаются заводом вместе с комбайном.

Колосья могут теряться между ветровым щитом и хоботком. Чтобы устранить это, нужно зашить пространство между ветровым щитом и хоботком полотном или брезентом.

Возможны потери колосьев у полевого валика и полевого делителя. Устранить их легко—следует только на правый кронштейн мотовила навесить фартук.

Между полевым делителем и правым пальцем также возможны потери колосьев. Для того, чтобы их не было, нужно сделать отводку под делитель у крайнего правого пальца. Это приспособление делается для того, чтобы полевой делитель лучше разделял несжатый хлеб и тем самым предотвращал обшаркивание колосьев делителем.

Зерно и колосья могут теряться из питательной камеры. Для предотвращения потерь следует снизу хоботка подвесить зерноуловитель, который лучше всего делать из брезента.

Возможны потери зерна самой молотилкой. Прежде всего потери могут быть у приемного порога, если там отсутствует фартук, и между секциями деки, если они неплотно соединены. Потери зерна могут быть у грен-элеватора, если под ним нет зерноуловителя.

Подчас комбайнеры не замечают, что фартуки между грен-элеваторами и стенками комбайна изорвались и требуют замены. Несвоевременная замена фартуков способствует утечке зерна из комбайна. Фартуки поэтому должны быть всегда в исправности, их надо своевременно чинить или заменять новыми, что мы и делали.

В прошлом году я заметил, что комбайнеры обращают мало внимания на регулировку струи воздуха ветробойной доской или ставят эту доску как попало. Они, повидимому, не знают, что эта деталь в комбайне играет огромную роль. А от направления воздуха зависит как чистота зерна, так и его сохранность. Если струя воздуха будет направлена в передний край решета, зерно будет плохо отделяться от половы и часть его может уйти вместе с половой из комбайна. Если же струя воздуха будет направлена в задний конец решета, то зерно будет падать сквозь сорное решето, а известная доля его может уйти с половой. Поэтому необходимо, чтобы струя воздуха была направлена под середину решета или несколько ближе к его переднему краю, куда валится обмолоченная масса.

Потери зерна могут быть и со второй очистки, если она неправильно отрегулирована. Главное—в правильной установке решет. Если решета отпущены низко на подвесах, то зерно будет стекать в солому. От неправильного (одностороннего) распределения зерна распределительным шнеком по решету второй очистки тоже бывают потери.

Работа комбайнера—сложная и ответственная работа. Нужна максимальная внимательность комбайнера, отличное знание техники, чтобы полностью использовать все преимущества комбайна.

★

Я был участником совещания передовых комбайнеров и комбайнерок страны с руководителями партии и правительства. Я выступал на этом совещании, выступал перед товарищем Сталиным, и от имени омских комбайнеров обещал ему, что мы полностью освоим совершенную уборочную машину—комбайн. И вернулся я из Москвы награжденный высшей наградой Советского Союза—орденом Ленина.

Нынче в 1936 году я убрал урожай с площади 1310 гектаров, работая на сцепке двух „Сталинцев“. Горючего сэкономил нынче 1512 килограммов. Заработал на уборке 6106 рублей. Эти показатели меня еще не удовлетворяют. Хочу работать еще лучше. Я продолжаю учиться, поднимать свою квалификацию, совершенствоваться в своем деле. Я хочу быть не только хорошим мастером сельского хозяйства, в совершенстве овладевшим техникой, но и активнейшим участником политической жизни своей

славной социалистической родины. Я вступил в группу сочувствующих ВКП(б). Я хочу стать членом ВКП(б), той партии, которая привела нас, бывших батраков и бедняков, к светлой зажиточной жизни, той партии, которая дала крестьянству такие мощные машины, как мой комбайн „Сталинец", партии, которой руководит дорогой учитель, близкий друг трудящихся всего мира—товарищ Сталин.

Обещание Сталину выполнено

Илларион Григорьевич
ОЖЕРЕЛЬЕВ

Комбайнер Красноярской МТС
Омского района

ТЕПЕРЬ у нас в селе Новотроицком все ребятишки, достигшие школьного возраста, идут учиться. К этим хлопцам и не подходи—такие ученые, что не дадут слова сказать, все об'яснят, все знают!

Совсем по-иному было в годы моего детства. Очень многие дети бедных родителей оставались вовсе без образования, вовсе не знали грамоты. И мне, как многим другим, не пришлось попасть в школу. Не в чем было туда пойти— полугол был и бос!

Нас было четверо ребятишек в семье отца. И жила семья впроголодь. Имел отец две десятины земли да двух калек-коней, на которых и землю-то было нельзя обрабатывать, до того они были тощи. А потом не стало у отца и этой земли. Пошел отец в пастухи. Пасет, бывало, летом скотину у крестьян, имеющих землю, а в уплату за это крестьяне засевают для отца две десятины хлеба его семенами.

Отец умер в 1924 году, когда мне было всего шестнадцать лет. Я пошел батрачить. Не один я батрачил в селе. Ровесники

мои и товарищи, такие же неграмотные, как и я, парни из бедняцких семей, работали с утра до ночи на зажиточных мужиков. Я поступил работать к некоему Первых, зажиточному хозяину. Работал я для него фактически задаром. Работаешь ему, работаешь, а он „в уплату“ вспашет на своих конях полгектара моей земли да засеет моими же семенами. Ну, в придачу получишь еще одеженку какую-нибудь. Вот и весь расчет...

★

В 1929 году мы, самые беднейшие жители села—бедняки да батраки, собрались в колхоз. Решили: „Гуртом работать лучше, легче“. Из двадцати трех беднейших хозяйств составился наш колхоз „Красный хлебороб“.

Государство нам пошло навстречу. Лошадей помогли приобрести. У нас их нехватало, многие были безлошадные. Семян государство нам дало для посева, землю нам выделили. Засеяли мы около двухсот пятидесяти гектаров. И, помню, получили мы в первый же год коллективного хозяйствования очень хороший урожай.

Воспрянули духом. Правда, тогда доход распределяли мы еще не по трудодням, а поровну на каждую душу. Кто плохо работал и кто хорошо работал—все получали одинаково. Но и при этих ненормальностях все же остались мы первым годом колхозной жизни довольны. Купили молотилку, одежды себе накупили, мануфактуры достали...

До 1931 года работал я рядовым колхозником. А потом председатель мне как-то и предлагает:

— Айда на трактор!

Говорю:

— Что я буду делать? Я не умею!

Но Колмогорцев Филипп Павлович, бригадир, сказал мне на это:

— Пойдем, пойдем! Я буду учить.

Пошел. Знакомлюсь с мотором. Узнаю понемногу—где что. Осваиваюсь. Через несколько дней чувствую, что начинаю понимать устройство трактора, способы работы. А потом так, самоучкой, и начал работать. На следующее лето попал в Омск на курсы комбайнеров. На курсах начал и грамоте учиться. И осенью вернулся домой, умея работать на комбайне и уже мало-мало разбираясь в грамоте!

Так я стал комбайнером Красноярской МТС.

★

В первую осень—осень 1932 года, когда с курсов я приехал, косить мне комбайном не пришлось. Только молотил. В 1933 году скосил я за уборочную немного, что-то около 160 гектаров. В 1934 году тоже ничего замечательного не сделал. Но вот настал 1935 год, и тут я вышел вперед по сравнению со всеми другими нашими комбайнерами.

В ту осень я использовал на деле весь опыт, накопленный за три года работы на своем комбайне „Коммунар". Во всех подробностях изучив агрегат, я почувствовал себя полным хозяином комбайна. Мы со штурвальным Яковом Пенькиным и трактористом Дмитрием Ильиным сработались дружно, толково. Уход за машиной был самый тщательный, заботливый. Времени зря не теряли. С вечера готовили комбайн к утру.

Колхозники колхоза имени Ленина (в селе Надеждино) остались нашей работой довольны. Пятнадцать, восемнадцать, двадцать, а потом и по двадцать пять гектаров в день убирали мы. Двадцать пять гектаров за одиннадцатичасовой рабочий день—это был мой высший показатель 1935 года.

Так я за 22 дня убрал урожай с 624 гектаров.

★

За свою работу я получил высшую награду—орден Ленина. Вручал мне этот орден товарищ Калинин. Там, в Москве, на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок, увидел я всех наших вождей во главе с товарищем Сталиным. Здоровался со всеми вождями. Слушал, что они нам говорят. И особенно запомнились мне слова товарища Сталина о том, что в ближайшие годы нужно добиться урожая в семь—восемь миллиардов пудов. Он, Сталин, нам еще сказал, что люди мы хорошие, знатные, но мало нас, что надо множить число стахановцев полей. И поехал я обратно с совещания с твердым намерением людей учить, увлекать, вести на борьбу за высочайшие урожаи, за зажиточность, за укрепление социалистического сельского хозяйства.

★

Матери моей шестьдесят лет. И помню я—гораздо моложе она была, а все ходила согнутая от тяжелой работы, от батрачества. А теперь смотрю—мать разогнулась, выпрямилась как-то! Это оттого, что одета, обута, сыта, ни о чем нет забот.

718118

Омская областная
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. ПУШКИНА

— Сын,—говорит,—добился какой награды! Вот бы отец посмотреть встал бы из могилы! Как мы тогда жили и как теперь живем! Какое внимание при советской власти крестьянам. Кто это думал раньше, что так хорошо жить можно!

Мать живет при мне.

У меня теперь дом строится. Перехожу в него из старой холодной отцовской избушки. Будем жить в своем доме с женой и двумя дочками. Жена моя Фекла Герасимовна сейчас с маленькой дочкой Катериной. Этой девочке еще нет года. А Авдотья—дочка от первой жены—уже большая девочка. Ей шесть лет.

Братья мои работают в колхозе, который теперь называется „Политотделец". Старший брат—Иван Ожерельев—бригадир в тракторном отряде, младший—Семен—прицепщик, учится на тракториста. Работает в колхозе и сестра моя Клавдия.

★

Так идет моя жизнь. Знаю, надо учиться дальше, повышать свой общий культурный уровень, повышать квалификацию. Впереди много работы. И не расскажешь сразу обо всем том, что хочется сделать.

На этот раз я скажу лишь о том, как нынче выполнил обещание, данное в прошлом году в Москве товарищу Сталину и повторенное затем в Омске т. Булатову.

Я обещал нынче осенью убрать своим комбайном тысячу гектаров.

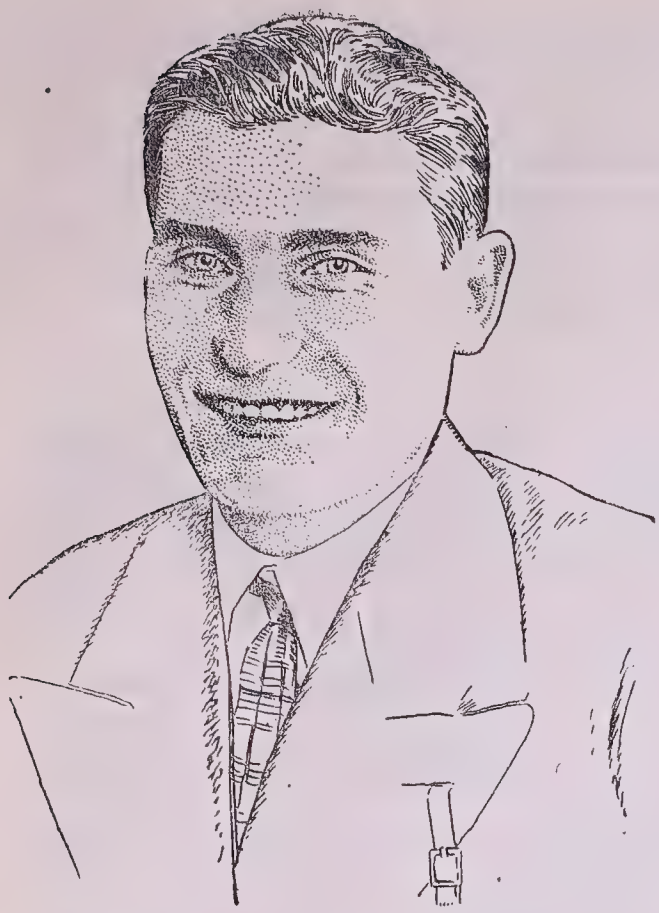
Выполнил свое обязательство с превышением. Убрал не тысячу, а тысячу шестнадцать гектаров за полные двадцать четыре рабочих дня. Намолотил 3862 центнера хлеба. Сэкономил 1160 килограммов керосина. Заработал 5046 рублей 72 копейки.

Почти вдвое перекрыл свои прошлогодние показатели. Это—результат зарядки, полученной в Москве.

За год после совещания в Москве многому научился и кое-чему научил других. Штурвальный мой Иван Семенович Первых, с которым вместе мы нынче добивались победы, обещает стать хорошим комбайнером. Проводил я его на курсы комбайнеров в город Ишим.

Полагаю, что будет всегда комбайнер Первых ударным борцом за сталинский урожай. Множатся ряды стахановцев наших полей!

★ ★
★



Михаил Данилович
МАННИК

Комбайнер Павлоградской МТС

Я РОДИЛСЯ в 1908 году в семье крестьянина-бедняка на Украине. В Сибирь родители привезли меня малым ребенком. Когда я подрос, стал расспрашивать мать, зачем они уехали с Украины. Мать рассказала:

— Там, на Украине, отец твой земли совсем не имел, и работали мы у помещика. Батрачили у помещика за право посеять для себя хлеб на четверти десятины помещичьей земли. Надеялись, что посчастливится нам выйти в люди, стать хозяевами, заиметь свою землю. Но сколько ни старались, ни трудились— ничего не вышло. И труд свой помещику отдавали и земли не приобрели. Вот и решили уехать в Сибирь.

Так сказала мне мать.

В Сибири земли оказалось много, но нечем нам было ее обрабатывать. Не было денег купить лошадь и сельскохозяйственный инвентарь. Снова пришлось отцу батрачить до тех пор, пока не скопил он денег на покупку лошади и постройку избы. Но и

это не принесло радости, потому что тут началась империалистическая война, отца забрали на фронт. С войны отец не вернулся, был убит.

Матери опять пришлось батрачить, чтобы прокормить четырех детей, из которых я, шестилетний, был самым старшим.

В 1921 году мать снова вышла замуж и переселилась в село Ермолаевку. Семья у нас собралась в десять душ. Как накормить десять ртов? Голодно было нам жить!

☆

Помню: мне 12 лет, иду вместе с братом по степной дороге. Пошли мы искать работу, наниматься в батраки. Путь далекий— 30 километров до села Тавричанки, где живут богатые кулаки. Вот дошли до Тавричанки. Заходим к кулаку Петренко, к кулаку Василенко, к кулаку Лиходеду. Целый ряд кулаков. Но никто нас на работу не принимает. Говорят кулаки:

— Что вы за работники! Арбы хлеба не набросаете. Мешка не подымете. Нам таких работников не надо!

И верно — мы маленькие еще, слабосильные. А есть охота. Даром же никто не накормит.

Вышли мы с братом от кулака Василенко и сели под забором. Я крепко заплакал. Я сказал брату:

— Иди ты домой, а я буду все-таки искать работу.

И я нашел таки себе работу. Нанялся пасти скот, принадлежащий пяти кулакам.

Кулаки сказали:

— За семь месяцев пастьбы скота получишь ты, пастушок, от нас 1 рубашку, одни брюки, шесть пудов пшеницы.

— Согласен! — ответил я. И пошел пасти скот.

Пас я скот, пас. Хранил скотину, пугал волков, которые подбирались к стаду. Но вот однажды волки все-таки напали и унесли двух ягнят. И кулаки, при расчете со мной выдали мне только шесть пудов хлеба, а штанов и рубашки так и не дали. Что я мог поделать, двенадцатилетний мальчишка, против пяти тавричанских кулаков?!

☆

Следующие мои договоры с кулаками были еще менее выгодны. Нанялся я батрачить к кулаку Петренко на год за рубашку. Это значит — бесплатные харчи, „что бог пошлет“, а в придачу

одна рубашка. Следующий год батрачил я таким манером за пару штанов. Еще год батрачил я за пиджак. Наконец, заключил я с тем же кулаком Петренко такой договор: кулак мне засевает гектар пшеницы моими семенами, а я работаю за это год и помогаю в том числе убирать урожай на всех ста гектарах кулацкого посева.

Кулак уверял:

— Ты получишь урожай с лучшего гектара! С первого гектара хлеб получишь!

А на самом деле получился обман и еще раз обман. Во-первых, выделил мне Петренко самый худой гектар, там где солонец. Во-вторых, при уборке ухитрился украсть две арбы хлеба с моего гектара. Меня с другими рабочими послал возить хлеб с отдаленных гектаров, а сам поехал на мой гектар и набрал две арбы хлеба.

Я узнал об этом жульничестве кулака Петренко от работницы Ганны Дуб. Она мне рассказала, что ее послал хозяин за моей пшеницей. Рассердился я очень. Хотел бросить все и уйти. Но потом, обдумав положение дела, понял: если уйду от Петренко, так придется итти к какому-то другому кулаку. А у них круговая порука. Не возьмут они меня. Скажут: „А! Ты от Петренки ушел, ты Петренку бросил в самое горячее время, в разгар уборки хлебов. Ты Петренку покинул, так и меня, пожалуй, бросишь!“.

И я, укротив свою злость, остался работать у Петренки. А кулак, видя, что я покорился, сделался вовсе нахальным. Бывали случаи, что заставлял он меня работать круглые сутки.

Однажды я возил хлеб. День прошел, ночь проходит, а я все работаю, управляю двумя парами быков, запряженными в две арбы. Я очень устал, потому что и перед этим ночи четыре я не спал и не отдыхал днем. В третьем часу утра, едучи за пшеницей, я заснул в арбе, а быки шли вперед помаленьку. Очнулся я от лютой боли. Это мой хозяин меня так батогом ударил, что на мне рубашка лопнула и кожа. Оказывается, проклятый кулак ехал мне навстречу и увидел, что я сплю в арбе.

Веду я быков, плачу. А второй батрак Пузырев—смелый большой парень—увидел меня и спрашивает:

— Чего ты, Мишка, плачешь?

Я отвечаю:

— Посмотри мне на спину. У меня вся спина в крови!

— Кто это тебя?

— Это мне хозяин.

— Заворачивай назад быков,—сказал Пузырев,—поедем домой, на двор к Петренке.

Я боялся возвращаться, боялся, что хозяин опять нахлещет меня кнутом. Но все же осмелился. „Все равно, думаю, эту работу брошу!“.

Вот мы на дворе.

Петренко спрашивает:

— Ты зачем приехал?

А Пузырев за меня отвечает:

— А ты зачем его бил кнутом?

А Петренко:

— Тебе какое дело!?

Тут Пузырев рассердился.

— Мое дело,—закричал он, вилы в руках.—И я тебе сейчас брюхо распорю!

Кулак бросился на моего защитника, но Пузырев так ударил Петренку вилами, что тот сейчас же убежал в дом.

Вечером Петренко собрал всех рабочих и об'явил, что меня Манника Михаила и Пузырева Василия он увольняет.

Расчета он нам не дал. Вышли мы с Пузыревым за ворота, попрощались и пошли в разные стороны.

★

Дальнейшая судьба сложилась так: в 1925 году попал я в село к сектантам молоканам, где нанялся к кулаку Исаку. За год я заработал у него сорок рублей. Мой брат в том году заработал у какого-то кулака сорок пудов пшеницы. Мы с братом вскладчину купили себе лошадь. Решили хозяйствовать. В 1928 году я женился.

В 1929 году организовался в нашей деревне колхоз, и я вступил в этот колхоз тотчас же.

После мне пришлось активно участвовать во всех мероприятиях, связанных с высылкой кулаков. Уж я-то знал кулаков, меня кулак не мог обмануть и одурачить!

Вскоре меня послали на курсы трактористов. Я окончил их на „хорошо“.

Четыре года проработал я затем на тракторе. И работал, могу сказать смело,—хорошо. Многие говорили:

— Маннику везет.

Я полагаю, дело было не в том, что мне „везло“, а в том, что я работал очень честно, внимательно смотрел за машиной, научился ее правильно использовать. Вот и стал я перевыполнять нормы, зарабатывать больше, чем многие другие.

★

В 1935 году послал меня директор Павлоградской МТС тов. Заноздра на курсы комбайнеров. Учиться мне было сначала тут трудно. У меня и грамотенка слабая, и комбайн не знал я вовсе. Однако, я с трудностями справился. Я поставил себе задачу узнать каждую подробность, чтобы стало понятно все, без малейшего исключения. Я настойчиво расспрашивал обо всем преподавателей и отличников учеников. Я не стеснялся расспрашивать и выпытывать. И окончил я курсы на „хорошо“, а многие не сдали экзамена не потому, что были неспособны, а потому, что не проявили настойчивости, не захотели учиться упорно.

На слете после окончания областной школы комбайнеров я заверил секретаря Обкома партии тов. Булатова, что уберу комбайном урожай с 300 гектаров. Однако, получив в МТС комбайн „Сталинец“ и приступив к работе, я понял, что смогу, если захочу, убрать и больше урожая. Когда выехал я в поле на славном агрегате, припомнилось мне все то, чему я учился на курсах. Тут я превратил теорию в практику. И если в первый день убрал я урожай с 12 гектаров, так впоследствии добился я уборки урожая с 33 гектаров за шестнадцать рабочих часов.

Убрал хлеб с 539 гектаров, в среднем по 25 гектаров за день. Сэкономил 1802 килограмма горючего и в полной исправности сдал комбайн в МТС.

★

Правительство наградило меня орденом Трудового Красного Знамени.

На совещании в Москве комбайнер Буняковской МТС Ведерников дал обещание правительству убрать в 1936 году комбайном урожай с 1000 гектаров, а меня вызвал на соревнование. Я вызов принял. И нынче, работая на сцепке двух комбайнов „Сталинец“, я убрал урожай с 1613 гектаров. Горючего сэкономил 1582 килограмма. Заработал на уборке 7951 рубль.

Я чувствую себя способным на самую ударную работу. Во мне стало много силы, много энергии. Я за эти годы вырос, развернул свои способности. А в прошлом, как я ни старался, меня за эти старанья кулаки награждали только длинным кнутом. Теперь, я вижу, дело иное. Кулаки, мои старые мучители, уничтожены, разбиты. Под руководством нашего великого вождя товарища Сталина стало жить всем трудящимся легко и весело. У меня набирается все больше здоровья для того, чтоб работать еще лучше. Я вступил в группу сочувствующих нашей партии.

★

Поехал я однажды в Тавричанку. Мы заключали договор на соревнование между двумя МТС.

Гляжу—идет мне навстречу старый друг.

— Пузырев!

Вспомнили мы с Пузыревым про старые времена. Вспомнили как кулак Петренко меня батогом ударил, и кожа моя лопнула, и кровь хлынула. Вспомнили, как Пузырев загнал кулака в дом вилами и как потом прогнал нас кулак и пошли мы в разные стороны.

Пошли в разные стороны, а пришли к одной цели. Одна дорога у бедноты, указанная партией, по которой уверенно ведет нас товарищ Сталин. Пузыреву тоже недолго уже пришлось батрачить на разных проклятых Лиходедов. Вступил Пузырев в колхоз, сделался трактористом. Теперь он бригадир тракторного отряда.

★ ★
★

Замечательная машина комбайн

Яков Григорьевич
КУЗНЕЦОВ

Комбайнер Красноярской МТС
Омского района

РОДНОЕ мое село Ново-Троицкое находится на берегу Иртыша в тридцати километрах севернее Омска. Село большое,—дворов около пятисот. Старое село. Лет восемьдесят тому назад переселились сюда деды да прадеды из Европейской России. А из какой губернии вышли— я даже и не знаю.

Я родился в 1907 году. Помню себя лет семи. И первые воспоминания у меня такие:

В селе хозяйничают женщины. Женщины составляют большинство. Кроме женщин остались в селе только старики, да мы—ребятишки. А взрослых мужчин не видно. Они ушли. О них только вспоминают. Их жалеют. Они—на войне.

Глава нашей семьи, отец мой Григорий Веденеевич,—крестьянин-середняк,—попал в плен к немцам.

Так прошло несколько лет. В школе мне учиться не удалось. Время такое было—никто не позаботился о моей учебе. Так и

оставался я неграмотным до двадцати четырех лет, пока в 1931 году не попал на курсы трактористов. Но об этом после. Сперва закончу рассказ о детстве. После революции отец возвратился из плена. В тревожные дни гражданской войны старшего моего брата забрал в свою армию Колчак, но брату посчастливилось перейти в Красную армию... В 1921 году хватил и по нашему селу голод, пришлось отцу продать двух лошадей из трех и проститься с коровой. Девять следующих лет жили обыкновенно, средне. Крестьянствовали. А в 1930 году всей семьей вступили в колхоз.

Первую весну в колхозе я работал на сеялке, старался изучить трактор и все время задумывался, как бы попасть на трактор. Перед уборочной выяснилось—нехватает трактористов. Ребята говорят мне:

— Айда!

Это значит—иди! Работай на тракторе! Я с радостью пошел. Работал до самой зимы на вспашке зяби. Зимой попал на курсы трактористов при МТС. Тут-то и начал учиться грамоте. Грамота, ясно, давалась мне тяжело. Но малость научился.

Лето 1931 года работал трактористом. Зиму — в мастерской на ремонте, лето 1932 года—опять трактористом. Летом 1933 года попал в город на курсы комбайнеров, впервые увидел комбайны. Тут были всякие: „Оливер“, „Мак-Кормик“, „Сталинец“, „Коммунар“. Занимались мы на курсах месяц.

В этот сезон как следует поработать на комбайне не удалось. Комбайны пришли в нашу Красноярскую МТС поздно, уборочная кончалась. Но все же мы показали, на что способен комбайн. Дело в том, что некоторые колхозники, увидя комбайн, засомневались. Говорили: — „Эта машина нам негодна, она хлеб на корню не возьмет!“ Тогда я все же вывел комбайн и убрал урожай с 30 гектаров. Скептики убедились, что машина хороша, и разговоры против комбайна смолкли. В ту осень комбайн использовали мы на молотьбе, а по-настоящему развернули уборку хлебов комбайнами уже на будущую осень.

Отчетливо запомнилась мне эта осень 1934 года. С нетерпением ждали мы созревания хлебов, чтобы пустить в ход свой „Коммунар“ № 13 Красноярской МТС. И вот срок настал. За первый день убрали мы немного — с 8 гектаров, на другой день уже с 14 гектаров. И пошло... За уборочную я убрал своим комбайном урожай с 330 гектаров, дав наивысшие показатели по

МТС. Остальные наши комбайнеры убрали кто по 200 гектаров, кто по 180... Меня за мое первенство МТС премировала велосипедом, а Омский горсовет—часами.

Зимой 1934—1935 года помогал МТС ремонтировать машины. Весной МТС назначила меня бригадиром тракторной бригады. Работали мы и в моем родном новотроицком колхозе „Политотделец“ и в других колхозах. План по посеву бригада выполнила на 119 процентов, план по вспашке паров — на 120 процентов. Затем, летом, помогал в мастерских ремонтировать комбайны. Потом приехал тов. Преображенский — начальник зернового управления Облзу.

— Тов. Кузнецов, я приехал к тебе. Заключаем договор на соревнование с Челябинской областью. Прими участие!

Заключили договор, чтобы убрать от 300 до 500 гектаров на комбайн за сезон. Помню, говорили еще с Челябинском по телефону с омского почтамта. И вот наступает уборка. Нас на комбайне „Коммунар“ № 13 двое: я — комбайнер и помощник мой комсомолец Сергей Первых. В первый день мой комбайн убрал урожай с 13 гектаров, во второй день—с 17 гектаров. Потом добились уборки с 20 гектаров в день. Убрали хлеб с 530 гектаров. Кругом обошлось на рабочий день по 16,4 гектара.

Как я добился успехов? Очень просто! Само собой — любовь к машине, бережное к ней отношение. Это и обусловило отсутствие поломок, аварий, простоев. За все это я и получил высокую награду от правительства—орден Трудового Красного Знамени.

Есть комбайнеры, которые добились показателей более высоких, чем у меня. Например, Ожерельев, нашей же Красноярской МТС. Он работает прекрасно, но только надо иметь в виду, что у него площади были крупнее. У меня площади были не больше, чем на сорок гектаров, а у него площади были по 60, по 80 гектаров. Ему было легче развернуться. Он работал на уборке в одном колхозе, а я—в трех. Ему меньше времени было нужно на переезды.

В Москву на совещание я ехал с чувством громадной радости. Да и как было не радоваться: в Москве увижу товарища Сталина, чей образ воодушевлял меня в работе. До тех пор я из своей деревни почти никуда не выезжал, а тут сразу попал в Красную столицу, увидел любимых вождей. Снимаясь, стоял рядом с товарищем Сталиным и Ворошиловым... Увез с совещания твердое решение учиться и учиться. И учусь. Всю зиму

учился в Ишиме в школе комбайнеров, затем в Омске на курсах при сельскохозяйственном институте.

В уборочную нынешнего 1936 года я перешел на комбайн „Сталинец“, на нем я убрал урожай с 1040 гектаров, почти вдвое больше, чем в прошлом году. Горючего сэкономил 738 килограммов. Заработал нынче на уборке крупную сумму—7951 рубль.

Что я думаю делать в будущем?

Бороться за дальнейшие победы социалистического земледелия и учиться. Учиться дальше и дальше. Учиться, чтобы стать инженером.

Были вы, поля, кулацкие

Алексей Тимофеевич
СИТКАРЕВ
Комбайнер Калачинской МТС

РОДИЛСЯ я в 1912 году. 20 лет отец мой Тимофей Тимофеевич батрачил. Сам я с раннего детства по найму ходил. Отец, как ни старался, не мог в люди выбиться, пока колхозы не организовались. Мать моя, также батрачила, и брат мой батраком был.

Ходили мы четверо по людям, а все толку не было. Меня и братишку так и звали в деревне „пастушатами“: пасли мы с ним кулацких коров, лошадей в ночное гоняли. О такой жизни, какая сейчас у нас, мечтать не приходилось.

Так бы оно все и шло, если бы о нас не думали, не заботились. Это я говорю о партии большевиков. Словом, в 1929 году организовался в деревне Лагушиной, где мы жили, колхоз.

Долго мы не раздумывали, наша семья первой записалась. Помню, однажды приходит к нам кулак Тесленко и говорит отцу:

— Зря, Тимофей, записался в колхоз! Горя потом не оберешься. Выходи, пока не поздно.

Долго кулак агитировал, а я сижу, от злобы трясусь. И боюсь. Думаю: — „Как смутит отца Тесленко, — придется пойти нам снова на таких же, как Тесленко, кулаков спину гнуть!“ Думаю: „Пусть отец, как знает, а я не уйду из колхоза!“

Однако, отец плюнул на кулацкие речи, из колхоза не ушел, хотя трудновато приходилось нам вначале.

В 1929 же году отправил меня колхоз учиться на тракториста. Дело было это новое. Тогда, сознаюсь, я боялся, сумею ли трактор водить. А когда выучился, выехал на тракторе на весновспашку, то сам не могу вам рассказать, что я тогда пережил! Смотрю на поля и думаю: „Сколько на вас нашего с батькой пота пролито задаром! Были вы, поля, кулацкие, а теперь колхозные. Мои поля. Наши поля. Я ваш хозяин и мой колхоз!“ Еду бороздой — сердце трепещет... прямо к горлу подымается. Сознаюсь — заплакал даже тогда, сам не знаю отчего... Раньше не замечал, как хорошо вокруг весной, красота какая, воздух, а теперь смотрю и не налюбуюсь. Петь хочется...

Работал я трактористом три года, потом два года машинистом на сложной молотилке. В 1935 году научился комбайн водить. Как я работал все знают. За сезон убрал 562 гектара урожая. Говорят, что хорошо работал. Ну, а я думаю, еще лучше нужно работать. Ведь есть у нас в области комбайнеры, которые по 800 гектаров убирали. Лучше мне надо работать, лучше буду работать.

Был я в Москве. Выпала мне такая честь на совещании знатных комбайнеров присутствовать. Выпало на мою счастливую долю услышать речь великого Сталина, поздороваться с ним за руку. Большое счастье мне выпало на долю получить от правительства орден Трудового Красного Знамени. Я помню каждое слово товарища Сталина. Теперь я хорошо понял, какую великую заботу имеют о нас наша партия, наше правительство. Был у меня тогда, в этот день, у бывшего батрака, батрацкого сына, самый большой праздник в жизни. Тогда, в этот праздник я дал сам себе слово убрать комбайном в будущем году не меньше 700 гектаров урожая.

Слово это не на ветер. У меня большая забота. Должен я учиться, узнать каждый винтик в моем комбайне, узнать, как его использовать на всю мощность. Очень хочу стать грамотным человеком, получить такое образование, чтобы разбираться во всем — и в агрономии, и в технике, и в природе, и в политике.

Хочется еще прочитать и узнать, как создалась партия большевиков, как она боролась, что сумела побороть капитализм, убрать с нашей дороги кулаков и сделать меня и всех нас счастливыми и свободными.

Расскажу вам, — хоть вы и знаете об этом, — что моя жизнь стала неузнаваемой. Получил я в 1935 году за свою работу 2662 рубля, в премию получил карманные часы, дом пятистенный на три комнаты, радиоприемник, патефон. Есть у нас хлеб, овощи. Привез из Москвы обнов, всю семью с ног до головы одел. Себе купил велосипед, сапоги, пальто, костюм, для жены пальто, костюм, две пары ботинок и еще много гостинцев.

Вспомнить смешно, что у меня было, когда я в батраках ходил. Холщевая рубаха, обутки с отцовской ноги и заплатанные штаны. Вот он как мир перевернулся! Стал я, батрак, зажиточным человеком. Вот поэтому я хочу быть членом ленинского комсомола, чтобы дружней работать нам вместе, укреплять нашу зажиточную колхозную жизнь, помогать нашей партии, проводить в жизнь все ее указания.

ПРИМЕЧАНИЕ. Эти автобиографические данные — выдержка из речи тов. Ситкарева, опубликованной в „Омской областной книге почета имени X с'езда ВЛКСМ". Сам тов. Ситкарев сейчас в Красной армии.

С быка на комбайн

Прасковья Гордеевна ИВАХНО

Комбайнерка Павлоградской МТС

НАШЕ село Константиноградка находится на юге Омской области, у границ Казахстана. Живут в селе сплошь украинцы.

Пришли наши родители в Сибирь лет тридцать назад.

Я знаю о переселении только по рассказам стариков. Родилась я уже здесь, в Сибири, в 1914 году.

Выросла я в саманной хате. Хата—как хата. На крыше у ней—солома. Мой отец—маломощный середняк—считал, что такой хатой дорожить надо. И солома на крыше ему казалась признаком большого благополучия. Ведь многие соседи, которые были еще бедней нас, жили попросту в землянках, крытых дерном, жили в помещениях не лучше скотских.

Детство прошло скучно.

В школу меня не пустили—я должна была нянчить младших сестер и братьев. Вынянчила и Ульяшу, и Марусю, и Нину, и Ивана...

☆

Но вот в 1929 году, когда мне исполнилось 15 лет, наша тихая Константиноградка начала жить новой жизнью. Возник колхоз—колхоз имени Тараса Шевченко. Я впервые тогда услыхала это имя. А коли жизнь текла бы по-старинке, не узнала бы я о Тарасе Шевченко, быть может, и до сих пор.

В колхозе работы всем хватало. Выбирай любую. Но я долго не знала, куда мне приложить свои силы. Много занятий я испробовала прежде, чем стать тем, кто я есть. Бросало меня в разные стороны.

Вот я, пятнадцатилетняя девчонка, берусь за первую работу—я погонщица быков.

— Цоб! Цобе!

Бороню колхозное поле.

После этого решила сделаться поварихой—варить обед колхозной бригаде.

Кухарила недолго. В 1931 году явился в колхоз вербовщик из Черлакского зерносовхоза:

— Кто хочет на тракториста учиться?

— Я хочу!

Пошла. Зиму училась, посевную работала в совхозе на тракторе. Летом 1932 года приехала в отпуск домой. Отец говорит:

— Хорошо, что ты, Паша, обучилась на тракториста, но плохо, что ты от нас далеко жить уехала. Переходи работать поближе в какой-нибудь совхоз.

Я не стала со стариком спорить—перешла на работу в Новоуральский зерносовхоз. Но увидела их тракторы и перепугалась. Очень уж неисправные, разбитые были у них „Интера“. Не умели они тогда с машинами обращаться. Назначили меня заправщиком. И тут, работая исправно, я впервые поняла, что бояться никакого дела не следует, что „дело мастера боится“, что не человек зависит от машины, а машина от человека. Словом, с работой я справилась.

В 1933 году направили меня на курсы штурвальных при Павлоградской МТС. И осенью этого года с большой радостью я впервые выехала в поле на комбайне. Интересно показалось работать на такой гордой машине, как комбайн „Коммунар“. Я была у штурвала.

Испытав радость работы на усовершенствованном агрегате—комбайне, я не разлюбила своих добрых быков. И весной 1934

года снова пахала я и боронила поля родного колхоза с помощью двух своих старых друзей быков „Кум Норис“ и „Кум Павло“. А после посевной, простившись с быками, отправилась я на курсы переподготовки комбайнеров и к уборочной приехала в свой колхоз на комбайне в качестве штурвального при комбайнере Василии Рудник.

★

Эта осень была дождливой. Трудно было работать. Приходилось не столько работать, сколько „стеречь погоду“, выжидать пока хлеба обдует ветром и подсушит. Только успеет пройти дождь, как начинается сильный ветер. Высокие хлеба на многих участках тогда полегли, перепутались. Приходилось кропотливо выбирать участки, годные для работы. В день удавалось убирать хлеб не более, чем с десяти гектаров. За двадцать пять дней мы выкосили хлеб лишь на 110 гектарах. Кое-где и вовсе нельзя было убирать комбайном. Там работали жатки. А где нельзя было работать и жатками, там люди убирали хлеб вручную — серпами, литовками. Но всюду, где только можно, появлялась наша машина. Как ни трудно было работать, но мы, комбайнеры, оказали все же очень большую помощь родному колхозу, мы сократили колхозникам срок уборки урожая. Недаром мы на комбайне жили, под комбайном спали.

После окончания уборки урожая в своем колхозе мы поехали оказывать помощь Новоуральскому зерносовхозу. Там дело было плохо. Форменный прорыв в уборке урожая. МТС бросила на этот прорыв четырнадцать комбайнов, в том числе и наш. Работали мы там до 5 ноября—до самых заморозков.

Эта бурная, ветрянная, дождливая осень 1934 года не прошла для меня даром. Если мы и не могли похвастаться высокими показателями уборки, так работа в труднейших условиях обогатила нас большим практическим опытом, научила нас стопроцентно использовать машину. Все это пригодилось на будущий год.

★

22 мая 1935 года я вернулась в Павлоградскую МТС с курсов комбайнеров из города Ачинска. До осени работала на ремонте комбайнов. Перед началом уборочной получила новую машину—комбайн марки „Сталинец“. Помощником мне назначили товарища Василия Удод, а трактористом у нас был Андрей Косенко.

Погода была хорошая, ясная, тихая—не то, что в 1934 году. Но и задание получили мы весьма серьезное—произвести уборку хлебов в трех колхозах—в колхозе имени Шевченко, в колхозе „Украина“ и в колхозе „Ковальчуковка“. Хотелось выполнить это задание образцово и, во всяком случае, не отстать от других. Мой соперник по соревнованию комбайнер Карась казался мне весьма серьезным—я знала, что он уже три года работает комбайнером. А я командовала агрегатом впервые,—в прошлые годы была я только штурвальным.

Как опередить Карася? По началу мы этого не понимали. Само собой, работали исправно, время не теряли, но и Карась работал неплохо. Однако, изучая его методы работы, вскоре нащупали мы его слабые стороны. А именно: заметили мы, что как только малость темнеть начинает, Карась и его помощники бросают работу, не сделав заправки своей машины.

Их комбайн уже стоял, а мы успевали сделать по крайней мере еще один круг по полю. Не торопились мы уходить домой. С вечера подготовляли машину к следующему утру. И, в результате, утром стали выигрывать еще круг, убрать хлеб еще с площади до двух гектаров, пока Карась и его помощники приводили в порядок машину.

Я очень боялась того, что сгубят нас частые переезды с места на место. Хлеб не везде вызревает одновременно. Приходилось выбирать разные участки в разных колхозах. Начав работу с колхоза „Украина“, мы переехали затем в колхоз имени Шевченко, оттуда в „Ковальчуковку,“ из „Ковальчуковки“ обратно в колхоз имени Шевченко, а затем в „Украину“. Вот какой сложный был у нас маршрут. Очень много времени уходило на переезды. И я решила—переезды будем делать только ночью, чтобы не потерять ни часа времени на уборку.

Это и решило победу. Мы обогнали Карася. Мы убирали за день самое меньшее хлеб с 14 гектаров, а в иные дни успевали убирать хлеб и больше чем с двадцати гектаров.

Наивысший наш показатель—22,5 гектара в день.

За 25 дней мы убрали хлеб с 410 гектаров.

Если бы не переезды,—убрали бы мы и больше.

Но обслужить три колхоза зараз—это не шутка!

А Карася все же мы оставили далеко позади.

Кроме всего прочего, сумела я сэкономить за уборочную 1002 килограмма горючего. Мотор у моего комбайна не работал

впустую, горючее не утекало зря. В том году вступила я в ряды ленинского комсомола. Комсомол помог мне стать не боящимся трудностей, настойчивым работником.

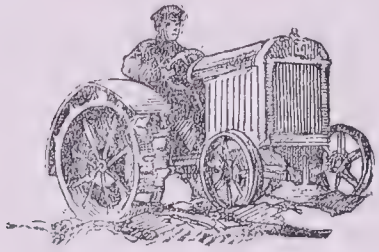
В Москве на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок увидела я нашего вождя товарища Сталина, руководителей той партии, которая указала трудовому крестьянству путь к веселой зажиточной жизни. Я получила высокую награду—орден „Знак Почета". Вернувшись домой, поехала я с докладом по колхозам, по МТС.

Колхозники мне говорят:

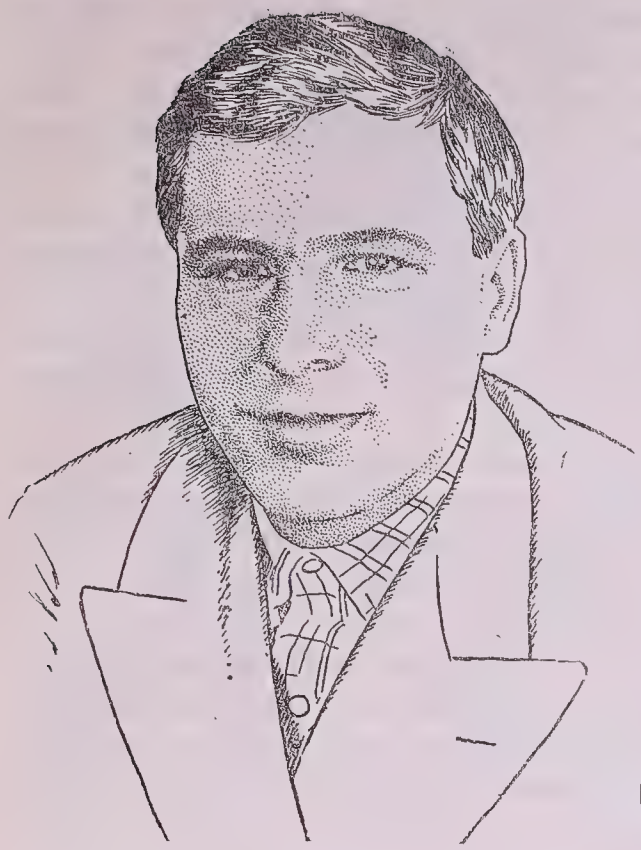
— Мы не думали, Прасковья Гордеевна, что наша простая колхозница, такая, как мы, таких успехов добьется и такую награду получит. Мы думали, что таких наград лишь служащие добиваются.

А я им в ответ:

— Нет! Я такая же, как и вы, колхозница. Давайте работать еще дружней. Еще больших успехов добьемся.



Судьба семьи Цапенко



Павел Романович
ЦАПЕНКО

Комбайнер Сосновского зерносовхоза
Азовского района

НАШ Сосновский зерносовхоз—это целый город с населением в пять тысяч человек. Дома освещены электричеством. Есть радио, звуковое кино. В совхозной библиотеке около девяти тысяч книг.

А десять лет назад на месте совхоза была голая степь, летние кочевья казахов. Но и казахи живут теперь по иному—поблизости совхоза выросли казахские колхозы. Перейдя на оседлость, казахи строят новое социалистическое хозяйство. Мы, рабочие совхоза, оказываем казахским колхозам помощь тракторами, молотилками. Казахи в свою очередь помогают нам во многих работах.

По новому живет степь.

Я пришел в совхоз осенью 1930 года. Наша семья жила неподалеку, в Одесском районе. Отец с матерью туда переселились с Украины еще в 1914 году, когда мне было три года. Родители приехали в Сибирь переселенцами — „самоходами“ или, как

еще говорилось, „самовольцами“. Земли не получили и поселились у брата матери, ранее прибывшего в Сибирь. Поскольку не было земли и своей хаты, отец пошел батрачить к кулаку Лизогубу. Потом взяли отца на войну. И лишь в 1918 году отец стал строить свою хату. Но так как хозяйство не было налажено, пришлось снова батрачить на кулаков.

Я не учился в школе. До 1928 года помогал родственникам, в хозяйстве, в 1929 году женился и начал жить своим хозяйством. Тут вступили мы в товарищество по совместной обработке земли, а затем в сельскохозяйственную артель. Из колхоза перешел в совхоз, поступил на курсы трактористов при совхозе, да так и остался в совхозе жить.

В 1932 году вступил в совхозе в комсомол. И с этого же года работаю комбайнером. А в 1935 году добился самых высоких по нашему совхозу производственных показателей. Именно: за двадцать два дня работы убрал урожай с 461 гектара. За это и был награжден орденом „Знак почета“.

Как я добивался первенства? Год за годом внимательно изучал я технику управления комбайном, учитывая все ошибки вчерашнего дня. И если в 1934 году были кое-какие неполадки в работе моего агрегата, то перед уборочной 1935 года я сам тщательно отремонтировал машину. Правильно отрегулировал цепи, которые прежде довольно часто рвались.

За 22 дня работы на комбайне в уборочную 1935 года я заработал 2030 рублей, и, кроме, получил 640 рублей за экономию горючего и нынче тоже заработал я не плохо—1705 рублей. Я нынче за время уборочной, работая начальником агрегата, на сцепе двух комбайнов марки „Коммунар“, убрал 655 гектаров, причем сэкономил 196 килограммов горючего.

Заработками я доволен. Живем мы с женой и двумя сыновьями хорошо, есть у нас дом и даже свое маленькое хозяйство—корова, свинья, куры. Теперь хочу учиться, общеобразовательный уровень у меня еще низок, — знаю лишь четыре действия арифметики, пишу довольно плохо... Все это наверстаем.

В совхозе я добился хорошей жизни. Но и те, кто остались в деревне, живут неплохо. Старики работают в колхозе имени Ярославского, отец рядовой колхозник, мать—доярка. Брат служит в Красной армии, а сестра Анна стала нынче шофером!

Комбайнер-самоучка

Иван Кириллович
ГАВРИЛЕНКО

Комбайнер Сосновского зерносовхоза
Азовского района

В 1910 году нашей семье жить стало нестерпимо плохо. Отец, батрача на помещиков, не мог заработать даже на то, чтоб прокормить нас, детей. Меня, например, кормил наш дед—пастух, а я за это помогал деду пасти коров. Мне тогда было десять лет от роду.

На следующий год покинули мы родную Украину и отправились на новое место жительства—в Сибирь.

Царское правительство о переселенцах заботилось неособенно. „Устраивайтесь, как знаете!“ И стали мы рыть землянки в степи... В землянках и скрылись от ветра и зноя. Так возник поселок Новокиевка Павлодарского уезда.

Обжились. Понравился нам степной простор — земля неплохая, земли много. А ведь на Украине крестьянину-бедняку так тесно было, что курицу негде выпустить. Но на этом радость наша и кончилась. Дело в том, что мы были настолько истощены переездом, настолько бедны, что не могли приобрести лошадь и сель-

скохозяйственные орудия для обработки земли. Что делать со своими пятнадцатью гектарами степи? Как поднять целину?

Тут-то и об'явились хитрецы — кулаки из соседних селений. Кулаки предложили нам, новоселам: — „Мы вам пашем и сеем, а вы нам уступаете за это часть земли". И вышло так, что из наших пятнадцати гектаров три гектара нам кулак вспахал и засеял, а остальные двенадцать взял себе за услуги. И вышло так, что из кабалы украинских помещиков мы фактически попали в кабалу к сибирским кулакам, многие пошли батрачить, а в том числе и я с одиннадцатилетнего возраста пошел в батраки. И батрачил вплоть до 1916 года.

В этом году моего отца — ополченца третьего разряда — погнали на войну. Я остался дома за хозяина. Жить было, конечно, очень трудно — семья у нас большая, — тринадцать детей родила моя мать. Пятеро из них умерли в детстве и в юности от разных болезней, остальные живы и до сих пор.

В 1920 году отец вернулся домой, а я ушел в Красную армию. Служил до 1925 года, главным образом в пограничной охране, на Афганской границе. Тут в армии развился, подучился. Армия заменила мне школу, в которой не пришлось мне учиться в детстве.

Единоличное хозяйство нам выхода не давало и не могло дать. Я это знал. Но тут приближались иные времена. Пришло время, возникло в 1929 году у нас товарищество по совместной обработке земли („ТОЗ"). А после и сельскохозяйственная артель, в которой моя мать живет до сих пор. Отец всего этого уже не увидел — он умер в 1927 году. А я был членом товарищества, затем в 1930 году перешел в красноармейскую коммуну. Там работал полтора года, научился работать на тракторе. Из коммуны в 1931 году перешел работать в Сосновский зерносовхоз. Здесь стал комбайнером.

Я комбайнер-самоучка. Курсов никаких не кончил. А вышло так: получил в коммуне некоторое знание машин, стал я работать в совхозе сначала трактористом, затем бригадиром на ремонте. В 1932 году работал по сборке комбайнов — слесарем около комбайнов... Иногда выпустим комбайн из ремонта, а у комбайнера работа не ладится. Тогда меня посылали: — „Узнай в чем дело. Помоги направить". Так, постепенно стал я знатоком комбайна и, наконец, дали мне комбайн, чтобы я работал на нем постоянно.

В прошлом 1935 году я дал высокие показатели работы. Своим агрегатом комбайном „Сталинец" я за 22 рабочих дня убрал урожай с 438 гектаров. За это я и получил от правительства высокую награду — орден „Знак почета".

Высоких показателей работы на комбайне удалось мне добиться далеко не сразу. Помню, в 1933 году я сумел убрать комбайном урожай лишь с 350 гектаров. Тогда я еще не так совершенно владел искусством работать на сложной новой машине. Но я упорно работал, изучая каждый винтик механизма, продумывая каждую подробность организации труда.

Нынче, работая на уборке начальником агрегата из двух комбайнов „Сталинцев", я за 26 рабочих дней убрал урожай с 822 гектаров. Сэкономил 262 килограмма горючего. После уборки в своем совхозе принимал участие в уборке хлеба в Западной Сибири. Это в порядке социалистической помощи.

Живу я хорошо. Скоро ко мне в совхоз приедет в гости мать, оставшаяся там в колхозе близ Павлодара. Может быть она останется жить со мной, ей теперь необязательно жить там в Новокиевке. Она всех нас, оставшихся в живых, ребят выкормила, поставила на ноги. Четыре сестры—замужем, два брата—красноармейцы, третий—колхозник, четвертый—бригадир МТС.

А мне теперь хочется учиться. Пора за учебу взяться как следует. Довольно быть самоучкой. Надо повышать и общую грамотность и специальные знания. Сначала подготовительные курсы, а затем—техникум или ВУЗ—вот о чем я мечтаю.

Теперь я, бывший батрак, начал жить полноценной счастливой жизнью и никто уже это счастье не отберет.

Красная армия была моей школой

Григорий Федорович КИСЛЯКОВ

Комбайнер Борисовского зерносовхоза Шарбакульского района

Я РОДИЛСЯ в 1910 году в селе Ерминка Называевского района. Отец хозяйства никакого не имел—работал мастером на маслозаводах. Но заработка нехватало,—семья была в пять человек,—и мать была вынуждена тоже работать в прислугах у богатеев. Когда началась империалистическая война, отца послали на фронт, попал отец в плен и пришел лишь через семь лет. Мать без отца бедствовала. Меня отдали в Тюкалинский детдом, где я воспитывался больше года.

*

Вернувшись из плена, отец взял меня из детдома. В 1923 году послал в школу. Эту сельскую школу я окончил в 1925 году. Хотелось учиться дальше, но не смог продолжать в силу тяжелого материального положения семьи и потому что поблизости не было средней школы. Пришлось приниматься за работу. Пошел я на маслозавод. Сначала работал учеником, затем рабочим

й, наконец, помощником мастера. Работал хорошо. Добился выработки экспортного масла. И в 1929 году мне, как хорошему работнику, предложили учиться в Каинской молочной школе.

Но в ней я учиться не стал. Дело в том, что меня заинтересовали тракторы.

★

Зимой 1929 года был об'явлен набор на курсы трактористов. Поступить на курсы мне оказалось нелегко. Меня сначала не хотели принять на курсы, потому что я был членом другого профсоюза, работал на маслозаводе. Мне пришлось просить много организаций и комиссию, чтобы меня приняли. И вот моя мечта сбылась — я был принят на учебу.

На курсах я учился очень прилежно и был первым курсантом. Изучил тракторы двух систем — „Интернационал" и „Катерпиллер". Через три месяца получил свидетельство о том, что я тракторист.

★

Поехал я работать в Борисовский зерносовхоз. Меня зачислили в штат Южного отделения, где и работал я посевную.

Сначала было трудно. Теорию я знал, но практических навыков у меня нехватало. Бывали случаи: остановится трактор и не знаешь, в чем дело. Начинаешь припоминать весь свой теоретический „багаж". Тщательно осмотришь трактор и только тогда удавалось выявить причины остановки. Много времени уходило на исправление того, что теперь мне кажется пустяком, минутным делом.

После работы я изучал руководство по тракторному делу, расспрашивал старых трактористов. Если при чтении книжки что-нибудь было непонятным, возникали какие-нибудь недоуменные вопросы, я чаще всего обращался за советом к своему квалифицированному подсменщику. Таким путем я практически изучил трактор. Берег его, ухаживал за ним, как мать за ребенком. Мой трактор всегда был чист. Я во-время делал профилактический ремонт. Я не перегружал трактор. В первую очередь я обращал внимание на масляную систему—масло и горючее всегда тщательно фильтровал. Вот почему я не знаю случаев расплавки подшипников. И вообще за все время работы у меня не было случаев поломки или аварии.

Красная армия была моей школой

Григорий Федорович КИСЛЯКОВ

Комбайнер Борисовского зерносовхоза Шарбакульского района

Я РОДИЛСЯ в 1910 году в селе Ерминка Называевского района. Отец хозяйства никакого не имел—работал мастером на маслозаводах. Но заработка нехватало,—семья была в пять человек,—и мать была вынуждена тоже работать в прислугах у богатеев. Когда началась империалистическая война, отца послали на фронт, попал отец в плен и пришел лишь через семь лет. Мать без отца бедствовала. Меня отдали в Тюкалинский детдом, где я воспитывался больше года.

★

Вернувшись из плена, отец взял меня из детдома. В 1923 году послал в школу. Эту сельскую школу я окончил в 1925 году. Хотелось учиться дальше, но не смог продолжать в силу тяжелого материального положения семьи и потому что поблизости не было средней школы. Пришлось приниматься за работу. Пошел я на маслозавод. Сначала работал учеником, затем рабочим

й, наконец, помощником мастера. Работал хорошо. Добился выработки экспортного масла. И в 1929 году мне, как хорошему работнику, предложили учиться в Каинской молочной школе.

Но в ней я учиться не стал. Дело в том, что меня заинтересовали тракторы.

★

Зимой 1929 года был об'явлен набор на курсы трактористов. Поступить на курсы мне оказалось нелегко. Меня сначала не хотели принять на курсы, потому что я был членом другого профсоюза, работал на маслозаводе. Мне пришлось просить много организаций и комиссию, чтобы меня приняли. И вот моя мечта сбылась — я был принят на учебу.

На курсах я учился очень прилежно и был первым курсантом. Изучил тракторы двух систем — „Интернационал“ и „Катерпиллер“. Через три месяца получил свидетельство о том, что я тракторист.

★

Поехал я работать в Борисовский зерносовхоз. Меня зачислили в штат Южного отделения, где и работал я посевную.

Сначала было трудно. Теорию я знал, но практических навыков у меня нехватало. Бывали случаи: остановится трактор и не знаешь, в чем дело. Начинаешь припоминать весь свой теоретический „багаж“. Тщательно осмотришь трактор и только тогда удавалось выявить причины остановки. Много времени уходило на исправление того, что теперь мне кажется пустяком, минутным делом.

После работы я изучал руководство по тракторному делу, расспрашивал старых трактористов. Если при чтении книжки что-нибудь было непонятным, возникали какие-нибудь недоуменные вопросы, я чаще всего обращался за советом к своему квалифицированному подсменщику. Таким путем я практически изучил трактор. Берег его, ухаживал за ним, как мать за ребенком. Мой трактор всегда был чист. Я во-время делал профилактический ремонт. Я не перегружал трактор. В первую очередь я обращал внимание на масляную систему—масло и горючее всегда тщательно фильтровал. Вот почему я не знаю случаев расплавки подшипников. И вообще за все время работы у меня не было случаев поломки или аварии.

★

После посевной, согласно указанию директора, часть лучших трактористов послали в центральные мастерские на сборку комбайнов иностранных марок. В числе этих трактористов был и я.

Сборкой руководил американский инженер. Ни один из нас, трактористов, не знал комбайна. Но после сборки одного-другого комбайна мы уже поняли машину и начали работать самостоятельно. Собирая комбайн, я изучал его. Комбайн меня заинтересовал еще больше, чем трактор, но изучить комбайн было гораздо труднее—руководств для изучения комбайна мы имели тогда очень мало.

Осенью 1930 года мне дали комбайн марки „Хольт", на котором я и работал во время уборочной. Повторяю, изучать комбайн нам было очень трудно, неполадок в работе у комбайнеров сначала было очень много. Из всех восемнадцати комбайнов лучше других работали комбайны т. Харченко и мой. Наши комбайны работали лучше потому, что у нас было желание работать и изучать машину.

Зиму я провел в центральной мастерской, ремонтируя тракторы, затем перешел на электростанцию к моторам „Геркулес". В 1931 году вступил в комсомол.

★

В мае 1932 года меня призвали в ряды Красной армии. Послали меня в Москву, в школу танкистов. Я изучил танк, стал командиром танка. За ударную учебу и за активную общественную работу получил я в школе премию и благодарность.

Где бы я ни находился, я всегда старался изучить технику и это мне удавалось.

Красная армия дала мне очень много. Красная армия—это школа, которая меня вырастила, дала развитие и воспитание. Я с удовольствием вспоминаю те дни, которые служил в нашей родной Рабоче-Крестьянской Красной армии.

★

Я вернулся из армии в совхоз в 1933 году. Работал я при электростанции машинистом на дизеле.

Пришла весна 1935 года. Закончилась посевная. И вот прикрепили ко мне комбайн. Это был „Оливер" № 12. Многие товарищи говорили:

— Товарищ Кисляков! Ты на этом комбайне ничего не уберешь. Это не комбайн, а корыто, которое ни в одной канаве не плавает.

Такого мнения были они о моем „Оливере" № 12.

Действительно, комбайн был разбит. В 1934 году он убрал только сорок гектаров. Но я решил доказать, что не комбайн плох, а те комбайнеры, которые доводят агрегат до такого состояния. Я стал восстанавливать комбайн и к началу уборки он был готов. Отремонтировал его я хорошо, я не допускал такого положения, чтобы ставить какие-нибудь плохие запасные части, я все подгонял как у нового комбайна. И, конечно, после ремонта, комбайн стал неузнаваемым.

★

Я доказал, что не комбайн—плохой, а комбайнеры плохие, у которых не работает комбайн. Я понимал, что успех в работе зависит прежде всего от спаянности людей, работающих на агрегате. Я неоднократно проводил беседы с товарищами, инструктировал людей, как надо работать. После работы мы почти ежедневно собирались у агрегата, выявляли промахи, какие были допущены за день, обсуждали, кто какую ошибку сегодня сделал. Такое обсуждение помогало ошибок не повторять.

В первые дни работы рвался у моего комбайна соломотряс. Я несколько раз его ремонтировал, но все же отрегулировать не смог. И вот однажды вечером я решил сразу же после работы с'ездить на центральную усадьбу к нашему мастеру-орденоносцу тов. Хоянковскому. Тов. Хоянковский мне помог. В ночное время мы с ним исправили комбайн. И после этого мой „Оливер" № 12 стал работать как часы!

У меня всегда были в запасе всех видов заклепки, планки, был подобран весь инструмент, необходимый для работы. Простоев из-за мелких неполадок у меня быть не могло. Вот почему наш „Оливер" № 12 вышел передовым по отделению, вот почему за уборочную 1935 года я убрал урожай с 413 гектаров, обогнав всех других комбайнеров. Мы убрали на сотню гектаров больше, чем убрали своими комбайнами те комбайнеры, которые подсмеивались над моим агрегатом.

Мы вызвали на социалистическое соревнование комбайнера тов. Заммуло. Договор на соревнование мы часто проверяли, я помогал тов. Заммуло советами. Первое время тов. Заммуло несколько

обижался, что его учат. Но впоследствии, когда его комбайн стал делать потери и был выведен из борозды, тов. Заммуло послушал мой совет и снова начал работать.

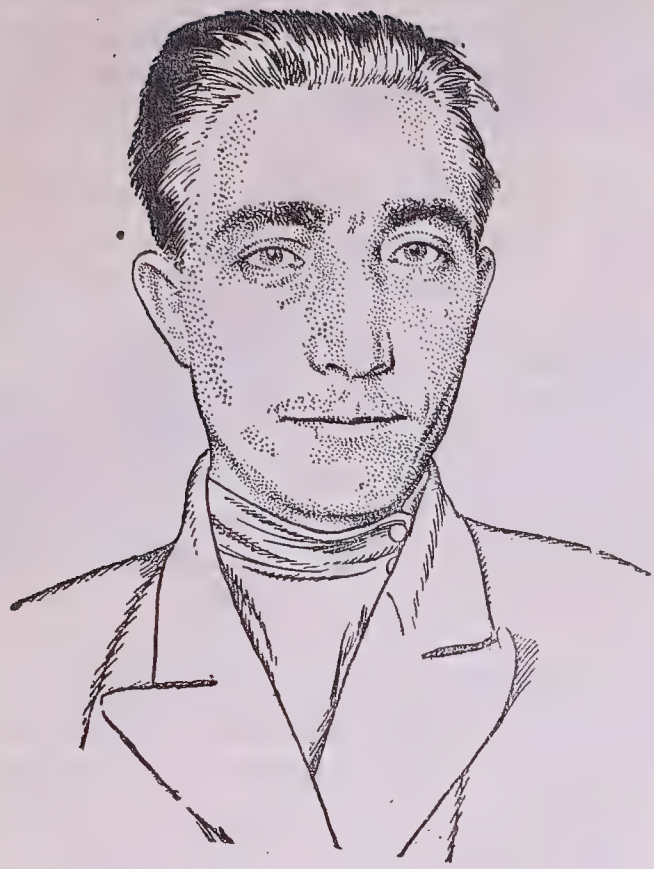
Во время уборки меня избрали молодежным организатором и редактором стенной газеты в бригаде. Под моим руководством устроены были в нашей бригаде турник, волейбольная площадка. Мой тракторист тов. Атрошенко был у нас в бригаде чтецом книг и газет. Мы ежедневно проводили громкое чтение газет и были в курсе того, как идет уборка не только у нас в совхозе, но и во всей области. Во многом помогла мне комсомольская организация.

★

Правительство наградило меня орденом „Знак почета". Нынче на посевной и на под'еме паров я пахал. На тракторе „ЧТЗ" вспахал я 366 гектаров. А когда пришла осень, убрал я за 24 рабочих дня урожай с 615 гектаров, работая один на сцепке двух комбайнов марки „Оливер".

По окончании работ в своем зерносовхозе я выехал в соседний Западносибирский край, где в порядке социалистической помощи принял участие в уборке хлебов.

★ ★
★



Выполним сталинское пожелание

Иван Сергеевич РОМАНОВ

Комбайнер Москаленского зерносовхоза

Я РОДИЛСЯ 25 июня 1910 года в деревне Веригино, Воскресенской волости, Калужского уезда, Тульской губернии. Отец мой — рабочий, столяр.

Мы жили бедно.

Пришлось нам выехать из Тульской губернии в Сибирь переселенцами. Когда прибыли мы к новому месту жительства на станцию Москаленки Омской железной дороги, отец заболел. Семья была у нас немалая — 6 человек. Взялась мать за работу — пошла батрачить к местным кулакам и к помещику Романенко. И я, вместо того, чтобы учиться в школе, тоже пошел батрачить. Пришлось мне наняться пасти скот помещика Романенко в качестве подпаска. И пас я этот скот до того времени пока не пришла советская власть. Помещик Романенко — сбежал. Когда он сбежал, то в его именьи организован был совхоз „Элита“. Я еще подростком начал работать в этом совхозе.

В 1929 году послали меня из совхоза на курсы трактористов. Здесь я научился грамоте. Окончив курсы, поехал я работать

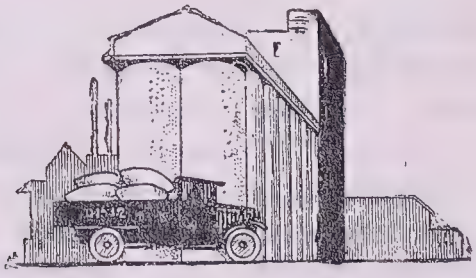
трактористом в Борисовский зерносовхоз. Проработал сезон, зимой пошел на курсы комбайнеров. Окончив курсы, вернулся в Борисовский зерносовхоз. После разукрупнения этого зерносовхоза попал в Москаленский зерносовхоз, где и работаю до настоящего времени.

В 1935 году я перевыполнил нормы уборки урожая комбайном—выработал 405 гектаров. За это был послан в Москву на всесоюзное совещание комбайнеров и комбайнерок. Участвовал в этом совещании с руководителями партии и правительства, с нашим любимым товарищем Сталиным.

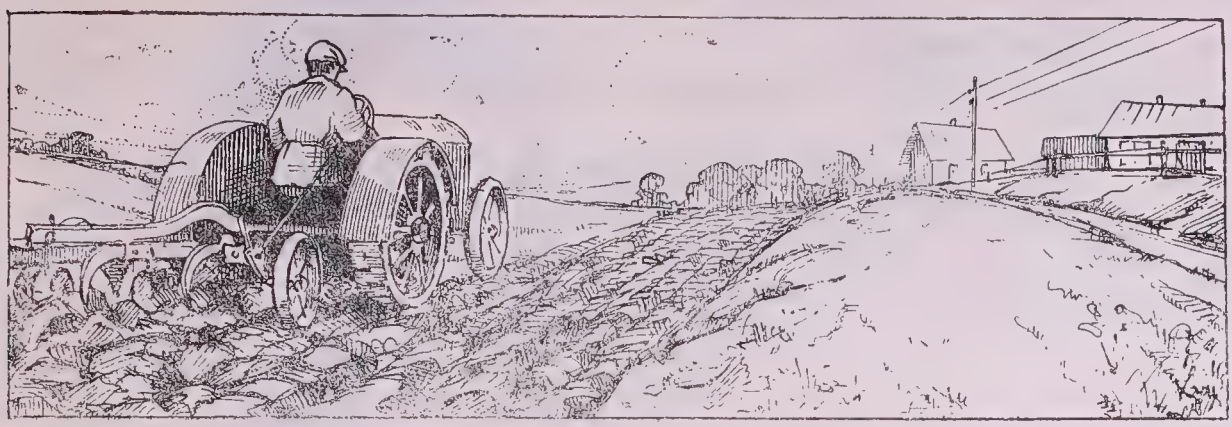
Партия и правительство учли мою работу и наградили меня орденом „Знак почета".

Весной и летом нынешнего года работал я в своем совхозе на тракторе „ЧТЗ" и вспахал 405 гектаров. А в уборочную работал я один на двух комбайнах марки „Мак-Кормик" и убрал за 26 рабочих дней 541 гектар. Заработал на уборке 2173 рубля и 25 пудов пшеницы.

Веду общественную работу,—я профорг. Учусь—посещаю техническую учебу и школу взрослых, то-есть повышаю и специальные технические знания и общее свое образование. Хочу я выполнить пожелание дорогого товарища Сталина о том, „чтобы число наших комбайнеров и комбайнерок росло не по дням, а по часам, чтобы они, обучаясь технике комбайна и обучая этому делу своих товарищей, стали, наконец, действительными победителями в сельском хозяйстве нашей страны".



Передовики урожайности по зерну. трактористы и машинисты молотилок



Постановлением Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 30 декабря 1935 года о награждении передовиков урожайности по зерну, тракторных бригадиров, трактористов и машинистов молотилок орденами Союза ССР награждены следующие работники колхозов, совхозов, МТС и научных учреждений Омской области:

Орденом Ленина.

1. Евдокименко Павел Васильевич, бригадир колхоза „Новый путь“ Москаленского района.
2. Устинов Василий Александрович, агроном отделения совхоза „Лесной“ Исилькульского района.
3. Сельков Михаил Александрович, агроном отделения совхоза „Боевой“ Исилькульского района.
4. Цицин Николай Васильевич, доктор сельскохозяйственных наук, зав. отделом селекции Сибирского научно-исследовательского института зернового хозяйства.

Орденом Трудового Красного Знамени.

1. Дробилин Марк Васильевич, тракторист совхоза им. Булатова Большереченского района.
2. Климанов Григорий Тимофеевич, машинист Серебрянской МТС Горьковского района.
3. Коротеньков Степан Осипович, председатель колхоза „Труженик“ Абатского района.
4. Гостюхин Семен Тимофеевич, председатель колхоза „Полезный труд“ Абатского района.

5. **Першин Никита Карпович**, зав. участком совхоза „Лесной“ Исилькульского района.

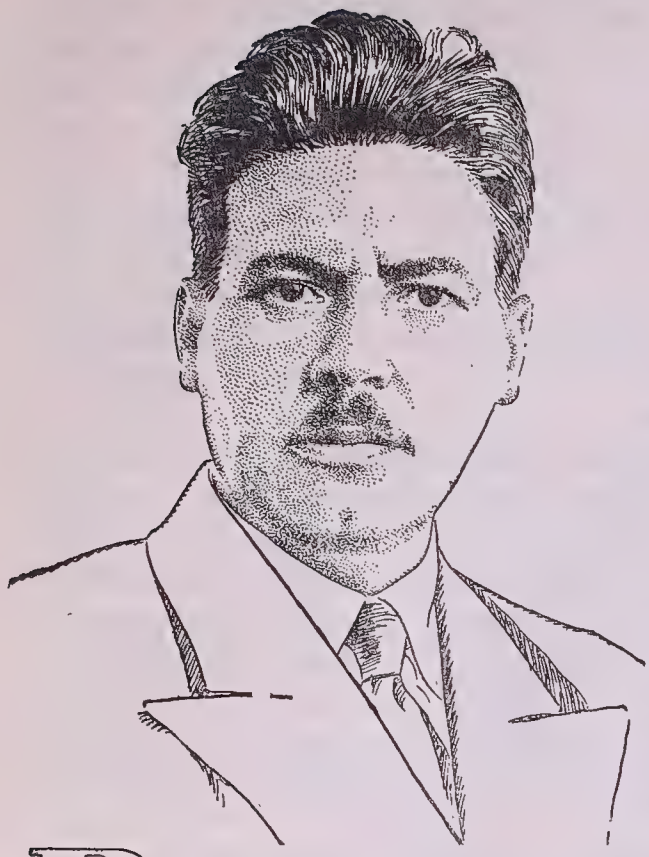
6. **Никитенко Дмитрий Андреевич**, председатель колхоза „Муравей“ Исилькульского района.

Орденом Знак Почета.

1. **Юдаев Василий Яковлевич**, тракторист Северной МТС, Любинского района.

Кроме того, ранее правительством за успешное строительство зерносовхоза в Казахстане орденом Ленина награжден тов. **Хаянковский И. И.**, работающий ныне старшим механиком Борисовского зерносовхоза Шарбакульского района.

„Смелее экспериментируйте“, — сказал товарищ Сталин



Николай Васильевич
ЦИЦИН

Доктор сельско-хозяйственных наук, зав. отделом селекции Сибирского научно-исследовательского института зернового хозяйства

РОДИЛСЯ я в городе Саратове в 1898 году. В этом году умер мой отец. Мать, овдовев, не осталась в деревне. Своего хозяйства не имела. Пошла мать в Саратов, где и поступила в прислуги.

Мать работала по людям, я рос в углу за печкой. О своем детстве как-то не хочется и вспоминать. Помню цветистую занавеску, укрепленную на проволоке. Эта занавеска отделяла тот угол за печкой, где я рос. В углу стояла плохонькая кровать — единственная собственность моей матери. Возле этой кровати и прошли, по существу, первые пять лет моей жизни.

Мать не получала от хозяев заработной платы. За свой труд она имела право лишь питаться и кормить меня. За меня, то-есть за „лишний рот“, мать работала бесплатно. Но я подрастал и вскоре матери было отказано в такой милости—кормить меня за хозяйский счет. Нашлись „добрые“ люди, которые настояли, чтобы я был помещен в так называемый „серафимовский“ приют.

В приют я попал на шестом году жизни. Исключительно тяжелые воспоминания остались у меня об этом „серафимовском" приюте. По стенам комнат приюта на видных местах висели плетки, предназначенные для наказания воспитанников. Нас драли нещадно и по самым разнообразным причинам. Я несколько раз убегал из этого приюта, но меня водворяли обратно. Когда приводили назад в приют, то подвергали публичной порке. Били на глазах всех детей и моей матери. Били „с зажатием головы между ног".

Так прошло еще около двух лет моего „счастливого" детства. На восьмом году я был помещен в другое заведение, в приют „для сирот бедных вдов", учрежденный купчихой Чирихиной. Режим был тоже тяжелый, но все-таки здесь мне дали возможность получить начальное образование.

Став учеником, я почувствовал особую страсть ко всякого рода машинам. Величайшим удовольствием для меня стало разглядывать какой-нибудь пароход, катер... Я мог целыми часами любоваться механизмом или какой-нибудь диковинной машиной в витрине магазина. Привлекала меня как-то особенно и музыка. Редкие посещения театра надолго оставляли память о себе. Хорошо успевал я в изучении родного языка, много читал. Любимым писателем был Гоголь. Отдельные произведения Гоголя я перечитывал по нескольку раз. Особенно мне нравились его фантастические вещи.

А вот математика сначала мне не давалась. Очень плохо успевал я по математике. Уроки математики были тогда для меня мучительным испытанием. Однако, причина моих детских неуспехов по математике, насколько я понимаю, коренилась, главным образом, в том, что у нас был неправильный метод преподавания. Впоследствии, уже при советской власти, став студентом технического рабфака, я сделался лучшим учеником по математическим дисциплинам. И уроки по математике, которые были в детстве мукой, стали для меня буквально наслаждением...

В 1912 году я покинул ненавистные приютские стены. В жизни матери случилась перемена к лучшему — мать снова вышла замуж. За рабочего-землекопа Мартынова. Отчим и мать к великой моей радости взяли меня из приюта.

Вступил я в новую полосу жизни. Начал работать. Сначала я — мальчик на посылках. Работаю у купчихи Чирихиной, у Соколова, у Келлера и К°. Конечно, и тут счастья было мало. Когда работал у Чирихиной и Соколова — два с полтиной, три рубля

были месячным заработком за двенадцатичасовый рабочий день. Купцы и фабриканты варварски относились к труду детей, эксплоатировали детей беспощадно. У Келлера платили больше—вместо трех рублей в месяц—четыре, но зато и недешево доставался этот лишний рубль. Там заставляли нас, подростков, поочередно, через каждые два дня в третий, развешивать так называемую „отживель", продававшуюся для стирки белья. Пыль этой „отживели" раз'едала слизистые оболочки глаз, носа, рта и гортани. Как аккуратно мы ни работали—нельзя было избежать этой пыли. Мы, дети, часто теряли на этой работе сознание. Вот как дорого доставался лишний рубль подросткам, работавшим у Келлера.

Началась империалистическая война. Отчима мобилизовали и отправили на фронт. Той же осенью мать при помощи своих бывших господ выхлопотала мне возможность устроиться учеником на телеграф. Выучился, сдал экзамен, проработал несколько месяцев в качестве линейного надсмотрщика. В 1915 году выдержал дополнительное испытание и стал телеграфистом...

Но это не удовлетворяло. Хотелось учиться. Учиться дальше. И хотя труд был тяжелый, — бессонные ночи и автоматическая беспрерывная работа выматывала силы, я не потерял желания учиться. Заработок был низок — всего 36 рублей в месяц, но я все же стал выписывать учебные пособия — так называемый „Университет на дому".

★

Но вот грянул Великий Октябрь.

Я был тогда человеком политически почти безграмотным. Но я нутром понял, за кем надо итти. С первых же дней Октябрьской революции вступил в ряды сочувствующих РКП(б). Руководство назначает меня политкомом смены правительственного телеграфа. В 1918 году меня перебрасывают политкомом полевой конторы при штабе 4-й армии. Оттуда назначаюсь районным комиссаром связи в город Хвалынск. Осенью 1919 года на губернском с'езде в Саратове меня избирают членом губкома союза связи.

Но в ноябре 1920 года, во время проведения ряда уездных с'ездов союза связи, я был исключен из рядов РКП(б) за неподчинение партдисциплине.

Должен сказать, что, находясь вне партии, я фактически ни на минуту не отрывался от партии. Всюду где бы я ни был, я про-

водил по общественной линии решения партии. В 1936 году я снова вступил в ряды ВКП(б).

В 1920 году я был командирован на учебу в технический рабфак имени Ленина. Этот рабфак я успешно закончил в 1923 году. Как лучший ученик, я получил путевку в московскую Горную академию. Но учиться в Горной академии мне не пришлось — не позволило здоровье. Дело в том, что еще в голодный год я перенес три тифа и получил ряд осложнений, от которых долгое время не мог оправиться. И врачебная комиссия, осматривавшая меня перед направлением в ВУЗ, рекомендовала мне по состоянию моего здоровья итти учиться на агрономический факультет. Я так и сделал. Путевку пришлось переменить.

★

Селекция — наука по переделке не только растений, но и самой природы — стала самой близкой моей душе дисциплиной уже со второго года моей учебы в саратовском институте сельского хозяйства.

В 1926 году на практике в ВИЗХ я начал беспрерывную упорную работу по селекции. Уже на втором году работы я пришел к убеждению, что наиболее увлекательная и перспективная часть селекции—гибридизация в той постановке, какая была принята тогда в Саратове, не даст того, что на самом деле можно было бы от нее получить.

Что я видел на Саратовской селекционной станции? Даже лучшие ее работы по скрещиванию озимой пшеницы с рожью,—работы, имеющие целью получение озимой пшеницы равной по зимостойкости озимой ржи,—эти работы не давали ощутительных результатов. Надо было искать какие-то новые пути.

В исканиях мне помог И. В. Мичурин. В 1927 году, будучи на экскурсии у Мичурина, из беседы с ним я понял, что пшенице недостает более сильного партнера, чем сама пшеница и рожь...

В том же 1927 году я окончил институт и стал селекционером. Первые мои самостоятельные шаги относятся к 1928 году. В этом и следующем году я усиленно проводил гибридизацию пшеницы не с культурными формами растений, а с дикорастущими. Внимание мое особенно привлекает пырей.

Работа по скрещиванию пшеницы с пыреем была нелегкой работой и впервые дала результат лишь в 1930 году.

Громадной для меня радостью была оценка моей работы, сде-

ланная Мичуриным в 1934 году. Мичурин поздравил меня. Мичурин сказал:—„Пырей это то, что и надо было для пшеницы".

Мичурин сказал, что этой моею работой будет внесена революция в селекцию культурных растений и, в целом,—в сельское хозяйство нашего Союза.

Мичурин, больной и старый, радовался вместе со мною, как ребенок.

★

В 1935 году я поехал на всесоюзный слет передовиков по урожайности.

В декабрьскую ночь курьерский поезд помчал нас, омичей—участников совещания передовиков урожайности, к столице. В одном из карманов я вез небольшую коробку, с которой был неразлучен. В коробке лежали на вид обыкновенные колосья и стекловидные зерна пшеницы. Но эта была не простая пшеница. Я вез в Москву первые, более или менее, определенные результаты пятилетнего упорного труда—образцы многолетней пшеницы и пшенично-пырейных гибридов.

Гибрид—это плод скрещивания двух видов. В Советском Союзе, как известно, изумительных результатов в гибридизации растений добился И. В. Мичурин. Ему и я остаюсь благодарен за то, что он еще тогда, в 1927 году дал четкое направление в моих поисках достойного компонента для улучшения пшеницы, культуры, изнеженной человеком. „А вы найдите пшенице такой об'ект, чтобы стоило ее скрещивать",—сказал мне тогда Мичурин.

Требовалось, таким образом, при подборе пар для скрещивания противопоставить пшенице, имеющей слабую корневую систему, растение с мощной корневой системой. Требовалось привлечь ей на помощь дикаря, с наибольшей биологической потенцией. Ведь любой представитель сорной флоры в борьбе за существование всегда более приспособлен, чем культурное растение: сорняки всегда, благодаря своей мощной корневой системе, перехватывают у культурных растений влагу. Им присуща наибольшая стойкость к неблагоприятным условиям развития. Поиски такого об'екта продолжались долго, пока выбор не пал на пырей, являющийся отдаленным сородичем пшеницы.

И вот, после долгих опытов в Саратове, на Северном Кавказе и в Омске, я вез в столицу проверенные в испытаниях первые пшенично-пырейные гибриды, собираясь о них рассказать вождю народов и его соратникам, поделиться с ними радостью творчества.

★

Впервые я увидел тов. Сталина 25 декабря 1935 года в момент открытия совещания. Тысячи делегатов, воплотив в себе миллионы трудящихся, пославших их в столицу, в радостном, безудержном порыве приветствовали того, кто им дал счастливую жизнь.

Неизгладимо памятным днем навсегда останется 30 декабря, когда произошла первая встреча с товарищем Сталиным.

Мне предоставили слово. Я на кремлевской трибуне. Первое волнение прошло, и я постарался кратко, но полно рассказать о наших достижениях в гибридизации пшеницы и пырея. Говоря, я был уверен, что товарищ Сталин слушает меня так же внимательно, как, я замечал, он слушал все выступления, отеческой улыбкой, краткой репликой одобряя многих, впервые говоривших с кремлевской трибуны, перед лицом всей страны.

Свою речь я закончил словами: „Товарищи, мне хотелось бы в заключение выразить свое и ваше отношение к товарищу Сталину. Я долго думал над этим, и трудно мне найти слова, чтобы выразить свои чувства. Нет таких слов, которыми можно было бы рассказать о своей любви к товарищу Сталину и его лучшим соратникам. Думаю, что лучшим выражением наших чувств к товарищу Сталину будет наша с вами твердая воля добиться 7—8 миллиардов пудов зерна".

С этими словами я поднялся в президиум пожать руки вождей. Товарищ Сталин после рукопожатия показал мне на стул рядом, приглашая сесть.

— Ну, расскажите, как вы живете? Какова обстановка для работы? Не мешает ли вам кто-нибудь?—заботливо спрашивал товарищ Сталин.

Я ответил, что трудности были, но теперь работается хорошо, в Омске я окружен молодым и творчески активным коллективом сотрудников.

— Впрочем,—сказал я,—есть еще среди научных и руководящих работников сельского хозяйства мнение, что я излишне много занимаюсь проблемой многолетней пшеницы, больше-де следует выводить однолетние формы.

— И то, и другое важно,—кратко сказал товарищ Сталин.— Смелее экспериментируйте. Не бойтесь ошибок. Мы вас поддержим...

Расспросив меня внимательно и подробно о работе, товарищ

Сталин поинтересовался, достаточно ли у нас семян гибридов, чтобы можно было немедленно передать в производственное размножение. Я ответил, что семян у нас пока мало. Но мы приложим все силы, чтобы к весне 1937 года дать из 200 граммов полцентнера семян многолетней пшеницы и столько же однолетних форм гибридов. Я достал свою коробку с образцами. Товарищ Сталин взял в свои руки колосья, по-хозяйски с ладони на ладонь пересыпал зерна.

На прощанье товарищ Сталин еще раз сказал: „Смелее экспериментируйте. Продвигайте все достижения без промедления в производство".

Эти слова окрылили не только меня, но и весь наш коллектив. Они стали знаменем деятельности, которой мы посвящаем все наши знания, опыт, силы.

★

Когда я вернулся в Омск и сообщил о данном товарищу Сталину слове—собрать к весне 1937 г. полцентнера семян, мои молодые сотрудники, энтузиасты нашего дела, подсчитали и убедили меня, что путем вегетативного, искусственного размножения в теплицах и поле мы можем семян одной многолетней пшеницы дать центнер. Я согласился с их расчетами (они усложнили нашу задачу, но ничто не дается без напряжения и труда!) и с радостью сообщил товарищу Сталину нашу поправку.

Всем известно, что минувший год был тяжелым испытанием для пшеницы, особенно озимой. По выходу семян однолетних форм свое слово мы уже сдержали; семена собраны. Но семян многолетней пшеницы пока получили из 200 граммов 20 килограммов. Мы, однако, уверены, что к весне будем иметь центнер. В настоящий момент произведен посев в сосуды, в теплицах,—и тут постепенно мы соберем обещанный урожай.

В 1937 году мы впервые на полях тех колхозов, которые любовно, со вниманием помогли нам в этом году, произведем посев гибридов рядовыми сеялками на аровых площадях (100 кв. метров) и лучшим зерном. И, кроме того намечаем число географических пунктов для испытания ручным посевом увеличить до 500 (в этом году было сто пунктов, в том числе 60 в нашей области).

Слова товарища Сталина: „Мы вас поддержим" ощутимы по-

ежедневно. Наш институт (Сибниизхоз) меняется до неузнаваемости. Четыре года назад это была заурядная опытная станция. Я для своей работы не имел ни лаборатории, ни теплиц. Первый посев гибридов был произведен в бумажные стаканчики, теплицей была моя собственная квартира. Теперь я имею хорошо оборудованную лабораторию, в шести комнатах, три старых теплицы и одну новую, выстроенную минувшим летом. Вторых таких теплиц нет не только у нас в СССР, но и за рубежом. Строится холодильная станция для работ по определению зимостойкости выводимых сортов. Советское правительство не жалеет средств для науки. Кругом нас кипит строительная работа: вырастает целый научный городок. Неустанными заботами партии и правительства наш институт превращается в крупнейший центр советской сельскохозяйственной науки.

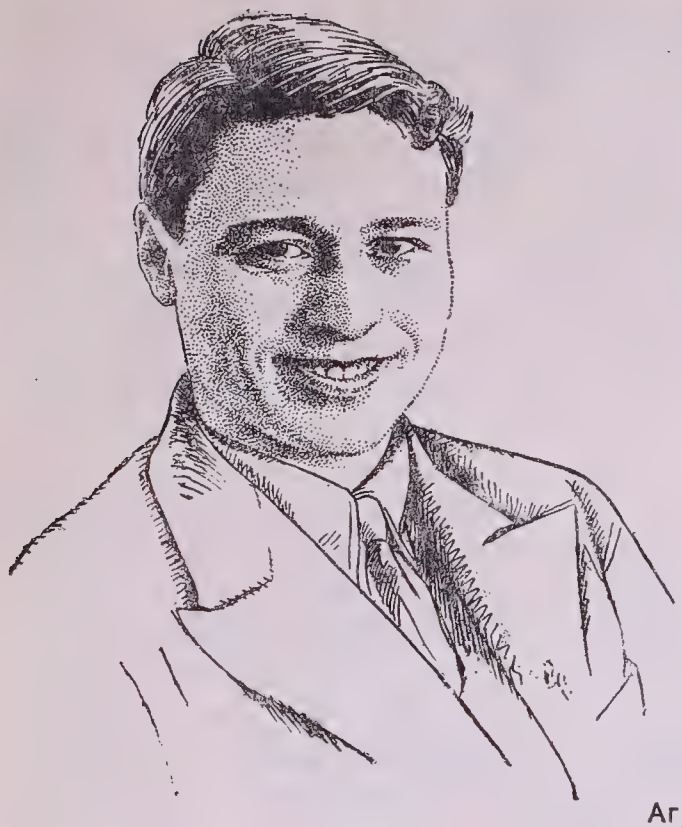
Слова вождя: „Смелее экспериментируйте" зовут к новым и новым достижениям. В этом году нами проделана большого значения работа по привлечению новых представителей дикорастущей флоры к скрещиванию с культурными растениями. Скрещивание ячменя с волоснецом (елимус) дало уже первые гибридные зерна, они посеяны в теплицу и взяты под наблюдение. Ячменно-волоснецовый гибрид поможет социалистическому сельскому хозяйству покорить и освоить огромные пространства, допустим, казахстанских полупустынь, где пока-что безраздельно царствует волоснец-дикарь, произрастающий где угодно—на речной косе, на песках, на солонцах и т. д. Мы скрещиваем также желтую акацию с горохом, овес с овсюгом и т. д.

Однако, главной нашей задачей остается наибыстрейшее размножение лучших форм пшенично-пырейных гибридов—высокоурожайных, засухоустойчивых, мука из зерна которых дает белый, вкусный и питательный хлеб.

В октябре я побывал на Украине в гостях у академика Лысенко. Зерна гибридов были посеяны в нескольких пунктах Украины, всюду они показали себя значительно лучше всех известных сортов пшеницы. Мы заключили с институтом академика Лысенко договор социалистического соревнования по размножению гибридов. Мы сходимся на одном: в ближайшие же годы колхозы и совхозы страны уже должны засевать огромные площади семенами гибридов. И этого мы добьемся. Порукой этому то, что нас ведет и воспитывает великий Сталин.

★ ★
★

Борьба за урожай



Василий Александрович
УСТИНОВ

Агроном отделения совхоза „Лесной"
Исилькульского района

Я РОДИЛСЯ в 1913 году в селе Березовка близ города Ирбита. Детство не было особенно радостным. Отец мой, крестьянин-середняк, имел большую семью. Я с восьмилетнего возраста начал работать, меня отдавали на лето богатым мужикам. Помню такой случай: я трудился целое лето, а кулак в один день обмолотил на своей машине весь наш урожай — и тем расплатился с отцом за мой долгий и тяжелый труд. Это произвело на меня большое впечатление—я трудился все лето, а он рассчитался за это однодневным трудом!

★

Зимой я посещал сельскую школу. Когда окончил ее, преподаватели посоветовали отцу учить меня дальше, однако родители не согласились. Учить меня дальше это значило расходовать деньги на мое содержание в городе. Спасибо, вмешался в это дело мой двоюродный брат. Он агроном. Брат убедил родителей

позволить мне учиться. Два года прожил я в Ирбите, учась в семилетке, а в 1928 году вернулся домой.

Тут моя учеба и кончилась бы, если бы не комсомол. Я бы сам дальше, конечно, учиться не смог. Но, к счастью, вступил я в комсомол. И мы, комсомольцы, организовали в деревне колхоз. Был председателем этого колхоза „Веселая горка“ комсомолец К. М. Устинов, который потом уехал учиться в институт красной профессуры. Сговорил я вступить в колхоз и своего отца... Так вот этот наш колхоз и послал меня учиться дальше. Сказали: „Кончай семилетку, а потом сельскохозяйственный техникум. Колхозу нужны специалисты!“

★

В техникум я попал в трудные времена. Как раз тогда шла ломка программ, переделка учебных планов, сокращались сроки учебы. Сейчас людей учат гораздо лучше, чем тогда учили нас. Было трудновато и в материальном отношении—первый год жил на стипендии в 18 рублей в месяц, а следующие годы получал по 30 рублей в месяц. Однако все эти трудности я преодолел, учился неплохо, побывал не раз на производственной практике, и получал хорошие характеристики. Из Медведевского зерносовхоза, куда я приезжал на практику, меня вовсе не хотели отпускать назад в техникум. Дирекция выручила.

Учась в техникуме, я женился на студентке того же курса, что и я. А окончив техникум, я поехал не в свой колхоз, как думал, но получили мы с женой путевку в Сибирь. Вот как мы попали в совхоз „Лесной“ Омской области. Я стал здесь работать агрономом центрального отделения совхоза, а жена моя, Анна Яковлевна Устинова, агрономом-семеноводом. Растет у нас в совхозе дочка Лида. Ей теперь уже два года! Живут с нами в совхозе мой отец и моя мать.

★

Когда я начал работать самостоятельно, в новых для меня своеобразных условиях Сибири, то сразу же мне стало ясно, что знаний у меня недостаточно. Книжных знаний и того опыта, который я получил на производственной практике, оказалось мало. Часто я не мог ответить на пустяковый по существу вопрос—на вопросы о глубине пахоты в местных условиях и т. п. А тут меня назначили преподавателем на курсы по агротехнике.

Для того, чтобы учить других, надо учиться самому. И я принялся за эту учебу. Стал усиленно читать, стал учиться у нашего старшего агронома тов. Мальцева.

И если за первый год жизни в совхозе я мало влияния оказывал на ход работы и больше присматривался как работают другие, то с середины 1933 года я, что называется, „встал на собственные ноги". Я начал вносить свои поправки в работу.

Я усиленно настаивал на введении севооборота. Дело в том, что правильный севооборот у нас в совхозе существовал лишь в теории. Севооборот, по существу, не признавался средством повышения урожая. Правильной смены посевов не соблюдалось. Было много неосвоенной земли, она лежала зря, а в то же время не оставалось полей под пары.

Спрашиваешь:

— Почему не пашете этот участок?

Отвечают:

— Это выгон!

— А этот участок?

— Это покос.

— Но по плану севооборота эти участки должны быть вспаханы!

— Ну, мало ли, что по плану. Вы... нас не учите, молодой человек! Мы сами знаем, нас учить нечему, мы тут давно...

Пришлось резко и настойчиво выступать против такого отношения к делу. Я воевал, преодолевая сопротивление управляющих, полеводов и отдельных бригадиров. Иногда даже против их желания, не добившись формального согласия, проводил я в жизнь свои планы.

Так мне удалось внедрить севооборот, правильно спланировать площади.

★

Было у некоторых работников совхоза скверное обыкновение работать на скорую руку, давать фальшивые и пустые рекорды такой быстроты, которая в ущерб качеству.

Я решил, что пора всерьез внедрить агротехнику. Взял и забраковал работу одной бригады за несколько дней. Они пахали пары быстро, но мелко и с огрехами.

Бригадир Дейнека открыто повел борьбу со мной. Он пытался свести дело к тому, что я из-за личных счетов с ним бракую работу.

На сторону Дейнека стал управляющий отделением.

Но директор совхоза тов. Ким, разобравшись в деле, поддержал меня.

В результате всю работу бригаде пришлось переделать. Люди не получили оплаты за первую работу, с них вычли за горючее.

После подобных случаев стали меня слушать, мои указания в точности выполнять. И в 1934 году впервые у нас были сделаны хорошие пары по всем правилам агротехники. А в 1935 году все работники совхоза включились в борьбу за качество. Внедрение агротехники стало делом всего коллектива совхоза. Недаром в этом году совхоз дал великолепные показатели урожая.

★

Посев 1935 года на 3428 гектарах наше отделение закончило в 12 дней, к 9 мая.

Сеяли мы пшеницу, овес, подсолнух, горох, травы.

Овес „Победа" дал средний урожай по 22 центнера с гектара.

Пшеница „Цезиум" дала средний урожай по 16,5 центнеров с гектара, на 511 гектарах—по 156 пудов, а на 115 лучших гектарах по 210 пудов!

Как же мы добивались этого двухсотдесятипудового урожая?

Я считаю необходимым упомянуть три особо важных мероприятия.

Первое—это борьба за влагу. Посредством щитов, сплетенных из хвороста, мы получили на участке снежный покров вдвое выше среднего. Глубина снежного покрова доходила до 50 сантиметров. Кроме этого, нужно было задержанную зимой влагу сохранить. Для этого было проведено раннее весеннее боронование. Боронили на лошадях, так как на тракторе еще нельзя было проехать из-за грязи. Посев также был проведен ранний.

Второе—на данном участке были исключительно чистые пары. Хорошая предпосевная обработка привела к тому, что сорняков на участке оказалось исключительно мало.

И, наконец, третье—это тщательная уборка хлебов. Мы убрали комбайнами быстро,—в срок и без потерь.

★

За свою работу я правительством награжден орденом Ленина.

Теперь я считаю своим долгом упомянуть и о тех моих товарищах, которые помогли мне добиться успеха, помогали внедрять агротехнику, помогали организовать рабочих на борьбу за высокий урожай.

Всемерно помогал мне директор совхоза Федор Яковлевич Ким. Помогал управляющий отделением И. Г. Поляк. Помогали хорошие полеводы Казаков, Кияшко, Александр Пашнин, трактористы Алексей Пашнин, Яков Фетисов, Александр Первушин, Екатерина Алексеева и др. Эти трактористы, работая добросовестно и тщательно, перевыполняли нормы. Все они выработали примерно по 500—600 гектаров на трактор, при средней выработке по совхозу по 308 гектаров на трактор.

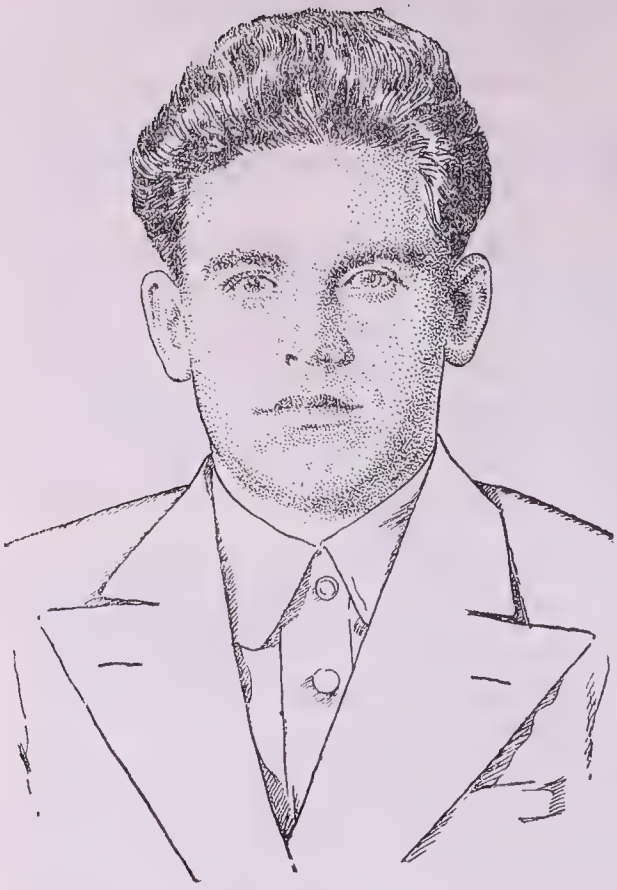
Когда я вспоминаю об уборке хлебов на этих участках, то также не могу обойти молчанием работы наших добрых друзей—крымских комбайнеров. Своих комбайнеров у нас не было, к нам приехали комбайнеры из Крыма, в том числе Яков Долинков, тот самый, который, впоследствии был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Крымские товарищи прекрасно убирали хлеб на полях нашего совхоза. Комбайнами на моем отделении был убран урожай с территории около двух тысяч гектаров. Остальное мы убирали виндроуэрами, так как всю площадь комбайны еще не обеспечивали.

★

Так я работал. Впереди много работы. И для того, чтобы справиться с ней, нужно учиться еще и еще! Средним образованием я ограничиться не хочу. Я добиваюсь высшего. Я уже кончил заочно два курса сельскохозяйственного института. Эти два курса для меня были самыми трудными, потому что приходилось сдавать общеобразовательные дисциплины, а среднюю школу я окончил давно. Я кончу институт. Получив высшее образование и имея богатый производственный опыт, я расчитываю на научно-исследовательскую работу, так как в сельскохозяйственной науке еще много неисследованных областей, а в нашей стране возможности для науки такие, каких нет и не могло быть ни в одной капиталистической стране. Я думаю, что в науку когда-нибудь внесу свое новое.

★ ★
★

Смелость



Михаил Александрович СЕЛЬКОВ

Агроном отделения совхоза „Боевой" Исилькульского района

Я УЧИЛСЯ многим ремеслам, перепробовал много профессий.

Мой первый в жизни учитель Иван Андреевич Зыкин был прямо универсал. Он—и плотник, и столяр, и каменщик, и пимокат. Отец мой бедняк-крестьянин, отдавая меня в выучку к Зыкину, мечтал, что я стану мастером на все руки. Однако, Зыкин ничему меня толком не научил—ни пимов катать, ни домов строить. Я был у него на посылках и только. Он здорово пил, этот кустарь Зыкин все свое хозяйство пропил. По договору он обязан был меня и одевать и кормить, но не делал и этого.

Поступил я к Зыкину в 1920 году. Этот год на моей родине в селе Верхней Талице Сарапульского уезда Вятской губернии был неурожайным. И на самых лучших землях урожаи плохие, а о нашем участке и говорить нечего. В сельсовете сидел председателем кулак Пьянков, обманом пролезший в партию. Он со своими единомышленниками проводил такую политику: лучшие уча-

стки отдавал тем крестьянам, которые побогаче. А беднякам безлошадным давал самые скверные участки, издевательски заявляя:

— Тебе и пахать-то нечем!

Мой отец был как раз безлошадным...

Когда осталась вся наша большая семья (9 человек!) без хлеба отец и повел меня, девятилетнего мальчугана к кустарю Зыкину.

Зыкин первое время был ко мне милостив—пускал в школу. А в 1922 году запретил он мне и учиться. Приходилось вечерами, крадучись, посещать ликбез.

В 1925 году мой отец умер. Год я жил в семье. А затем ушел работать в артель к подрядчику Ломаеву, который заготовлял лес для Воткинского завода. Имею от подрядчика Ломаева на память шрам над правым глазом. Негодяй чуть было не вышиб мне кнутом глаз. Я ушел из артели, вступил в комсомольскую ячейку, организаторами которой были товарищи А. Варламов, И. Шабалин, Е. Шабалин и др.

Собралось нас несколько ребят, составили самостоятельную артель и ушли в лес на заготовку дров. Зиму на 1928 год жил в лесу, а летом вернулся в свою родную деревню Верхнюю Талицу и нанялся пастухом.

Но и тут не обошлось без неприятности—однажды разразилась гроза, поблизости ударила в землю молния, меня контузило, я упал. Скот разбрелся. После этого некоторые крестьяне не стали доверять мне скот.

— Комсомолец—безбожник. Его бог наказал. Какой он пастух!

Очень я им казался подозрительным. Комсомолец да еще член профсоюза. Я для примера всем прочим пастухам и как комсомолец вступил в союз сельскохозяйственных и лесных рабочих. Дивился народ—„Что за новость, пастух в союзе!" Сомневались, можно ли от меня ждать чего доброго, коли у меня в голове все выдумки.

Осенью 1929 года решил с деревней расстаться. Ушел на Воткинский завод, в малярный цех, красить молотилки.

Ну, думаю, кончились мои странствия. Теперь пора крепко осесть на заводе.

И верно, на заводе определилась моя дальнейшая судьба. Но не совсем такая, как я думал. Райком комсомола и союз сельскохозяйственных рабочих сказали:

— Тебе надо учиться.

И послали меня в Сарапуль на подготовительные курсы для поступления в сельскохозяйственный техникум. А затем я поступил в техникум.

В 1932 году, когда был я на третьем курсе сельхозтехникума, случились два крупных события в моей жизни,—я вступил в партию и в том же году женился. Закончив техникум, пошел на военную службу, во флот. Первый раз увидел иную не северную природу. Попал из Вятской губернии на берег Черного моря, в солнечный город Севастополь. Служил на правах ускоренника, сдал экзамен на командира, ушел в запас. В 1933 году после демобилизации вернулся в Сарапуль, пришел в техникум за путевкой на работу. Жена тем временем уехала работать семеноводом в совхоз „Боевой", сюда, в Омскую область. А мою путевку в тот же совхоз, так как я уходил на военную службу, передали другому выпускнику. Что делать? Поехал в Сибирь без путевки. В совхозе меня приняли и так. Стал работать агрономом центрального отделения совхоза.

К Сибири привык не сразу. На моей родине не совсем так, как здесь. И население гуще и местности веселее. А тут в совхозе я даже воды не нашел хорошей. Ни реки, ни озера, ни ручья. Один только примитивный котлован. Но вскоре привык я к новым условиям, да и условия эти улучшились несравненно. Не стало у нас заботы о воде—теперь совхоз пользуется иртышской водой, получаемой по водопроводу. Рабочий коллектив совхоза культурно вырос, материально окреп. Совхоз радиофицировали, телефонизировали, электрофицировали. Построили образцовый клуб.

Родился и растет у меня здесь в Сибири сын—здоровяк по имени Юрий.

★

Я горячо принялся за работу в совхозе.

В 1934 году на моем отделении 2600 гектаров пшеницы „Цезиум 0111" и овса „Золотой дождь" были засеяны в 21 день. И качество посева было хорошее.

За проведение посевной в кратчайший срок и с лучшими качественными показателями премировали меня в 1934 году коровою.

В 1935 году засеяли мы 2300 гектаров в 13 дней. За посев получил я в премию велосипед. А за урожай я получил такую награду, о которой никогда и мечтать не думал. Был послан на

совещание передовиков урожайности по зерну с руководителями партии и правительства. Видел великого нашего Сталина. С трибуны Кремлевского совещания рассказал о своей работе. А после совещания правительство наградило меня орденом Ленина.

Что это был за урожай и как я его добился.

Урожай был такой: на площади в 176 гектаров овес „Золотой дождь" дал по 210 пудов с га, а с 89 гектаров по 200 пудов. Пшеница „Цезиум" на 80 гектарах дала урожай по 156 пудов с га. Это, как отметил потом народный комиссар земледелия товарищ Чернов на совещании в Москве, высокие урожаи для данной полосы, для Сибири.

На других участках уродилось поменьше, но и здесь был хороший урожай.

Высокого урожая я добился тщательным выполнением целого ряда агротехнических мероприятий. У меня на участке был полностью введен семипольный севооборот с посевом американского пырея. Пырей, как известно, создает структуру почвы, а корневища пырея, после вспашки, перегнивая в почве, дают питание для произрастания пшеницы.

Мы тщательно (трехкратно) проверили перед посевом семянной материал.

Ранняя зябь, снегозадержание в зимний период, ранний чистый пар, сжатые сроки сева,—все это явилось решающими факторами в повышении урожая.

Тщательно проводили полку. Пропалывали некоторые участки по два и по три раза.

Хлеба уродились хорошо. Но надо было их убрать без потерь. Тысячу двести пудов зерна нам наловили самодельные зерноуловители, которые были приспособлены к каждой машине. Выполняя решения июньского пленума ЦК, мы построили пять клуней, то-есть навесов в степи и оборудовали крытый ток. Этими мероприятиями мы спасли от порчи тысячи центнеров зерна.

Зорко мы охраняли наш урожай и от двуногих хищников. Вокруг совхоза шлялось немало „парикмахеров", — бездельников, которые не сеяли, не пахали, но хотели на даровщину настричь себе в мешки совхозного хлеба. Мы построили четыре наблюдательных вышки. Наши сторожа задержали нескольких расхитителей социалистической собственности.

Так мы собрали рекордный урожай. Ясное дело, что тут не одна моя заслуга. Вместе со мною боролись за урожай многие

прекрасные люди — старший агроном т. Крутиков, заведующий производством т. Дендемарченко, бригадир Тимофей Воронов, стахановцы-комбайнеры тт. Пасько и Зайко и много других честных рабочих совхоза, идущих в авангарде. „Чудес“ в получении высокого урожая мы не творили, — тут дело не в „чудесах“, а дело в том, что надо любить свое дело, честно выполнять правила агротехники. Надо работать с людьми, организовать труд.

В итоге уборки наше отделение сдало государству 22 000 центнеров зерна вместо 14 000 центнеров по плану. Выполнили мы хлебосдачу на два месяца раньше срока. И приняли от нас зерно по первой категории сортовой чистоты. Вот какое зерно получают колхозы области от нашего семеноводческого хозяйства.

★

Надо работать смело. Хочется мне рассказать о двух случаях из своей практики 1935 года. Первый случай можно бы было назвать так: „Как на меня наложили партийное взыскание и почему его потом сняли“. Дело было в посевную. Сеяли мы сеяли и видим остается у нас неприступный для трактора участок в 18 гектаров. Это—непросохший еще солонец, вспаханный с осени. Трактор зайти туда не может—застрянет. Надо ждать пока не просохнет земля. Но ждать, это значит не добиться того урожая, который может быть в случае посевов во влажную почву. А не ждать—это значит—не используя машины, медленно и кропотливо засевать участок ручным способом.

Я распорядился—засеять ручным способом.

На парткоме получил взыскание „за непродуманное действие“.— „В период,—мол,—когда работали сеялки, ты работал руками“.

Хлеб на этом участке долго не давал всходов. Не рос, не рос, но потом взял да и вырос на славу. Получили мы тут урожай до 70 зерен в колоске. Вот что значит—не упустить времени, использовать влажность земли.

Взыскание с меня осенью сняли.

Еще случай—как я весною тайком выжигал американский пырей.

Мой друг и товарищ по техникуму агроном Устинов, работающий в соседнем совхозе „Лесной“ (теперь тоже орденоносец), широко применял весной выжигание пырея, чтобы избавить пырей от сорняков и облегчить рост пырея путем уничтожения застаревшей массы.

А у нас в совхозе на это не шли, боялись, что после выжигания застаревшей массы пырей и вовсе расти не станет. Я взял и на свой риск поджег пырей. Признаюсь, хотел выжечь для опыта только пять гектаров, а захватило огнем пятьдесят гектаров. Сам в „тревоге“ участвовал, задавал недоуменные вопросы:

— Кто поджег, чорт возьми!?

После выжигания застаревшей массы пырей вырос прекрасно. И не было сорняков. Урожай пырея вместо полуторых—двух центнеров мы взяли в три—три с половиной центнера.

Выжигание пырея вошло в практику совхозной работы.

Смелость во всякой работе нужна, и в нашей агрономической тоже.

В дружбе с агрономом

Павел Васильевич ЕВДОКИМЕНКО

Бригадир колхоза „Новый путь“ Москаленского района

ДО РЕВОЛЮЦИИ мой отец был бедняком и жили мы в деревне Александровке далеко за Тюкалинском в сторону Тары. Там, в Александровке, я и родился в 1909 году.

В 1924 году отец перевез семью в Москаленский район. Тут хозяйство отца стало середняцким, стали мы жить лучше. Я думаю, что жизнь наша улучшилась не столько от переезда на новое место, сколько от того, что вообще с каждым годом существования советской власти трудовому крестьянству становилось жить все лучше и лучше.

В 1930 году отец вступил в колхоз „Новый путь“. А в 1931 году я пошел в Красную армию. Это оказало очень большую пользу для моего дальнейшего развития. Красная армия для меня, как и для многих подобных мне людей, была школой, где научили, как надо бороться за построение бесклассового социалистического общества, научили, как надо крепить колхозы и как надо в колхозах работать.

Вернувшись из Красной армии, я все, чему она меня научила,

отдал колхозу. Своим примером я показал как надо работать. Колхозники за хорошую работу выдвинули меня бригадиром полевой бригады. Помня указания любимого вождя и учителя товарища Сталина, помня советы, данные в Красной армии, я организовал работу так, что наша бригада получила с полей самый высокий урожай в Москаленском районе. Средний наш урожай был 22 центнера с гектара.

В начале я сам был несведущ в агрономии, но я старался ее познать. Как в Красной армии я старался заниматься и учиться, так же и здесь я старался понять и усвоить все агрономические правила. Все, что мне говорил участковый агроном МТС, все, во что он меня посвятил, я старался провести в жизнь.

Мы обсуждали все агрономические мероприятия у себя в бригаде, беседовали с нашим агрономом, как нужно сеять, сколько нужно семян высевать, на какую глубину, как заделывать. Я считал и считаю, что если не послушаю ученых людей—агрономов, значит испорчу все дело повышения урожайности. Мы научились так пахать, чтобы не делать огрехов, так сеять, чтобы высевать точно установленную норму.

За работу, которую я провел со своей бригадой по получению высокого урожая, я заслужил высшую награду—орден Ленина.

Величайшее в моей жизни произошло событие! В Москве, на совещании лучших людей колхозов и совхозов, передовиков урожайности по зерну, я говорил с членами правительства. Я несказанно рад, что меня оценило правительство, что правительство увидело мою работу. Я увидел вождей нашего народа. Я увидел великого Сталина! Тогда я дал слово добиться в 1936 году урожая в среднем по 156 пудов с гектара. За это мы и боролись с бригадой. Боролись все же недостаточно настойчиво. Засуха нас переборола, а не мы ее. Урожай мы получили ниже прошлогоднего, очень это обидно, да сами виноваты, что достаточно предусмотрительными не оказались.

В уборке урожая мне участвовать уже не пришлось—меня послали учиться в Омск, в Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу. Учусь на подготовительном отделении. Грамота у меня маленькая, но ко мне прикрепили преподавателей и дело идет. Уверен, что стану квалифицированным работником социалистического сельского хозяйства.

★ ★
★

Как я вышел на первое место

Марк Васильевич
ДРОБИЛИН

Тракторист совхоза им. Булатова
Большереченского района

КОГДА мне было четыре года, в 1907 году, отец мой решил покинуть Смоленскую губернию и переселиться в Сибирь. Жил он очень бедно. Все деньги, вырученные от распродажи своего хозяйства, отец израсходовал на переезд. И когда приехал в Сибирь, то в кармане имел только пятьдесят копеек.

Поселились мы в деревне Новотроицкой Еланской волости Тобольской губернии. Свой полтинник отец потратил на приобретение чугунки для варки пищи, а самую-то пищу, которой не было, пошел зарабатывать. Долго работал мой отец по найму. Сначала копал он колодцы по заказу переселенческого управления. Затем два года батрачил на кулаков. Скудные доходы отец целиком не тратил. Он не только кормил семью (а она была большая, девять человек), но и откладывал часть денег. Через три года на накопленные деньги отец купил коня и корову. Лишь тогда отец стал заниматься своим хозяйством, продолжая в то же время работать и по найму.

Я тоже батрачил. До 1921 года работал на деревенских кулаков, а в 1921 году служил в работниках у одного омского торговца. С 1922 года помогал в хозяйстве отцу. И, наконец, в 1929 году отделился от отца, получив при разделе двух коров и коня.

★

В 1931 году на территории нашей деревни возникла ферма Козинского мясосовхоза, которая в 1932 году была преобразована в молмясосовхоз № 249. Ликвидировав свое единоличное хозяйство, я сразу же поступил на эту ферму. Сначала работал полевым рабочим, затем плотником. В конце 1932 года меня назначили старшим конюхом фермы № 1. Лошади в то время использовались варварски, царила обезличка. Был большой падеж лошадей. Я принял заморенных, избитых коней. Но с помощью управляющего фермой тов. Ширкова я к весне 1933 года привел коней в работоспособное состояние. За это меня премировали.

В 1933 году познакомился я впервые и со стальными конями. Весной в наш совхоз пришли тракторы. В посевную стал я работать на тракторной сеялке. Работая прицепщиком, я внимательно присматривался к трактору, вел беседы с трактористами и с механиком. Иногда для опыта я менялся ролью с трактористом—он переходил на сеялку, я садился за руль трактора. И получалось так, что трактор слушался меня. Позднее мне дали трактор, на котором я проработал весь сезон, выработав около 350 гектаров. При подсчете оказалось, что я занял первое место среди трактористов, и меня премировали летним пальто.

А в 1934 году я также занял первое место среди трактористов, выработав свыше 400 гектаров на трактор.

А в 1935 году я добился выработки на трактор в переводе на мягкую пахоту 573 гектаров, экономии горючего—931 килограмма. За эти показатели я был послан в Москву на всесоюзное совещание передовиков урожайности с руководителями партии и правительства. Правительство наградило меня орденом Трудового Красного Знамени.

★

Политотдел наш и все товарищи удивлялись, как это так я, не учась на курсах, начал работать без особой подготовки, добился таких успехов, каких никто другой в совхозе добиться не мог. А вот как я добился:

Трактор я всегда держал в полной исправности и если видел, что какая-нибудь часть начинает изнашиваться, то немедленно заменял ее, чтобы не допустить мотор до аварии. Аккуратно в определенные сроки осматривал подшипники и промывал картер и насос. Масло заливал всегда чистое, тщательно процеживал и воду. Прицепной инвентарь всегда содержал в исправности и смазанным. Вот почему за все время работы мой трактор не имел аварий.

Распорядок дня у нас был таков: трактор работал 20 часов в сутки, остальные четыре часа мы использовали на заправку. Десять часов в сутки работал я, другие десять часов—мой сменщик.

Мой сменщик или, иначе сказать, напарник, был менее опытный тракторист, чем я. Он был курсант. И мы делали так: он работал дневную смену, а я работал в более ответственную ночною смену. Сменялись мы в 6—7 часов вечера и в 4—5 часов утра. Заправку и осмотр трактора проводили вместе. Таким образом, я ежедневно передавал сменщику свой опыт.

Время, как видно, зря не пропадало. Как я еще экономил время? А вот как: перед тем, как начать работу, я тщательно изучал особенности участка, где предстояло работать. Площади ведь попадаются всякие. У нас не было гонов длиннее, чем в 300 сажен, а попадались гоны длиной и всего на всего в сотню сажен. Я изучал, как удобнее будет работать, какое именно взять направление, чтоб не тратить лишнего времени на поворотах, чтобы реже упираться в тупик. Заранее выверив маршрут, я пускал в ход свой трактор.

Это дало мне возможность и добиться большей экономии горючего. Трактор мало работал впустую. А на других трактористов смотришь—один делает лишние повороты, вертится на одном месте, другой, не изучив площади, засел и буксует.

Иной раз скажешь:

— Эй, товарищ, не заезжай куда не следует!

А он едет на-авось. Засадит трактор в грязь, потом идет в кусты, рубит лес, чтобы машину вывести. И время уходит, и машина работает впустую и портится.

Кроме меня, добился экономии горючего у нас только один тракторист—тов. Бородкин. А у остальных был перерасход.

★

Я успевал не только хорошо работать на тракторе и перевыполнять нормы. Я еще учил других. Тот мой напарник, с которым я работал в 1934 году,—тов. Равтович теперь стал хорошим бригадиром. О своем опыте я пишу в политотдельской газете, рассказываю трактористам, как надо работать, чтобы добиться высоких показателей.

Уча других, учусь и сам. Вернувшись из Москвы с совещания, я в первый раз в жизни попал на курсы. Учился работать на тракторе ЧТЗ, сдал экзамен на „хорошо". Начал учиться как следует грамоте. Уже стал читать. Теперь буду учиться дальше. Политотдел и дирекция и профорганизация совхоза дают мне полную возможность учиться. Дали мне особого учителя тов. Сизикову.

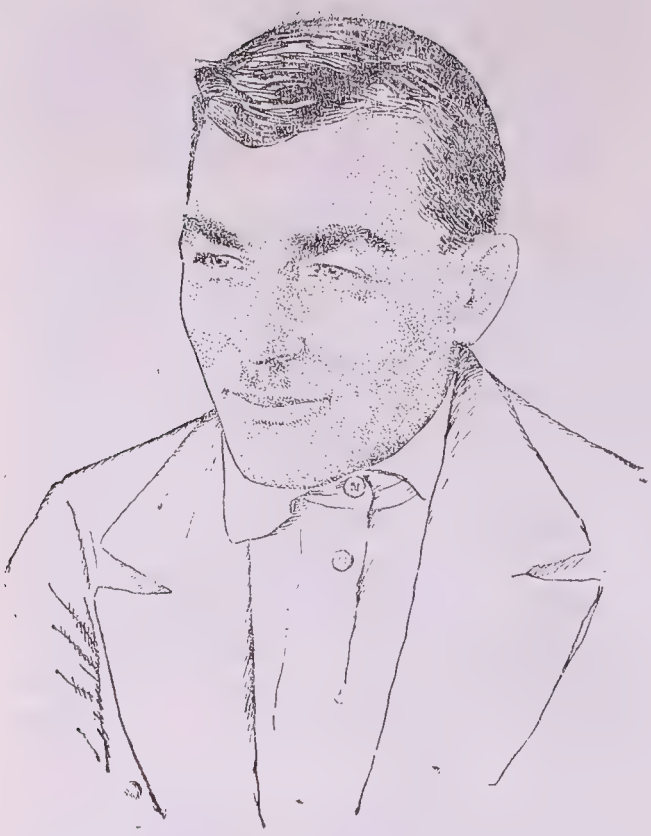
Ясно, что живется мне теперь хорошо. Из саманной избушки переселилась наша семья в хороший деревянный дом. В доме обстановка, появились разные хорошие вещи. Есть у нас корова, две овцы, три свиньи. Растут у меня трое ребят. И старики родители тоже нашли себе спокойную жизнь в совхозе. Отец работает пастухом. Брат мой, Василий Васильевич, тоже работает в нашем совхозе трактористом.

Я пишу эти строки перед от'ездом на курорт в Крым.

Путевку в Крым получил я после успешного завершения посевной 1936 года. Я выработал в переводе на мягкую пахоту свыше 140 гектаров и снова сэкономил 200 килограммов горючего. Теперь еду отдыхать. Первый раз в жизни отправляюсь я на курорт. Разве мог раньше я думать о такой жизни. Только при советской власти наш труд стал делом чести и героем нашей страны становится тот, кто честно работает.

Прошлая безрадостная жизнь батрака ныне стала полноценной, радостной и счастливой жизнью. Разве я мог раньше не только думать, но и мечтать о такой жизни. Только благодаря повседневным заботам партии и лично товарища Сталина о нас, мы стали зажиточными—живем мы радостно, культурно и этой жизни мы не отдадим никому и никогда, а если враг попробует посягнуть на наши завоевания, мы, как один, грудью встанем на защиту нашей страны.

Родная моя Серебрянка



Григорий Тимофеевич КЛИМАНОВ

Машинист Серебрянской МТС Горьковского района

МОЕ детство прошло в деревне Согре, где я родился в 1898 году. Отец имел среднее крестьянское хозяйство. Мы, ребята,—две девочки и трое мальчишек,—помогали отцу и матери в хозяйстве. Я завидовал сестренкам—они помогали матери, им реже приходилось иметь дела с суровым отцом, который заставлял нас работать гораздо больше.

В школу отец меня, будучи скуп, не пустил. Он жалел тех денег, которые надо было платить за ученье.

★

В 1917 году радость революции была омрачена в нашей деревне большой бедой. Случился пожар. Все трудоспособные в тот день были на пашне. Дома остались только старики да малые дети, когда загорелась первая изба в середине улицы.

Лето стояло жаркое, все высохло и огонь быстро перекидывался с дома на дом. Сгорело 32 дома так, что и столбов не осталось.

Погорело и наше хозяйство. После пожара продал отец двух коров, и начали мы строиться снова, но тут, как на зло, украли у нас двух коней и после этого подняться мы уже не смогли.

А в 1918 году меня мобилизовал Колчак. Я служить Колчаку отказался, выступать против рабоче-крестьянской власти не захотел. Я скрылся в леса. В 1919 году меня схватили колчаковские каратели и повезли в Омскую тюрьму.

В колчаковской тюрьме было ужасно. Нам давали, или вернее, бросали куски черного заплесневелого хлеба. Отпускали в день лишь один стакан вонючей воды. В маленькой камере сидело нас больше пятидесяти человек. Нас душила вонь. Нас ели вши. Здоровые, больные, умирающие все были тут вместе. Некоторые заключенные теряли здесь рассудок.

Так мстил Колчак тем, кто не хотел ему служить.

Ночами мы не спали—ждали своей очереди к расстрелу. Каждую ночь палачи уводили из камеры по два-три человека. Нас становилось все меньше.

И вот пришла ночь, когда нас всех выгнали из камеры на двор тюрьмы. Была осень, холод, сырость. Сердце больно щемило, страх сковал тело, в голове шумело. Умирать не хотелось, но была одна мысль: „Скорее! Скорее!“

Нас не расстреляли, а погнали под конвоем на фронт. Когда я это понял, явилась надежда на спасение. И действительно, через два дня ночью я бежал. Пробрался обратно в Омск. И как затравленный зверь скрывался на сеновале у своего родственника. Таился там до прихода красных войск. А как пришла Красная армия, я тотчас же поступил в красноармейцы и оставался в Рабоче-Крестьянской Красной армии до 1921 года!

Когда в 1921 году я демобилизовался из армии, то домой не вернулся, а поступил в работники к одному хозяину в деревне Кочковаты Калачинского района. Однако быть батраком мне очень не нравилось—хозяин заставлял меня работать как лошадь и притом обманывал меня всячески. По договору хозяин должен был посеять для меня хлеб на небольшом участке. Но такой хлеб он посеял, что ровно ничего не родилось. Бросил я кулака и ушел в город Омск. Поступил работать на завод „Красный пахарь“ цементировщиком. И работал до 1932 года.

На заводе было мне хорошо, но тянуло меня назад в деревню, к сельскому хозяйству. Следил я за тем, что творится в деревне, прекрасно понимал, как неузнаваемо изменилась там жизнь—кула-

ков не стало, растут колхозы... И вот в 1932 году отпросился я с завода „Красный пахарь“ и пошел в родную деревню.

Пришел. Вступил в колхоз. Приняли хорошо и назначили бригадиром. Но оказалось, что мне, почти неграмотному, очень трудно было справиться с такой ответственной работой. Я отказался от должности бригадира и сделался простым колхозником. Однако хотелось взяться за какую-нибудь более ответственную работу, приносить больше пользы. Я понял, что для этого надо учиться...

★

Там, где Иртыш разделен на две протоки большим островом, прежде было дикое пустынное место: высокий красивый берег реки был покрыт мелким кустарником. Сюда ходили собирать ягоду.

На этом-то месте и есть теперь Серебрянская машинотракторная станция.

Стоят теперь под берегом новые домики, около каждого дома сад, цветники. В дом зайдешь чисто—на окнах шторы, на стенах картины. В горницах и на кухнях этих домов свободно и чисто, гораздо лучше, чем в избах старых сел.

Вот какова наша МТС. Она возникла в 1935 году. Этой МТС я обязан своим счастьем, здесь приобрел я знания, навыки к работе, здесь получил я все то, чего никогда не видел в родном доме, в доме отца в старой деревне Согре.

Колхоз послал меня в эту МТС учиться на машиниста.

Окончив курсы, получил я машину—молотилку МК-1100 и явился в колхоз. Организовал бригаду, разделил ее на две смены, провел с ребятами беседу о том, как нам добиться хорошей работы. Точно раз'яснил—кто и что должен делать, расставил людей по местам и работа началась!

Это было, я точно помню, 15-го августа 1935 г. На ток возле деревни собирались мужики, женщины, дети... Даже восьмидесятилетний дед Федор Васильевич Меньшиков и тот пришел посмотреть, как будет работать молотилка. Пришел проверить, каков на работе я—начальник агрегата, тракторист Курлунов и весовщик Димитрий Фадеев. Человек тридцать обступили молотилку.

— Ну, ребята, весь колхоз на нас смотрит! Вся деревня Согра!

И мы им показали на деле, что такое социалистическое соревнование. За первые полтора суток мы намолотили 155 тонн вместо тридцати тонн по плану! Машины не стояли зря ни минуты.

А всего за сорок дней работы в ту осень мы намолотили в колхозах 1154 тонны зерна. Это—при норме обмолота 800 тонн за 60 дней!

Я заработал за эту молотьбу так, как не зарабатывал никогда в жизни—получил 1445 рублей и 8 центнеров хлеба. Да кроме того заработал 300 трудодней, на каждый из которых получил по семь килограммов хлеба и по пятьдесят копеек деньгами.

А правительство наградило меня за высокие показатели работы и перевыполнение норм орденом Трудового Красного Знамени.

★

Теперь я изучаю тракторное дело и комбайн.

Живется мне хорошо. Мы имеем дом, разные хорошие вещи: швейную машину, охотничье ружье. Есть у нас корова, четыре овцы. Трое моих ребят учатся в школе. Вместе с ними повышаю свои познания и я. Ребята мои одеты, обуты, сыты. Я хочу сделать их жизнь более легкой, чем была моя. В нашей великой стране это возможно, потому что нам партия и советская власть помогают, о нас заботится наш родной товарищ Сталин.

Вспоминаю прошлое, вспоминаю свое детство и думаю:

Да было ли оно? Было ли у меня детство? Мне кажется—я как родился, так и начал работать!

Я много пережил, много выстрадал. Знаю и неволю, и батрачество. Знаю, как трудно было строить новую жизнь. Не сразу наладили мы работу и в колхозе. Но трудности преодолены, радостно и хорошо стало жить. Спасибо партии, спасибо лучшему другу колхозников нашему родному товарищу Сталину за радостную и счастливую жизнь. Я живу, дышу полной грудью, радостно смеюсь счастливой жизни. Раньше и работать не хотелось, работал вроде как бы и на себя, а пользы видел мало. Вот и работать охоты не было. А теперь вот поработал хорошо и живу хорошо. Еще лучше буду работать—еще лучше буду жить!

★ ★
★

Степан Осипович
КОРОТЕНЬКОВ

Председатель колхоза „Труженик"
Абатского района

РОДИЛСЯ я, Коротеньков Степан Осипович, в 1902 году в деревне Логиновой в семье крестьянина бедняка. Когда мне исполнилось десять лет, отец определил меня в школу. Но учиться пришлось мне недолго, отец из школы меня взял и отдал в пастухи — пасти общественное стадо.

Пас я скот до 1915 года каждое лето, а зимы жил дома. С 1915 года стал я работать батраком в деревне Костылевой. Батрачил здесь до 1917 года. С 1917 по 1920 год жил в батраках у хозяев в родной деревне Логиновой. В 1921 году снова пас общественное стадо. Затем до 1924 года жил с отцом, так как хозяйство наше к тому времени несколько улучшилось—мы уже имели три лошади и три коровы.

С конца 1924 года по 1926 год служил я в рядах Красной Армии. Вернувшись из армии, отделился от отца и стал жить самостоятельно. Имел свое хозяйство—избу, лошадь, корову.

В 1931 году вступил в колхоз „Красные Орлы". И в том же году приняли меня в кандидаты партии. Тогда-то ячейка и напра-

вила меня в деревню Таволжанка, в колхоз „Труженик“, председателем которого я и являюсь до сих пор.

Наши успехи в повышении урожайности, за которые правительство наградило меня орденом Трудового Красного Знамени, достигнуты в первую очередь потому, что есть у нас в колхозе такие колхозники, как А. Н. Струнин, С. Зорков, Ф. Зорков, А. Зоркова, М. Оленькова, К. Оленьков, С. Оленьков, Я. Оленьков. По ударной работе этих товарищей мы равняли всех остальных колхозников.

У меня большая дружба с агрономами. Указаний агрономов я строго придерживаюсь во всей своей работе. В колхозе у нас— забота о людях. В посевную и уборочную организовано общественное питание, работают детские ясли. В полевом стане у нас есть баня.

Как мы боролись за высокий урожай и какой урожай получили? Расскажу об этом кратко:

Пары и зябь мы пахали на глубину до 22 сантиметров. Зябь у нас была ранняя, под'ем зяби был закончен в 1934 году в начале сентября. Пары были у нас майские. Пар обрабатывался три раза. Само собой, мы удобрили поля навозом и провели снегозадержание. Снегозадержание давно уж вошло у нас в систему.

Мы внимательно проверили семена. Они имели у нас девяностовосьмипроцентную всхожесть.

Быстро провели сев. Если в 1934 году мы проводили сев в 18 дней, так в 1935 году сев был проведен в 12 дней. Ведь чем короче сроки сева, тем выше урожайность!

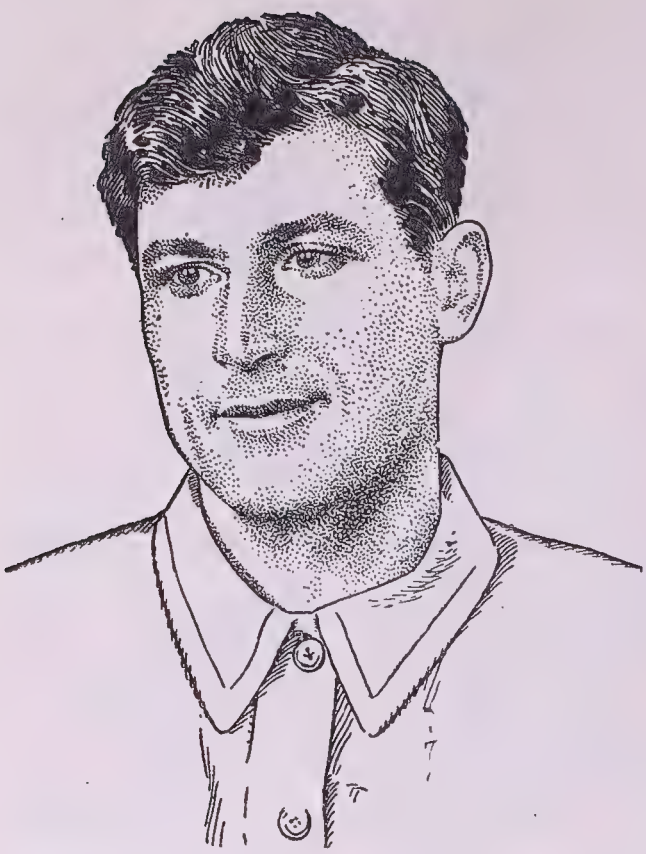
Неоднократно проводили прополку, уничтожая сорняки.

Как только наступала восковая спелость хлебов, мы сейчас же начинали косить и не допускали разрыва между косьбой, вязкой и скирдованием.

Так мы собрали средний урожай в 20 центнеров с гектара, а с отдельных участков получили на гектар по 23 центнера пшеницы и по 31 центнеру овса.

Колхозники получили на трудодень по 9 килограммов хлеба.

На освобожденной земле



Дмитрий Андреевич НИКИТЕНКО

Председатель колхоза „Муравей“ Исилькульского района

В 1906 году приехал жить в Сибирь из Воронежской губернии некий помещик Нифонтов. Поселился в Тюкалинской волости, в селе Верблюжье.

У себя на родине помещик Нифонтов немало досадил крестьянам. Когда началась революция 1905 года, когда пошли крестьянские волнения, Нифонтов испугался, что крестьяне его подожгут. Вот и решил переехать в Сибирь со всем своим имуществом. А как приехал Нифонтов в Сибирь, то стал, чтобы положение свое упрочить, строить церковь.

Привез Нифонтов с собой из Воронежской губернии батрака—чабана Никитенко. Это был мой отец.

Я родился в 1907 году здесь в Сибири. Что сказать о детстве? До 1912 года отец мой батрачил у Нифонтова. Жизнь семьи Никитенко была очень плохая. Проживши год в Сибири, мы приобрели себе корову. Она ходила в табуне с помещичьим скотом. Но вскоре скот помещика запорол нашу корову. Помещик

не обратил на это никакого внимания, коровы нам взамен не дал. И все семь человек нашей семьи не имели после этого молока.

Однажды мать пошла к дочке, которая работала у помещика в няньках. Не успела до усадьбы мать дойти, как помещичьи дети натравили на нее двенадцать собак. Псы изорвали на матери одежду, псы искусали мать. Целый год лечилась мать. Ездила в Омск. Помещик не обратил никакого внимания и на это.

Вот как издевался помещик над семьей Никитенко. В 1912 году мы ушли от Нифонтова к другому помещику, к Попову в Исилькуль.

Отец стал пасти поповское стадо, я помогал.

★

Но вот пришла революция. Помещик был ликвидирован.

С батрачеством покончено. Началась новая жизнь. В 1920 году отец и ряд других бывших рабочих Попова организовали на помещичьих землях сельскохозяйственную артель „Пахарь“. Я тоже работал в колхозе. В 1924 году вступаю в комсомол, становлюсь вожатым пионерского отряда. В 1927 году ячейка передает меня, как одного из лучших комсомольцев, в кандидаты партии. В 1929 году иду в Красную армию. Служу младшим командиром. В 1930 году я уже член партии. Возвратившись из армии в 1931 году, поступаю в Омскую совпартшколу. Я окончил первый курс совпартшколы. В 1932 году возратился в Исильскульский район и по заданию райкома партии вел культурно-просветительную работу в сельхозартели „Пахарь“. В 1933 году окончил шестимесячные курсы бригадиров-полеводов, а после окончания курсов стал председателем правления сельхозартели „Муравей“.

Наша артель добилась высоких показателей урожая в 1935 году. И меня, как председателя, наше правительство наградило за это высокой наградой—орденом Трудового Красного Знамени.

★

В 1935 году средний урожай по колхозу был равен 20 центнерам. Со 160 гектаров мы взяли по 27 центнеров пшеницы, ячмень вытянул на 24 центнера.

Как мы завоевали этот урожай? Зимой у нас работал агротехнический кружок, где мы детально изучали почву каждого участ-

ка нашей земли и научились, как лучше каждый участок обрабатывать. Весь посев, исключая 60 гектаров, был произведен по пару и зяби чистосортными семенами. На всех полях было проведено снегозадержание. Пары нами обрабатывались 3 раза, под снег они ушли черными. Весь посев закончили в 14 дней, а пшеницу в 7 дней. Большую борьбу провели мы с сорняками: хлеба пропалывались нами до трех раз.

Большое значение имело то, что мы своих сеяльщиков перед началом работы обучали на курсах.

Всю свою работу я провожу по плану, к этому приучаю остальных. При расстановке сил мы учитываем способности каждого работника.

Во время сева и уборки у нас широко было развито социалистическое соревнование.

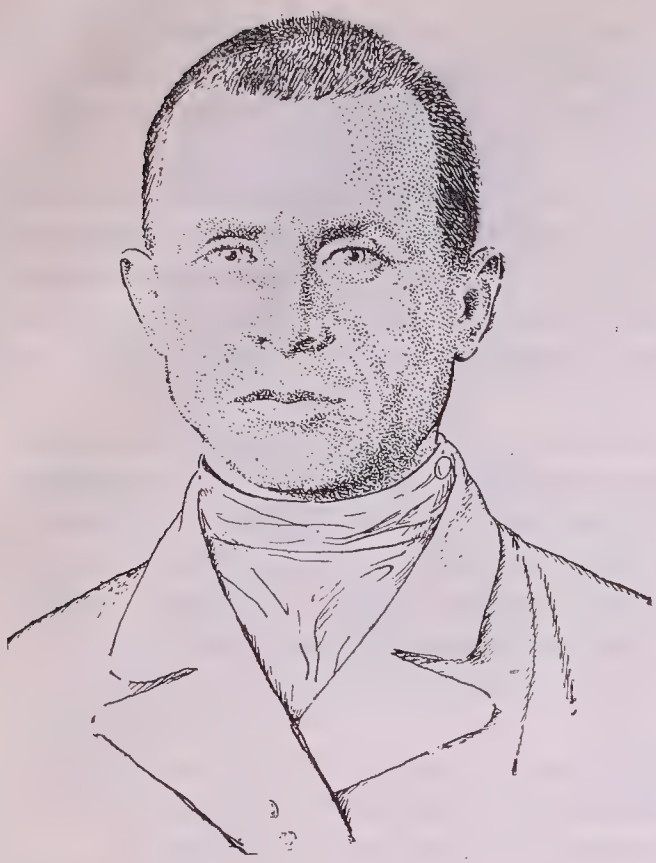
Повышая урожайность, мы упорно боремся за развитие животноводства. У нас две фермы—овцеводческая и молочно-товарная. В первой по плану у нас в 1935 году должно было быть 100 овец, а было уже 124 овцы, рогатого скота имеется 44 головы вместо 40 по плану.

Во всей своей работе я опираюсь на актив. Я молодой, 1907 года рождения, а поэтому большое значение придаю советам стариков-колхозников. Их жизненный опыт я всегда стараюсь использовать полностью.

Теперь несколько слов о моей поездке в Москву. Я никогда не думал, что мне выпадет счастье пожать руку руководителям нашей партии и правительства. Как бы мы плохо ни говорили, нас слушали внимательно, особенно товарищ Сталин.

Он слушал нас и часто улыбался. После такого внимания к нам правительства и партии мы в десятки раз увеличим упорство в работе. Я уверен, что задание нашего любимого вождя товарища Сталина—в ближайшие 3—4 года довести ежегодное производство зерна до 7—8 миллиардов пудов—будет выполнено с честью.

Богатый урожай



Никита Карпович
ПЕРШИН

Зав. участком совхоза „Лесной"
Исилькульского района

ЧЕРНОРАБОЧИМ поступил работать в совхоз „Лесной" в декабре 1932 года. Я прибыл издалека,—из Казахстана. Казахстан мне не родина, наша семья с Украины. Еще в 1909 году отец мой, батрак, переселился из Таврической губернии в Каркаралинский уезд бывшей Семипалатинской области и там завел хоть бедняцкое, да все же хозяйство. В поселке Богородском и жил я в семье родителей до 1913 года. Затем два года я батрачил. В 1915 году был призван в царскую армию. Служил рядовым до 1918 года. Вернувшись из армии, до 1930 года занимался хлебопашеством. В 1930 году вступил в колхоз.

Позднее перешел на работу в совхоз чернорабочим. Чернорабочим я был недолго. В 1934 году дирекция совхоза решила повысить мою квалификацию и послала меня на курсы полеводов в Омск. С тех пор я полевод.

Ученье пошло на пользу. Применяя на практике полученные знания, я в 1935 году добился хорошего урожая на своем участке.

В среднем, на участке в 792 гектара я получил урожай по 26 центнеров с гектара. Из этого количества на площади в 215 гектаров урожай пшеницы „гордейформе“ был в 30 центнеров с гектара.

Добивался высокого урожая я так: с осени провели мы зяблевую вспашку всего участка, соблюдая все правила агротехники. Пахали на глубину от 18 до 20 сантиметров. Зимой организовали снегозадержание, сохранив на участке снеговой покров средней вышиною в 50 сантиметров. Ставили для этого щиты из талового хвороста.

Весной поле быстро проборонили, чтоб сохранить весеннюю влагу. Посев производили несколько гуще, чем по норме—вместо 130 килограммов семян затратили 140 килограммов на гектар. Всхожесть оказалась хорошая. Вегетационный период получился у нас короче обычного. Поэтому раньше убрали урожай, спася его от „ржавчины“—болезни хлебов, которая поразила хлеб на некоторых других участках. Участок был чистый и прополку сорняков провели очень легко.

Ровный урожай мы без затруднений убрали комбайном.

За хорошо проведенные работы я награжден. Партия и правительство дали мне орден Трудового Красного Знамени.

Возвращаясь из Москвы со Всесоюзного совещания передовиков урожайности по зерну, я проехал в те края, где провел юность, вглубь Казахстана, в Карагандинскую область, в Каркаралинский район. Наш поселок теперь уже не Богородский. Крестьяне переименовали его, дали ему название Калининский, в честь всесоюзного нашего старосты Михаила Ивановича Калинина. И жизнь в поселке иная, чем была когда-то. На колхозном поле работает 9 тракторов МТС.

И все кругом изменилось. Помню, в детстве, когда отец-переселенец вез нас с Украины в далекие Каркаралы, мы ехали от Петропавловска на подводах целый месяц через пустынные степи, мимо редких казахских аулов. Теперь от Петропавловска на юг в степи прошла новая железная дорога.

Я вернулся в Омскую область в совхоз „Лесной“. Здесь у меня семья. Дочь Вера учится в пятой группе, Мария—в четвертой группе, сын Григорий — в пятой группе, младший сын Семен — во второй группе. И я, их отец, бывший чернорабочий совхоза— тоже буду учиться.

★ ★
★

Поднятая целина

Семен Тимофеевич ГОСТЮХИН

Председатель колхоза „Полезный труд" Абатского района

ВОСПИТЫВАЛИ меня не отец с матерью, а дядя мой Сидор Иванович. Родился я 16 февраля 1897 года, а через три недели родители мои меня бросили дяде, а сами уехали на Олекминские золотые прииска.

Родителям моим худо было жить в родной деревне Марухи Абатской волости Ишимского уезда Тобольской губернии. Своего хозяйства отец не имел, батрачить у кулаков отцу и матери было трудно, вот они и выбыли в Восточную Сибирь. А я остался у дяди.

Дальнейшая судьба родителей такова: с 1897 года по 1927 год мать прожила в Олекминске, где и умерла. Отец с 1922 года по 1927 работал на промыслах камчатских... А моя жизнь сложилась иначе. До двадцати лет жил я у дяди. В 1917 году мобилизовало меня временное правительство. Погнали на фронт. В июне 1918 года возвратился я домой в село Марухи, где до сентября месяца 1919 года работал батраком. В сентябре этого 1919 го-

да мобилизовал меня Колчак, но служить ему я не захотел и во время первого же боя с красными я перешел на сторону красных.

Это случилось за Уралом на реке Вятке, около города Вятки, который теперь переименован в Киров.

Красноармейцем я оставался до 1922 года, служа в 8-ой армии. А демобилизовавшись, приехал назад в село Марухи и пришлось поступить в батраки к кулаку, тоже Гостюхину, да не той породы, что я. Но по батрачеству мне ходить надоело и в 1924 году я обратился в наше сельскохозяйственное кредитное товарищество, чтоб разрешили мне они кредит на приобретение хозяйства. Так я стал хозяином. Хозяйство мое получилось бедняцкое—имел одну лошадь и одну корову на пять человек семьи. До марта 1929 года жил я, оставаясь единоличником-бедняком. А потом мы с дядей моим Семеном Ивановичем, который меня воспитал, организовали в нашем селе Марухи колхоз „Памяти Свердлова".

О своей работе председателем правления этого колхоза могу сказать: за хорошую постановку дела получил я грамоту, а колхоз—подарки от районных организаций. Создавал я актив, подготовил новых людей, а в том числе и товарища Чиркова, который и по сей час работает в том колхозе.

В июле 1933 года президиум райсполкома перебросил меня председательствовать в сельхозартель „Память Ленина". Я был послан помочь колхозникам „Памяти Ленина" укрепить свое хозяйство. Работал тут девять месяцев, сделал много, но с февраля 1934 года президиум райисполкома снова перебросил меня в деревню Назарово в самый отсталый по району колхоз—колхоз „Полезный труд".

Маленький был этот колхоз и бедный. Артель об'единяла тогда всего навсего 63 хозяйства. Посева было всего 320 гектаров, урожай—низок. Было у нас 228 голов крупного рогатого скота, пятьдесят три овцы, сорок шесть лошадей, одиннадцать свиней...

А на первое января 1936 года, то-есть через два года с начала работы моей председателем, имели в колхозе не 63, а вдвое больше—128 хозяйств. Вдвое больше стало у нас лошадей—83 вместо 46-ти. Выросло стадо нашего рогатого скота больше чем в полтора раза—вместо 228 голов крупного рогатого скота мы имели уже 369 голов. Вдвое выросло стадо овец—с 53 голов до

113-ти, вдвое возросла посевная площадь — с 320 гектаров до 680-ти.

А самое главное получили мы в 1935 г. невиданный еще в нашем районе урожай. Урожай небывалый еще никогда за все время существования деревни Назарово. В целом по колхозу мы сняли урожай по 20 центнеров с гектара, а на отдельных участках получили до 30 центнеров с гектара.

За это-то я и был приглашен в Москву на совещание борцов за высокие урожаи. За это я и был награжден высшей правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

★

Интересно, конечно, знать как мы добились небывалого урожая и вообще как мы добились той жизни, которую теперь имеем. Ведь начинали-то мы борьбу за колхозное изобилие, живя прямо впроголодь. Перед началом весенней посевной кампании 1935 года не было у нас в колхозе фуража, семян и даже продуктового хлеба для питания колхозников. Но было у нас горячее желание покончить с недоеданием, вывести колхоз из самых отсталых в передовые.

Мы поехали за хлебом, за семенами далеко, за 250 километров. Мы завезли семена, большое количество семян, которое должно обеспечить полностью задуманный нами посев.

А посев мы задумали смелый. Под посев яровых мы решили разработать семьдесят пять гектаров вечной и никогда еще от века не паханной целины и добиться тут наилучшего урожая.

Потребовалась широкая массово-раз'яснительная работа, чтоб мобилизовать решительно всех колхозников на борьбу за высокий урожай. Мы знали, что победа возможна только при наличии образцовой труддисциплины, при проведении всех необходимых агротехнических мероприятий.

Вот имена тех, кто был передовиком в борьбе, кто помогал нам бороться за урожай: колхозники Ершаков Никифор Матвеевич, Воротникова Васса Андреевна, Ершакова Анастасия, Назаров Евсей Клементьевич, Назаров Евлампий (инспектор по качеству), Назаров Исаак Корнилович, Секисова Капитолина, Калинина Анна Ивановна, Гилева Варвара Ивановна. Хорошо помогали нам председатель сельсовета М. Г. Мурашев со своим активом — членами сельсовета С. И. Каимовым (секретарь), Молевым Пантелеем Матвеевичем, Ситниковым Андреем, К. М. Ершаковым, Секисовой

Капитолиной, Вишневским Семеном, Муральцевой Милидорой. Помогал райисполком и райком партии, помогал кузнец Назаров Евсей Клементьевич, учитель Панкратов Петр Васильевич. Помогало сельпо, хорошо обеспечивая наших колхозников товарами.

Окруженные общим вниманием и заботой, мы принялись за дело. Задача была не так уж сложна,—требовалось только дружно и добросовестно работать, превратить пустовавшие земли в плодородное поле, снять урожай там, где его не было еще никогда.

Мы одолели целину. Мы хорошо подготовили почву. Пахали мы по целине не мельче, чем на 16-18 сантиметров, как требовал в данном случае пахотный слой почвы.

Сеять мы начали выборочным порядком с 16-го апреля. В первую очередь сеяли мы разработанную целину, предварительно боронив ее по 18—20 следов, чтоб добиться наилучшего урожая.

План весеннего сева на 520 гектарах мы выполнили в 20 рабочих дней. После этого, не медля ни одного дня, приступили к взмету паров. Вспахали мы 269 гектаров, из которых осенью засеяли озимыми 180 гектаров. Одновременно со вспашкой паров я готовился к сеноуборочной кампании, чтоб полностью обеспечить хорошими кормами скот нашей молочно-товарной фермы и скот колхозников.

Как было ни трудно, ни тяжело, но, правильно организовав труд, мы успели сделать все необходимое—и следить за всходами яровых, и вспахать пары, и подготовить машины к сеноуборочной. На сенокосе у нас работало 125 человек. Скот колхоза и скот колхозников мы обеспечили кормами полностью до появления свежей травы.

И вот пришла осень. До тридцати центнеров с гектара удался нам урожай на посевах по целине! Сдали мы хлебопоставки государству, продали еще в порядке хлебозакупа 1600 центнеров зерна. На эти деньги приобрели себе автомашину полуторатонку, колхозники накупили себе платья, всяких вещей. Семена на 1936 год засыпали мы полностью. Что же пришлось на трудодень? И на сколько этот трудодень вырос по сравнению с 1934 годом? Лучше всего приведу я здесь такую табличку:

Наименование продуктов, выданных на трудодень	1934 г.	1935 г.
Пшеницы	0,05 кгр.	3 кгр.
Овса	—	3,5 кгр.
Гороха	—	1 кгр.
Ржи	0,35 кгр.	0,5 кгр.

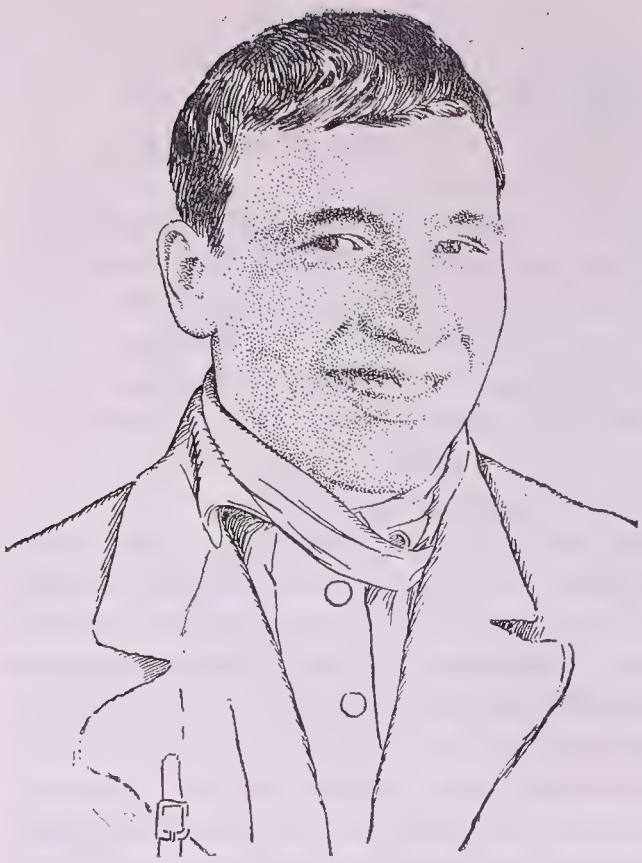
Проса	—	1,0 кгр.
Гречи	—	0,5 кгр.
Меду	0,025 кгр.	1,0 кгр.
Мяса	0,5 „	10,0 кгр.
Деньгами . .	50 коп.	1 рубль

Вот каких достижений добились мы за 1935 год. Поднялась инициатива колхозников, укрепилась трудовая дисциплина, хорошо стало жить в колхозе. Если в 1934 году колхозники не имели коров, даже телок, так в 1935 году не осталось у нас ни одного бескоровного колхозника, а в 1936 году добрая половина колхозников имеет уже по 2 коровы и по 2—3 головы молодняка.

Немудрено, что за два года колхоз вырос вдвое.

Идем к зажиточности, живем культурно. Оборудовали хорошую избу-читальню, клуб, детские ясли. И если в прошлом году в полеводческих бригадах было еще мало культурных станов, так в 1936 году построили мы хорошие культурные полевые станы, где колхозники, работавшие на посевной, могли отдохнуть, почитать газеты, послушать патефон...

Так мы живем. И будем впредь бороться за еще лучшую жизнь, за еще лучшие показатели в работе. Живем по сталинскому уставу! Мы всеми силами поможем осуществлению лозунга любимого вождя нашей партии товарища Сталина—дать стране 7—8 миллиардов пудов хлеба. Для того, чтоб осуществить этот лозунг товарища Сталина, мы имеем все возможности.



Простые правила

Василий Яковлевич ЮДАЕВ

Тракторист Северной МТС, Любинского района

МНЕ девятнадцать лет. Родился я и живу в селе Ядрине Любинского района, Омской области. Девяти лет я пошел в школу, проучился три года и бросил, потому что ходить было не в чем. Жили мы бедно.

В 1929 году организовался в нашем селе колхоз „Хлебороб". Стал я отца звать в колхоз...

В 1931 году ушел я из дому работать в совхоз № 42 курьером. Через полгода вернулся домой. Прожил дома один год, ушел в совхоз № 234. Там работал сначала скотником, затем на сенокосилке. Послали учиться на тракториста. Сдал экзамен. Вот так впоследствии и стал я трактористом Северной МТС, Любинского района.

В 1934 году вступил в комсомол.

В 1935 году весной первым подписал договор на социалистическое соревнование между трактористами. Вызвал на соревнование своего товарища Ивана Зайцева.

В работе сначала случались неполадки. Помню, не ладилось с выхлопным клапаном. Отстал от других трактористов. Но, не теряя спокойствия, проверил машину, внимательно подогнал все части, хорошо смазал, прочистил и дело пошло хорошо. Вышел на первое место. Получил бригадный переходящий красный флажок. Организовал ночную пахоту. После окончания сева в колхозах „Хлебороб“ и „Коммунар“ взяли на буксир отстающую бригаду Черемисина, которая работала на полях колхоза имени Кагановича. Колхозники мне говорили:

— Земля сохнуть начинает! Уходит время. Покажи нашим как надо работать. Научи их обращаться с машинами.

Я распределил между трактористами полевые участки. Заправку машин заставил проводить в борозде. Установил строгий распорядок дня, заставил два раза в день протирать машины. Все это помогло делу. Трактористы Лазеев, Кусков и Федулов, которые не выполняли норму, стали перевыполнять ее. Научились работать.

Колхоз имени Кагановича был выведен из прорыва. Сев закончили в срок.

Когда настала осень, я работал и на уборке хлебов, и на вспашке. Вечером, отцепившись от комбайна, я прицеплял к трактору трехкорпусный плуг и запахивал землю под зябь. Тут надо сказать про деда Кузнецова. Мне охотно помогал в работе сторож тракторного парка дедушка Кузнецов, мой друг. Дед шел за машиной и выковыривал металлическим крючком длинные корни пырея, которые застревали между лемехами.

За сезон я выработал вместо 300 гектаров, как обязался по договору социалистического соревнования,—510 гектаров.

Меня спрашивали как это я ухитрился вспахать больше других. Я об'яснял:

— Машину я держал в исправности. Времени зря не тратил. У вас на курево час уходил, а я за этот час четверть гектара вспахивал. Вы за горючим на стан ездили, а у меня оно всегда было в борозде. По утрам вы время на сборы тратили, а я с вечера трактор приготовлю и утром первый на работу выеду! Все это просто и каждому доступно.

За хорошую работу правительство и партия наградили меня в 1935 году орденом „Знак почета“.

☆ ☆
☆

Жизнь, как у многих старых рабочих

И. И. ХОЯНКОВСКИЙ

Старший механик Борисовского зерносовхоза Шарбакульского района

МНЕ 59 лет. Последние годы я живу, как полагается трудящемуся человеку счастливой страны, свободной от капиталистов и помещиков,—в радостном труде и материальном благополучии. Работаю на совесть, повышаю свою квалификацию, участвую в политической жизни страны, читаю книги, лечусь на курорте... словом дышу легко и свободно. Девятнадцать лет, миновавшие после Великого Октября, очень быстро пролетели.

А вот предыдущие сорок лет тянулись долго. Их я прожил при царе, когда капиталисты и помещики были хозяевами, труд наш был подневольным, отнимал много сил и не приносил радости. Известно, какая жизнь была тогда у рабочего. Не сладкая.

Отца своего, рабочего шорника, я не помню. Он умер, когда мне было всего полгода, зато хорошо помню отчима, который воспитывал меня, он был поваром одной из гостиниц польского города Лодзи. Работа у отчима была тяжелая, изнуряющая.

Нешуточное дело стоять долгие часы у раскаленной плиты, да еще знать, что жрать будут люди сытые и довольные, а свои перебиваются „с хлеба на квас".

Отчим относился ко мне, как к сыну. Я был старшим из четырех его детей и он меня первого определил в реальное училище. Немного денег было у отчима, но он их отдавал за право моего обучения. Это теперь, как известно, учат бесплатно, а тогда право на обучение покупалось.

Окончил я шесть классов реального училища. Что делать дальше? Учиться—нет средств. Итти в переписчики—нет желания. Я поступаю учеником в слесарную мастерскую к одному из кустарей. Так пришлось и за углем бегать, и дрова колоть, и железо у старьевщиков выбирать для мастерской. Словом, ученичество прошло, как у многих рабочих моего возраста. Многие, ведь, тогда так добывали себе квалификацию.

Однако, через полтора года я ухожу от хозяина-кустаря и поступаю на шерстепрядильную фабрику к немцу Цегешен. Это было в 1894 году, в городе Сосновец, на прусской границе. Работали мы у Цегешена по 13—14 часов в сутки. За это получали ровно столько, чтобы не умереть с голоду и иметь силы стоять за станком. Цегешен, считая, что немцы—лучшая нация в мире, всемерно их поощрял и всячески издевался над рабочими других национальностей. Мне, как и другим полякам, русским рабочим и особенно евреям, было тягостно.

Так было не только на фабрике Цегешена. Капиталисты эксплоатировали жестоко весь рабочий класс. Поэтому недовольство росло, пролетарии об'единялись. Когда не стало сил терпеть, рабочие бросили работу. Была об'явлена забастовка. Это случилось в 1905 году. Тогда широкой волной прокатились забастовки по всей стране!

Наша фабрика бастовала две недели. Мы упорно держались своих требований: сократить рабочий день с 13 часов до 10 часов с половиной, прибавить зарплату... Теперь нашей молодежи дико и слышать о борьбе за... десяти с половиной часовой рабочий день, но в мрачные годы царизма было именно так. Две недели шли переговоры с хозяином, который не хотел уступать, и ворота фабрики были закрыты. Тяжело было рабочим, особенно многосемейным, но мы не сдавались. Много мы натерпелись тогда, но все же победили.

В числе 6 делегатов, избранных для переговоров с хозяином, был и я. Делегация добилась от хозяина уступок, вместо 13 ча-

сов он согласился нас эксплоатировать по 10 с половиной часов. Но он затаил злобу на нас. Не прошло и полгода, как всех делегатов, в том числе и меня, арестовали жандармы. Делегатов судили жестоко. Меня приговорили к ссылке в Сибирь.

Отбыв ссылку, я вернулся на родину, в Польшу. Но полиция преследовала меня, не давала покоя. Пробовал я работать в глуши на картофельной фабрике в одной деревушке, но и тут меня нашли. Пришлось уезжать из Польши.

В 1913 году я в Москве. Но разве тогда такая ласковая, как сейчас, была Москва к нам! Нет, и здесь рабочий класс тащил тяжелое бремя подневольного труда. Я работал на крупных заводах Москвы механиком, но радости не было.

Радость пришла после великого Октября. Полной грудью вздохнул народ. И радость освобожденного труда дала нам столько сил, что мы сумели преодолеть и внутреннюю контрреволюцию, и „нашествие 14 государств", и тяжелые годы разрухи.

Вздохнул и я свободно. Работа у меня спорилась, жизнь становилась с каждым годом лучше, богаче, веселее. Годы потекли быстрее. Поэтому описывать это время хочу короче.

В 1919 году я на механическом заводе в Краснопресненском районе Москвы. Но по семейным обстоятельствам вынужден был уехать в Курск, на работу в Ленинский сахарный завод.

Здесь работал в качестве слесаря инструментальщика, а после был переведен в мастерские, ремонтирующие сельскохозяйственные машины. Так проработал до 1929 года.

В 1929 году партия и правительство форсировали организацию совхозов в национальных республиках. И вот в Казахстан командируется директором совхоза мой старый знакомый тов. Габелко. Это—толковый хозяйственник. Он знал, что совхозы надо строить на голой казахской степи, что есть над чем поработать. Ну он и поставил вопрос на добровольность, чтобы желающие квалифицированные работники сами поменяли спокойные насиженные места на боевую и ударную стройку.

Он пригласил меня поехать в Казахстан для организации машинного парка совхоза. Меня не пришлось уговаривать. Я сразу понял, что дело важное, государственное. Трудности, конечно, есть, но сил хватит, чего бояться трудностей. Я и поехал.

Действительно место голое, пустое. Но в нас загорелась страсть. И мы, засучив рукава, принялись за дело. В нашей стране все возможно. Вскоре в степи зажглись огни небольшого городка—

Суворовского зерносовхоза. Тракторы заработали на полях, хлеб пошел на элеватор, люди стали из неквалифицированных превращаться в квалифицированных. Ну, вот за честную работу меня правительство и наградило в 1931 году орденом Ленина. Очень большая награда. Самым счастливым днем, самым выдающимся днем в моей жизни было награждение орденом Ленина.

Сейчас я работаю по ремонту сельскохозяйственных машин: комбайнов, зерноочистительных машин, прицепного инвентаря, тракторных тележек в Борисовском зерносовхозе. Здесь я с 1931 года. Совхоз большой и крепкий. Но ответственности за него много. Весь наш рабочий коллектив, под руководством партийной организации, работает над тем, чтобы сделать совхоз еще более крепким, рентабельным, высокоурожайным.

Я люблю свою работу и отдаю ей все свои силы. Свой практический опыт я не засекречиваю, а передаю молодежи. У меня есть ученики, которые сейчас работают уже техниками МТС и совхозов.

Кроме основной своей работы я веду и работу общественную. Организовал я кружок общества изобретателей и руковожу им. Внес несколько рационализаторских предложений и я лично.

Лозунг великого Сталина о 7—8 миллиардах пудов хлеба зовет нас к стахановскому труду, воодушевляет на большие победы. Высшая награда, которую я получил, обязывает меня быть впереди других в решении этой задачи.

ПЕРЕДОВИКИ ЖИВОТНОВОДСТВА

Постановлением Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 22 февраля 1936 года о награждении передовиков животноводства орденами Союза ССР награждены следующие передовики животноводства Омской области:

Орденом Ленина:

1. Малашкина Елена Тимофеевна, доярка Измайловского совхоза, Калачинского района.
2. Разина Мария Кузьминична, доярка племсовхоза № 54, Омского района.
3. Кузовков Василий Григорьевич, бригадир племсовхоза № 54, Омского района.
4. Комлева Прасковья Васильевна, доярка совхоза им. Сомса, Абатского района.
5. Шадрина Мария Павловна, телятница совхоза имени С. М. Кирова, Крутинского района.
6. Мастерова Клавдия Яковлевна, телятница Измайловского совхоза, Калачинского района.
7. Иванова Ирина Никифоровна, телятница совхоза имени Менжинского, Маслянского района.
8. Мокроусова Матрена Гавриловна, зав. свиноводческой товарной фермой колхоза им. Буденного, Исилькульского района.
9. Найданов Иван Федорович, бригадир колхоза „Пролетарский путь“, Любинского района.
10. Проскурня Макар Иванович, чабан колхоза „Червонный прапор“, Марьяновского района.
11. Казанцев Михаил Васильевич, конюх колхоза „Великий путь“, Любинского района.

Орденом Трудового Красного Знамени:

1. Белоусова Анна Григорьевна, доярка колхоза „Красная Сибирь“, Москаленского района.
2. Мелехина Аграфена Ивановна, доярка Тюкалинского совхоза № 359, Тюкалинского района.
3. Сурков Семен Тимофеевич, бригадир совхоза № 42, Любинского района.
4. Романова Матрена, телятница колхоза имени Ворошилова, Омского района.
5. Струк Елизавета Даниловна, телятница колхоза „Красный хлебороб“, Тарского района.
6. Каленик Николай Федорович, нач. политотдела Лузинского свиносовхоза, Омского района.
7. Люсин Михаил Иванович, директор Лузинского свиносовхоза, Омского района.
8. Сазонова Матрена Филипповна, свинарка Лузинского свиносовхоза, Омского района.
9. Патронов Константин Иванович, зоотехник, зав. Крутинского райзо.
10. Тугушев Петр Васильевич, чабан Москаленского совхоза № 16, Москаленского района.

Орденом Знак Почета:

1. Райтович Мария Николаевна, доярка совхоза № 249, Большереченского района.
2. Стефан Оттолия Людвиговна, доярка колхоза „Форвертс“, Азовского района.
3. Ваганова Татьяна Ефимовна, телятница колхоза имени Эйхе, Крутинского района.
4. Бажина Домна Ануфриевна, телятница колхоза имени Розы Люксембург, Крутинского района.
5. Шешукова Фелицата Никаноровна, телятница колхоза „Пятилетка“, Тюменского района.
6. Носов Иван Александрович, председатель колхоза имени Сталина, Аромашевского района.
7. Петин Тихон Егорович, зоотехник свиносовхоза „Пятилетка, Омского района.
8. Каплан Иосиф Семенович, начальник политотдела свиносовхоза „Пятилетка“, Омского района.
9. Клещинская Мария Федоровна, свинарка свиносовхоза „Пятилетка“, Омского района.

О чем я рассказала в Москве

Мария Кузьминична
РАЗИНА

Доярка племсовхоза № 54,
Омского района

Кем бы ты была, Мария Разина, в царской России? Была бы ты, Мария Разина, забитой, неграмотной скотницей на барском дворе или батрачкой у кулаков. И мыкала бы горькую жизнь.

Так я часто говорю сама себе.

Я родилась в 1896 году в Пензенской губернии. Отец мой был крестьянин бедняк. С одиннадцати лет осталась я сиротой без матери. Когда мне было двенадцать лет — отдали меня к кулаку нянчить его детей. Потом жила на барском дворе, нянчила детей барских. А только исполнилось мне шестнадцать лет — отдали меня замуж. Считали, что муж у меня будет хороший, так как он единственный сын у своих родителей и, значит, его на войну не возьмут. А это в старые времена считалось для крестьянской семьи самым большим счастьем. Однако когда началась герман-

ская война, забрали и моего мужа в солдаты. А мне пришлось тогда пойти работать по найму, прислугой.

Дальнейшая жизнь с мужем это раз'езды в поисках лучшей доли. Покинули мы Пензенскую губернию, поехали на Нижнюю Волгу, жили затем в Сталинграде. Оттуда переехали за Урал в Ишим. И, наконец, в 1930 году приехали в Омск. Все эти годы муж мой работал чернорабочим. И только на место своей последней работы — в совхоз № 54 поступил он десятником по строительству. А я поступила в этот совхоз работать дояркой.

★

Когда пошла работать на скотный двор — была вовсе неграмотна, не умела даже различить номеров на своих коровах. Неопытная была и в работе. Тяжело было работать, но старалась. И старание мое не прошло зря. В 1932 году меня, как хорошую работницу, перевели на телятник. Уходу за телятами я училась у нашего зоотехника Карелина. Хотелось работать как можно лучше, учиться, развиваться, всей душой участвовать в новой жизни. В 1932 году и я и мой муж подали заявление о приеме нас в кандидаты ВКП(б). И мы были приняты оба.

Мой муж в том же году заболел и умер. А я продолжала работать в совхозе. Воспитывала как могла своих трех ребятишек и сама училась. В 1933 году открылся у нас в совхозе ликбез. Я овладела грамотой, и работать стало гораздо легче.

★

В 1934 году случилось у меня несчастье—меня исключили из кандидатов ВКП(б) и уволили из совхоза. Меня оклеветали заведующий 3-й фермой совхоза и чужаки, которыми он себя окружил.

Начальник нашего политотдела был тогда болен, находился в городе. Клеветники в его отсутствие и расправились со мной. Я должна была уехать из совхоза. Очень было обидно. И очень жалко было покидать своих телят.

Поселилась я в Омске. И когда узнала, что начальник политотдела выздоровел, то подала ему заявление, чтоб он как следует разобрал мое дело. В сентябре месяце 1934 года меня восстановили. Я вернулась работать в совхоз. А вскоре началась чистка партии и выяснилось, что те люди, которые меня оклевета-

ли, сами недостойны быть членами партии. Тех людей, которые окружали заведующего фермой, вычистили из партии.

Стала я работать дояркой на центральной усадьбе нашего совхоза.

★

В работе я добилась, надо прямо сказать, большого успеха. Я почти удвоила удойность коров своей группы. Корова „Свобода" дала в 1934 году только 2301 литр молока, а в 1935 году эта корова дала свыше 5000 литров. Корова „Сталь", которая в 1934 году дала 2024 литра, в 1935 году дала 3360 литров. Корова „Стройка" за тот же период повысила удой с 2060 литров до 4040 литров.

Средний годовой удой в 1935 году на каждую дойную корову составил 3620 литров.

Мои коровы здоровые, упитанные. И телята у них рождаются такие же здоровые. Меня спрашивают как я их такими сделала, а ответ на этот вопрос ясен:

— Заботилась. Училась зоотехнике.

Начать хотя бы с вопросов кормления. Раньше я думала, что кормить скот никакого искусства не требуется. Чем больше, мол, дашь корма, тем больше от коровы и получишь молока. Лишь бы было набито брюхо. И бывали случаи, когда мы, доярки, еще неопытные и неученые, тайком от бригадира совали коровам корм сверх всякой нормы. Думали—дадим лишний клочек сена или лишнюю порцию концентратов — и сразу удой увеличится. Но оказалось, что от перекорма получается вред вместо пользы. Перекормленная сегодня корова на другой день не хотела есть корм и таким образом снижала суточный удой.

Учась зоотехнике, я поняла, что очень многое зависит от правильного кормления. При раздое коров корм в рацион следует прибавлять понемногу и нужно следить при этом — увеличивает или уменьшает корова удой в результате прибавки того или иного корма. Для этого необходимо корм, перед дачей его коровам, обязательно взвешивать, а не определять количество на-глазок. Важно также, чтобы кормушки были одна от другой отгорожены — коровы разбрасывают корм, а если разбросают, так нельзя будет определить сколько каждая корова с'едает.

Кормить коров дело сложное. И перекорм и недокорм коров отрицательно отзывается на удойности.

Поим мы коров три раза в сутки. А некоторых поим по четыре раза и даже больше. Я считаю, что нужно сделать так, чтоб корова всегда имела около себя воду. Чтоб когда захотела, тогда и напилась. Теперь у нас все доярки желают, чтоб автопоилки были в стойле у каждой коровы.

Теперь о содержании коров. Содержим мы их в чистоте. Два раза в день чищу я корову щеткой. Дважды в день очищаю стойло и кормушки. Слежу, чтоб всегда была под коровой чистая подстилка. Для подстилки вместо соломы применяю опилки. Они лучше, чем солома — от соломы, когда ее убираешь, портится воздух, а от опилок воздух всегда чистый, приятный, пахнет сосной.

На скотном дворе налажена вентиляция. Ежедневно проветриваем помещения, когда выпускаем коров на прогулку. А на прогулку они идут не громадными группами по 60—70 голов, а небольшими группами, не больше чем в 10—12 голов.

Прогулка очень полезна для коров. Не выпускаем скот на прогулку лишь в том случае, если мороз больше, чем 25 градусов. При таких сильных морозах у коров мерзнут соски.

За сосками, за выменем надо тоже умело ухаживать. Волосы на вымени у коровы я подстригаю. Перед дойкой подмываю вымя коровы, оботру его и хорошо промассирую. Дойку я произвожу кулаком. Беру соски не по одному, а одновременно передний правый и задний левый—крест на крест. Потом беру вторую пару сосков. Это правильная дойка.

Первые струйки молока всегда сдаиваю на пол, потому что в них есть микробы, а они вредны для телят. После дойки опять массирую вымя. Такой массаж через две-три минуты снова вызывает молоко, которое надо обязательно дочиста выдаивать. В последних каплях молока содержится больше жиров.

Упомяну напоследок и о коровьем хвосте. Хорошая доярка должна заботиться и о хвосте коровы. Хвост у коровы я подстригаю, чтоб он по земле не волочился, чтоб на нем не было грязи, чтоб эта грязь и пыль, когда во время дойки корова хвостом машет, не попала бы в молоко. Некоторые доярки говорят, что хвост у коровы подстригать не нужно—корова, дескать, будет давать меньше молока. Это вздор, предрассудок. Это бабушки говорили из суеверья.

★

Обо всем этом только менее подробно я рассказала с трибуны Всесоюзного совещания передовиков животноводства в Москве. Поднимаясь на трибуну, я сомневалась--сумею ли все рассказать. Вообще-то говоря, пообтерлась я на людях за время работы в совхозе, говорить на собраниях научилась, работала у себя профоргом в бригаде. Лекции даже у себя в совхозе дояркам читала. Но там в Москве, поднимаясь на трибуну совещания, волновалась очень. „Нет,— думаю,— нескладно скажу. Прямо духа не хватает". Но разошлась потом. Осмелела. Все сказала.

Начала я с того, что передала привет нашему дорогому вождю товарищу Сталину и нашему правительству от колхозников и рабочих совхозов Омской области. Передала товарищу Сталину сердечное спасибо колхозников и рабочих совхозов Омской области за зажиточную, культурную и радостную жизнь.

Затем я рассказала о себе, как скиталась с малых лет, в людях жила, как потом начала работать в совхозе. Рассказывая о новой радостной жизни, не забыла упомянуть и о новой своей квартире, о патефоне, о радио, о том, что дочь моя учится уже в шестом классе школы.

А в заключение сообщила совещанию, что мы вызвали на соревнование по высоким удоям и сохранению молодняка Челябинскую область.

Кончив речь, опустилась с трибуны и пожала руку нашим вождям и руководителям. Запомню я навсегда это совещание.

Я бесконечно рада тому, что видела товарища Сталина и руководителей партии и правительства.

Орден мне, как и всем, вручал Михаил Иванович Калинин. Вручая орден, он сказал, что награждает меня высокой наградой. Я сердечно благодарила. И твердо решила, что буду работать еще и еще лучше.

Я много пережила и передумала на совещании.

Когда я встретилась с товарищем Сталиным и членами нашего правительства, мне показалось, что я выросла на две головы. А потом, когда на совещании выступили лучшие животноводы нашей страны, мне было стыдно за то, что мои коровы дают только по 3620 литров молока. Ведь некоторые доярки рассказывали на совещании, как они получают по 6700 литров от каждой коровы. Поневоле застыдишься. Но мы подтянемся. Подучимся, подучим других и двинем дело вперед.

Мы сейчас живем хорошо. Летом нас отправил профсоюз на курорт Сочи. Хорошо там отдохнула. Мы по-ударному, по-стахановски работаем и учимся, смело и радостно смотрим в будущее и уверены, что наша жизнь с каждым годом будет еще лучше и веселей. И на сердце еще веселей, радостнее, потому что нашим вождем является товарищ Сталин и потому, что страна наша могуча и непобедима. Мы желаем работать по-стахановски. Нашей стахановской работой мы сделаем страну еще более могучей и сильной.

И еще раз хочу я повторить товарищу Сталину: Благодаря вашей, товарищ Сталин, особой заботе об укреплении совхозов и колхозов, благодаря вашей заботе о людях, мы из неграмотных превратились в грамотных. А наша жизнь из забитой, нищенской стала зажиточной и культурной.

Была землянка на степи...

Василий Григорьевич
КУЗОВКОВ

Бригадир племсовхоза № 54,
Омского района

ВОЗЛЕ Черлака засел в своем имении некий Корш. Нанимал он человек сорок рабочих для обработки своих посевов. Жилось нам рабочим плохо, питание было скверное. Каша на воде—вот и все! Работать заставлял от зари и до зари, а в летнюю пору приходилось спину гнуть на помещика Корш и по 20 часов.

Беседовали мы с ним. Спрашивали:

— Почему вы нас так плохо кормите?

— А что ж,—отвечает,—вас сорок человек я буду мясом кормить, что-ли? Тогда мне и прибылей не будет.

Прибыли мы под Черлак издалека, из Аккерманского уезда, Бессарабской губернии, где я и родился в 1897 году. Отец мой был батрак, работал на бессарабских кулаков и помещиков. Я тоже с семи лет пас чужих овец. В 1912 году поехали в Сибирь—на „вольные“ земли, чтобы устроить лучше свою жизнь, но попали, как говорится, из огня в полымя. И в Сибири пришлось батрачить и гнуть спину на помещиков и кулаков. Тяжелый

труд и неограниченная эксплоатация в помещичьем хозяйстве сохранились тяжелым воспоминанием на всю жизнь.

Перед германской войной отцу кое-как удалось сколотить избу, завести лошадь и корову. Но я продолжал батрачить на приртышских кулаков. А в 1915 году, в августе, досрочно забрали меня в солдаты и погнали на войну. Мне совсем не хотелось итти под германские пули. Я сумел извернуться. Выручила меня не симуляция какая-нибудь, а музыкальный слух. Попал я в музыкантскую команду. Так прошло два года, а в 1917 году услыхали мы о революции в Петрограде. Нам стало известно, что сброшен как будто бы с престола царь. Мы, которые из деревни, не умели точно разбираться в политических вопросах—буржуазная революция, пролетарская революция... Я не совсем ясно понимал, как развертываются дальнейшие политические события. Но были у нас в команде ребята из рабочих, с Украины. Они в политике разбирались лучше нас, рассказывали суть дела и про революцию и про врагов революции. Предупреждали, что надо быть рабочему народу и крестьянству вместе на страже. Ясно разобраться в положении вещей помог такой случай:

Вернулся из отпуска один солдат из рабочих. Был в Петрограде. Явился к командиру роты. У командира сидят человек пять офицеров.

— Ну, рассказывай, что в Петрограде?

Он ответил в том смысле, что с Николашкой покончили, а теперь рабочие выступают против буржуев, что подходит время кончать с буржуазией. В Петрограде буржуев уже калечат.

А командир:

— Врешь, сукин сын!

И по щеке солдата ударил.

Наши ребята хоть музыканты, но были вооружены наганами. Немедленно мы поднялись и двинулись разоружать командиров, которые против трудового народа. Втянули мы в дело и первую роту. Офицеров схватили и под арест. Так мы получили первую политическую зарядку. После нашу команду расформировали, разбросали по ротам. Потом снова собрали в кучу. Пугали нас. Но все равно мы уж имели твердую линию. Мы шли за большевиками.

Тут явился к нам в полк Керенский. Я его видел. Он вел свою агитацию: „война до победы“. А мы свое требование—„Долой войну! Ее продолжение выгодно лишь буржуям!“

Хотели нас разоружить, но мы своих наганов не сдали.

★

Вернулся с войны в Черлак. Думаю—потолкуем теперь кое о чем с помещиком Коршем. Но Корш уже скрылся и сыновья его разбежались. Именье стоит пустое. Однако в скорости я подумал—как бы Корш не вернулся. В Сибири воцарился защитник помещиков бывший адмирал Колчак. Начались в нашей деревне тревожные дни и ночи. Крестьянская молодежь служить Колчаку, участвовать в войне против советов не хотела. Не захотел служить Колчаку и мой брат Илья. Он схоронился на задворках отцовского хозяйства, ночевал то в сарае, то в яме. Никуда не выходил, потому что по прииртышью рыскали отряды колчаковской милиции, разыскивая дезертиров.

Когда Колчака выгнали, брат Илья пошел в Красную армию. Гнал колчаковцев до самой Монголии. А теперь Илья Григорьевич Кузовков в колхозе „Трудовик“ машинистом.

Другой брат Савелий тоже с Колчаком не был в дружбе. В последние дни колчаковщины Савелий ушел в партизанский отряд Нагорного. Нагорный получил революционную закалку, служа прежде в царском военном флоте. В 1924 году был он председателем сельсовета. Его задавили из мести кулаки.

Брат Савелий живет в колхозе.

★

Отец не дожил до хороших времен. В том же памятном 1919 году умер старик от тифа. Хозяйничать остался я. В 1920 году я женился. В 1928 году вступили мы в колхоз „Трудовик“. В 1930 году был неурожай, пошел я на побочные заработки в совхоз № 54, да тут и остался работать. Семью сюда перевез. Стал бригадиром по крупному рогатому скоту.

Первый год я к работе присматривался и ко мне администрация совхоза присматривалась—что я за человек. А в следующем году отправили меня со стадом скота в 95 голов на самостоятельный участок за тридцать пять километров от центральной усадьбы. Голое место, степь. Коровы стали телиться, а вместо телятника на нашей ферме торчит „пластяная“, из дерна сложенная, казахская землянка-зимовка. Темная, с виду страшная. Но делать нечего—об'явили мы эту землянку телятником! Так решила наша бригада. Люди в бригаде подобрались хорошие, честные, дисциплинированные. Люди слушали меня, наводили чистоту, бережно относились к каждому теленку. Выполняли все тре-

бования зоотехники, хотя зоотехника-то была у нас больше практическая — зоотехник приезжал очень редко. Применяя метод обильного кормления, выпоили мы благополучно всех 80 телят.

Перед весной приехал директор совхоза. Посмотрел на телят и, вернувшись в контору, сказал всем:

— Берите пример с Кузовкова! На степи, в землянке сумела его бригада сохранить всех телят. А на первой ферме, где гораздо лучше условия содержания скота,—падеж.

Всю нашу бригаду премировали.

Стали мы бороться за поднятие удоя коров. По началу дело шло не так уж блестяще. Зоотехники хотя к нам и приезжали, но поясняли, надо признаться, мало. Я тогда еще плохо понимал в грамоте — сам дойти до многого не умел. В 1933 году коровы не давали у меня на ферме удоя больше, чем в 15 литров. А удоев ниже этого было сколько хочешь. И добиться повышения удоя коров,— я прямо скажу,—помог мне товарищ Сталин! После XVII с'езда партии—вот когда началась у нас настоящая большевистская борьба за укрепление животноводства. Началась учеба серьезная, дело пошло на лад. Тут и сам я повысил знания, тут стали особенно выдвигаться наши лучшие доярки, будущие стахановки—Бондаренкова, Лопарева, Юрьева и награжденная впоследствии орденом Ленина кандидат партии доярка Мария Кузминична Разина.

Коровы подняли удой вдвое и больше. От тех коров, от которых получали мы по 15 литров, стали получать по 30 литров. Корова „Майка" из группы Разиной стала давать до 38 литров.

В 1934 году удой на фуражную голову исчислялся по нашему совхозу—22 центнера. В 1935 году—26 центнеров. А по нашей ферме в этом году удой равнялся 29 центнерам на фуражную голову.

Вот за что я награжден орденом Ленина. За образцовую постановку дела на своей ферме.

★

За хорошую работу на ферме, за сохранение молодняка и за высокие показатели удоя молока на фуражную голову я был послан на совещание с руководителями партии и правительства по животноводству. Для меня это было великим счастьем, что я увижу дорогого товарища Сталина.

После житья на отдаленной ферме приятно было попасть в столицу Союза Республик,—в Москву. Встретили нас на вокзале

представители от Центрального Комитета партии, от Наркомзема. Внимательно встретили, тепло. Смотрят на нас приветливо, улыбаются. И мы улыбаемся. Вот, мол, приехали и мы в Москву доложить любимому вождю и другу колхозников товарищу Сталину о нашей работе.

С вокзала на машине поехали мы в 3-й Дом советов. Там, гляжу, собрался народ всех наций, какие только есть в Союзе Республик. Все дружно беседуют о своих первых победах в животноводстве. Москвичи расспрашивают: Как работаете? Как своих успехов добились? А нам, конечно, интересна Москва.

Вскоре увидели мы на совещании вождей нашего Союза Республик. Увидели мы и товарища Сталина и товарищей Калинина и Молотова... Хорошо встретила нас Москва! Воодушевили нас партия и правительство на дальнейшую боевую работу.

Вернувшись из Москвы и проработав до конца лета 1936 года в совхозе, с осени решил я взяться за учебу. Я, как и орденоносец-бригадир Центрально-Любинского совхоза тов. Сурков и как телятница совхоза имени Кирова тов. Шадрина,—учусь нынче на подготовительном курсе Высшей Коммунистической сельскохозяйственной школы.

★

В заключение хочу рассказать об одном случае из своей жизни. Это, я считаю, довольно знаменательный случай. Впрочем, судите сами. Произошло это, когда я вернулся домой из Москвы. Нежданно-негаданно без всяких предупреждений появился на нашей ферме знатный гость—никто иной, как орденоносец-чабан Макар Иванович Проскурня. Пришел из любознательности, посмотреть как мы живем и работаем. „Я,—говорит,—однажды над Омском в аэроплане катался и увидел сверху ваш совхоз. Вспомнил, что здесь товарищи-орденоносцы Кузовков и Разина. Захотелось посмотреть ферму".

— Пожалуйста,—говорим,—товарищ Проскурня, посмотрите.

И прогостил у нас Макар Иванович два дня и две ночи. Знатный чабан высказал свою оценку нашей работы. „Коровы, говорит, у вас не слишком высокопородные—обыкновенные метисы голландской породы, но раскормлены, раздоены на славу". Понравились ему и наши быки-производители остфризы. Понравилась вся ферма.

Вот так у нас люди друг друга проверяют и каждый чувствует себя хозяином на советской земле. В этом все дело.

★ ★
★

Учиться и учить других!

Елена Тимофеевна МАЛАШКИНА

Доярка Измайловского совхоза Калачинского района

Я НАГРАЖДЕНА орденом Ленина. Партия и правительство дали мне эту высшую награду Советского Союза за мою хорошую работу. Я—доярка Измайловского молмясосовхоза № 230. Третий год уже работаю в этом совхозе.

Все это время я обслуживаю одну и ту же группу коров.

В 1934 году мои коровы давали по 12—13 литров молока, а в 1935 году я уже получила от этих коров по 17—18 литров. А некоторые давали и больше. „Ирка", например, давала по 22 литра. За год я получила от каждой коровы в своей группе в среднем по 3777 литров.

Как я добилась высокого удоя? Я добилась этого тем, что правильно ухаживала за коровами и кормила их, выполняла все требования зоотехники. Летом давала коровам подкормку—жмых. Давала силос. Под осень месила мешку. В стойловый период мои коровы полностью обеспечены кормами, подстилкой, водой.

Подстилку я меняю два раза в день. К дойке коров я готовлюсь, как полагается, по всем правилам произвожу коровам

подмывку вымени, делаю массаж. Выдаиваю коров до конца. Дою кулаком крест-на-крест.

В период стельности коров я стараюсь за ними ухаживать как можно тщательней и поэтому мои коровы не знают неблагополучных растелов, а телята рождаются здоровыми и большого веса. Например, корова „Маруська“ родила 7 марта 1936 года телка весом в 36 килограммов.

Я не смогла бы так ухаживать за скотом, если бы не прошла техучебу. Техэкзамен я сдала еще в 1934 году и работаю теперь дояркой первой категории.

Путь к хорошей зажиточной жизни и к высокому званию орденоноски открыли мне советская власть, наша партия, наш вождь и учитель товарищ Сталин. Это—путь колхозов и совхозов, на который под руководством коммунистической партии встали крестьяне, бедняки и середняки. А вспомнить — как жили наши отцы!

Родилась я в 1901 году на хуторе Мироново, Горошинской волости Хорольского уезда, бывшей Полтавской губернии. Отец мой Трофим Прокопьевич Рева (моя девичья фамилия Рева) имел бедняцкое хозяйство.

На большую, в восемь человек семью, мы имели одну десятину земли. Хлеба не хватало. Поэтому отец, два брата и старшая сестра Екатерина батрачили у помещика Васенко.

Батрацкая доля, голод и безземелье отцу опостылели. В 1913 году он решил переселиться в Сибирь, куда ежегодно из центральных губерний России тянулись десятки тысяч таких же бедняков переселенцев, как и мы.

В царской России было нам худо, но и в царской Сибири пришлось не сладко. Только успели мы поселиться в деревне Камышиной (Нижнеомской волости, Омской губернии), только успели обзавестись парой лошадей да коровою, только вздохнули посвободней,—как началась война! Братья ушли на войну, жить стало тяжело и пришлось членам нашей семьи „прирабатывать“ на летних работах у кулаков деревни Нижней Омки. Так из лап полтавских помещиков попали мы в лапы сибирских кулаков.

В 1920 году я вышла замуж. Муж мой—тоже из батраков. До женитьбы он восемь лет работал по найму. Только после свадьбы он обзавелся хозяйством. Хозяйство наше было бедняцкое—одна лошадь, одна корова и телега на деревянном ходу.

По началу и тут пришлось нам кое-когда батрачить.

В 1929 году в нашей деревне была организована коммуна. Мы с мужем вошли в нее. Но эта коммуна просуществовала недолго и осенью следующего года мы с мужем поехали работать в совхоз, в Бурят-Монголию. Там прожили год. Муж работал бригадиром, а я дояркой. Но для моего здоровья оказался вреден климат Бурят-Монголии и мы уехали оттуда. Год работали в Тулуне, в льносовхозе. Там нам не понравились условия работы—в совхозе по 5—6 месяцев не выдавали тогда зарплату—и мы переехали в Омскую область, в Измайловский молмясосовхоз № 230, где работаем до настоящего времени и где мне удалось добиться высоких производственных показателей.

Живем хорошо,—не сравнить с тем, как жили наши родители. Зарабатываем много. Теперь, побывав в Москве, на Всесоюзном совещании с руководителями партии и правительства, и получив высокую награду,—я поднимаю свое общее образование, учусь грамоте, повышаю знания по своей специальности. Сама буду учиться и буду учить других доярок еще лучше работать по-стахановски.

★ ★
★

Мои четыреста телят

Клавдия Яковлевна
МАСТЕРОВА

Телятница Измайловского совхоза,
Калачинского района

МОЯ биография короткая. Родилась я в 1915 году в маленькой деревне Павловке теперь Горьковского района Омской области. Родители жили бедно, отцу приходилось батрачить на кулаков, затем, до 1930 года, он был пастухом в своей деревне.

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, — отдали меня в няньки. Однако няньчить детей кулака Морозова я больше года не стала. Пошла я работать вместе с отцом, начала ему помогать, сделалась подпаском.

— Пастушата, пастушата! — дразнили нас на улице, когда я и остальные дети из нашей семьи выходили погулять в праздник. В единоличной деревне пастух считался последним человеком.

В 1930 году отец поступил работать сторожем на железную дорогу. Вместе с отцом уехала из деревни и я. Поступила я в совхоз „Бурза-Батум“ ухаживать за кроликами. Здесь работала три года. А в 1933 году вся наша семья переехала в Измайловский совхоз, где живем и по настоящее время.

В совхозе я сначала пошла на полевые работы. К зиме перевели меня на ферму дояркой. Вскоре получила я первую награду — премию в 50 рублей за хороший уход за коровами.

Телят воспитывать я начала с 1934 года. Сначала для пробы поручили мне ухаживать за восемью телятами. Я полюбила этих телят. Дело пошло хорошо. И вскоре я ухаживала уже не за восемью, а за тридцатью телятами. Они выросли крепкими, хорошо упитанными. Не было ни одного случая падежа.

Телятницей я работаю до сих пор. За время, как работаю в профилактории, через мои руки прошло четыреста телят. Все они остались живы, здоровы.

Когда я пришла в профилакторий, у нас в совхозе практиковался такой метод воспитания телят—телята были на подсосе под коровой до пятнадцати дней. Этот метод не давал хороших результатов. Я для опыта взяла одного теленка на ручную выпойку. Применила пятикратную и шестикратную пойку. Поила молоком, подогретым до 27 градусов. Мой опыт дал хорошие результаты. Тогда я перевела всех телят на ручную пойку и стала всех новорожденных телят принимать в профилакторий.

Прежде у нас поили телят по одинаковым нормам. Но так как телята бывают разные—одни крепче, другие—слабее, у одних аппетит больше, у других меньше, то такое поение хорошего результата не давало. Я перешла на новый метод—метод обильного кормления. Теленку в первые пять дней его жизни давала в неограниченном количестве молозива (по потребности). Такой метод выпойки дал великолепные результаты. Научила я своему методу поения телят свою мать, которая работает в совхозе, а также телятниц Федорову и Колобину.

И вот однажды меня, как лучшую ударницу животноводства, вызвали в дирекцию совхоза и сказали, что я поеду в Москву, на совещание. Сначала я даже испугалась немного своей поездки. Я ведь дальше Омска нигде до этого не бывала! Но когда мне сказали, что я увижу в Москве руководителей правительства и партии и самого товарища Сталина—очень захотелось ехать! Поехала с радостью.

В Москве я была награждена орденом Ленина, который вручил мне тов. Калинин.

Эта поездка в Москву на совещание, где я видела товарища Сталина, руководителей партии и правительства, будет памятна мне всю жизнь.

В Москве, на совещании, я увидела людей со всей нашей большой страны; все это простые люди, бывшие батраки и бедняки и вместе с тем, это самые передовые люди, которые делали и делают большое дело — строят новую жизнь.

Побыв на совещании, я убедилась, что только в нашей великой советской стране бывшие батраки и бедняки могут стать самыми знатными людьми в стране. И все это дали нам советская власть и товарищ Сталин.

Сейчас я живу в совхозе со своей семьей. У нас хорошая квартира с обстановкой. Имеем хозяйство: большую телку (одна из моих премий), свиней, кур...

Совхоз стал родным. Здесь я ликвидировала свою неграмотность. Здесь в 1934 году вступила в комсомол.

Я учусь. Хочу сдать экзамен на звание техника животноводства.

Изучаю родной язык, арифметику, политграмоту.

Одним словом живется хорошо.

И когда сейчас вспоминаешь былую жизнь подпаска, так кажется, что это было много-много лет назад, хотя мне сейчас всего-на-всего 21 год и моя биография, пожалуй, только начинается!

Мои коровы

Прасковья Васильевна
КОМЛЕВА

Доярка совхоза им. Сомса,
Абатского района

Я РОДИЛАСЬ в 1918 году. Родители мои, бедняки-крестьяне, жили тогда в деревне Ланиной Камышенской волости Тюкалинского уезда. Как отец, так и мать батрачили. Работали на кулака Конева, на кулака Исаака и других богатеев. С 1927 года родители ликвидировали свое единоличное хозяйство и пошли работать на производство, в совхозы.

Я до 1929 года жила с родителями. Когда мне исполнилось одиннадцать лет, пошла я работать по найму—прислугой. Пожила год и вернулась к родителям, которые тогда уже крепко обосновались в совхозе. И в 1933 году начала я сама работать в совхозе им. Сомса дояркой.

★

В совхозе я научилась грамоте. В совхозе я вступила в комсомол и получила первую политическую подготовку—кончила

начальную комсомольскую политшколу. В совхозе получила я и те специальные знания, которые помогли мне добиться высоких показателей в работе. Должна сказать, что большую помощь оказал мне старший зоотехник совхоза товарищ Жолноренко: он обучил меня правилам ухода за коровой, приучил меня сознательно относиться к делу. Затем училась я в зоотехническом кружке и зооветминимум сдала на „отлично".

Стала я участвовать в общественной работе. Одной из первых включилась в конкурс по животноводству. Вызвала на соревнование доярок. Была в бригаде по проверке договоров между совхозами. Передавала свой опыт другим дояркам. Сама держала в течение всего года переходящий флажок доярки.

За свой труд получила я немало всяких наград. Я, как лучшая доярка, ездила в Ленинград на Октябрьские торжества. Совхоз премировал меня коровой, ботинками, шелковым платьем. Трест дал денежную премию в 150 рублей. Райком премировал меня шелковым платьем и шалью.

И в 1935 году получила я высшую награду от партии и правительства—орден Ленина.

★

Добилась я своих высоких показателей вот как:

Когда в 1934 году закрепили за мной одиннадцать коров, я их начала тщательно чистить, мыть, обхаживать. Кулацкие подголоски говорили:

— Чего ты этих коров так усердно чистишь и моешь. Они же простой сибирской породы, эти коровы. Все равно, как ты ни старайся, а не дадут они много молока.

Но мы с подругой Марусей Нагорновой не обращали внимания на эти разговоры, а продолжали бережно ухаживать за скотом. И наши простые сибирки показали, на что они способны, если за ними как следует ухаживать.

Опишу свой рабочий день.

Утром после дойки, в пять с половиной часов, даем мы коровам сено. Когда сено с'едено—даем силос с овсяной мукой. Норма—в зависимости от удоя коров. После кормления, часа через полтора мы начинаем поить коров. Пойка происходит на месте. Сразу после пойки даем коровам запареной мякины, после мякины—сена.

В полдень у нас вторая дойка. Затем вновь начинаем поить коров. Затем опять даем каждой корове силос с овсянкой и, наконец, по 4 кило сена.

В восемь часов вечера у нас начинается третья дойка.

В кормушках у коров всегда имеется кусковая соль. Коровы ее с удовольствием лижут. Соль увеличивает их аппетит и на корм, и на воду.

Как я дою коров? Прежде чем начать дойку, я подвязываю хвост коровы, чтоб пыль не попадала в ведро. Тщательно обметаю корову. Затем, вымыв руки, приступаю к подмойке вымени коровы. Подмыв вымя, вытираю его чистым полотенцем. Затем делаю легкий массаж вымени. Первые струйки молока сдаиваю на пол. Дою кулаками. После половинной выдойки вновь массирую вымя. Когда кажется, что все молоко уже выдоено, я делаю еще массаж, чтоб выдоить последнее самое жирное молоко. Таким образом я выдаиваю корову до последней капли.

Метод дойки, который я применяю, называется голландским.

Окончив дойку, вытираю вымя полотенцем и смазываю вазелином. Поэтому вымя всегда мягкое и никогда не ветреет.

Удойность во многом зависит от чистоты и тепла помещения. Зимою я меняю подстилку три раза в сутки. Когда подстилка чистая и сухая — корове тепло и она дает больше молока. Внимательно я слежу за чистотой в кормушках — чем чище в кормушке, тем лучше у коровы аппетит.

За все это животные меня любят, знают меня по голосу. А мне за ними легко ухаживать.

Вот как я добивалась тех высоких показателей, за которые партия и правительство дали мне орден Ленина.

★

Живу хорошо. Да и вся наша семья прекрасно живет в совхозе. В совхозе работают пятеро членов нашей семьи. И никогда раньше мы не жили так хорошо, как живем здесь. У нас свой дом, в котором я имею отдельную комнату. Это не бедняцкая жизнь, какая была у нашей семьи прежде, когда мы гнули спину на кулака-мироеда. Теперь мы хозяева страны. Недаром мой отец, — хотя ему уже семьдесят лет, — не хочет бросать работы и до сих пор является ударником совхоза имени Сомса.

★ ★
★

Большая зарядка

Мария Павловна
ШАДРИНА

Телятница совхоза имени С. М. Кирова
Крутинского района

МНЕ двадцать четыре года.

Родилась я в деревне Карасук Крутинского района теперь Омской области. Детство свое провела я в тяжелой и нерадостной обстановке. С малых лет была загружена тяжелой и непосильной работой. Отец мой был крестьянин-бедняк. Занимался он хлебопашеством, но посев у нас был мал, хлеба не хватало и приходилось отцу, а за ним и всем членам семьи, ходить к кулакам на поденную работу.

Подошел мой возраст учиться. Желание учиться было. Но родители не отпустили меня в школу.

— Нужно зарабатывать себе хлеб для пропитания!—сказали они.

★

В 1924 году отец мой умер. Нас осталось 6 сирот. Самому старшему из детей было 14 лет. Жизнь нашей семьи еще более ухудшилась. Батрачили мы за гроши.

А тут еще через два года после смерти отца заболела и мать. Ни обуви, ни пищи—ничего у нас не было... Я, пятнадцатилетняя девочка, пошла в работницы к кулаку Евденову. Помню, как заставил он меня доить двенадцать коров, и за эту тяжелую работу платил по четыре рубля в месяц.

В 1929 году вступили мы в колхоз. Но год был неурожайный и мы, ввиду недорода, выехали всем семейством работать на производство. С 1930 до 1933 года работала я чернорабочей на станции Кольчугино. А потом вернулись обратно в деревню, в Крутинский район. Поступила я работать в совхоз „Гуляй-поле“ (теперь совхоз им. С. М. Кирова).

★

В совхозе жизнь моя стала улучшаться. Стала я больше зарабатывать, лучше питаться. Сначала работала дояркой, а с января 1934 года меня поставили работать телятницей. Это дело мне сразу понравилось. Полюбила я телят, стала о них заботиться.

В феврале месяце 1934 года я вышла замуж за комсомольца Андрея Ивановича Шадрина. Мой муж—ударник. Он и у меня возбудил желание работать по-ударному. Я решила от мужа не отставать.

Я болела о каждом телке. Строго соблюдала все правила зоотехники. Содержала в чистоте помещение и посуду. Мою работу заметили. За стопроцентное сохранение молодняка совхоз премировал меня телкой.

В совхозе нам с мужем были предоставлены хорошие бытовые условия. У нас двухкомнатный дом, о каком я никогда и не мечтала. Живем культурно.

А раз хорошо живется, то и работа спорится, как правильно заметил товарищ Сталин.

За два года своей работы, к 1 января 1936 года, я выпоила 467 телят без единого случая падежа. В моей ударной работе меня всячески поддерживали зоотехники, политотдел и дирекция совхоза.

За такие показатели своей работы я была удостоена высокой чести присутствовать на всесоюзном совещании передовиков животноводства в Москве. Я получила почетную награду от партии и правительства—орден Ленина.

Никогда я не думала, что мне придется побывать в Москве, встретиться с руководителями партии и правительства, лично ви-

деться с нашим дорогим вождем товарищем Сталиным. Но труд у нас в Союзе стал делом чести, делом славы, доблести и геройства. Я честно относилась к работе, с любовью вела порученное мне маленькое дело и за это я смогла увидеть наших вождей, получить от них высокую награду!

Большую зарядку дало мне Всесоюзное совещание по животноводству. Я горю желанием повышать свою квалификацию, свое образование. Вступила в комсомол и работаю в нем. В детстве мне учиться не удалось, но теперь, как видно, я имею все условия осуществить свою давнишнюю мечту—стать вполне грамотной, стать активным бойцом за дело рабочего класса, за дело партии Ленина—Сталина!

Так рос совхоз

Ирина Никифоровна ИВАНОВА

Телятница совхоза имени Менжинского, Маслянского района

ЕЛЯТА гибли.

Бездушные администраторы даже зимой допускали отел коров под открытым небом. А в лучшем случае загоняли коров в плохо приспособленные временные скотные дворы.

Телятниц никто ничему не учил. Телятницы поили своих питомцев не во время, а когда вздумается. Давали недоброкачественное молоко. Обращались с телятами грубо. Телят содержали в общих секциях. Закрепления телят за поярками не практиковалось, поэтому отсутствовала у работниц заинтересованность в хорошем уходе за животными. И в результате всего этого был громадный отход молодняка.

Все это творилось в 1931 году в новом, только что организованном Юрьевском совхозе (ныне совхоз имени Менжинского).

Я приехала в совхоз из деревни Огневой. Родилась в 1910 году в семье крестьянина-бедняка. С 9 лет пошла я на заработки— в няньки, а с 12 лет—в батрачки. Отец умер, нужно было помогать матери. Батрачила до 1928 года, пока вместе с матерью не вступили мы в колхоз. Там работала до 1931 года. Имела я большое желание учиться, хотелось мне затем уйти на производство. Хотелось мне стать в жизни рядом с товарищами, выполняющими государственные поручения. Мечтала принести как можно большую пользу государству.

И вот с этой мыслью, крепко засевшей мне в голову, пришла я в совхоз.

Что же я увидела?

Множество телят, но таких, на которых жалко смотреть!

Много коров, удой которых был очень-очень низок—7,5 центнера за год на фуражную голову.

В громадном, раскинувшемся на 30 километров хозяйстве, не было порядка!

★

И 1932-ой год радости совхозу дал мало. Телята продолжали падать. Одной из причин гибели было неправильное лечение заболевших телят. Им давали креолин в слишком больших дозах.

Я и многие другие честные работники поняли, что причины безобразий не только неопытность некоторых работников, но и происки классового врага. Мы установили, что как среди рабочих, так и среди административно-технического персонала есть классово-чуждые элементы.

Забили тревогу. Началась очистка совхоза от чуждых людей. Дело стало постепенно выправляться. Я старалась показать всем другим телятницам пример, как надо выправлять дело. Я соблюдала все правила кормления телят и ухода за ними. На телятнике была образцовая чистота. В этом году я сдала 160 телят, потеряв лишь 3,9 процента. Но процент отхода молодняка по всему совхозу был все же очень велик.

★

Как я впервые добилась поголовного сохранения порученных мне телят? Расскажу об этом подробнее.

Дело было в 1933 году. В этом году удалось мне добиться, чтоб в совхозе были уже иные порядки, чем прежде! Совхоз имел новый хороший ветеринарный и зоотехнический персонал. По иному выглядели телятники. Там были введены правила внутреннего распорядка и контроль за их выполнением. Телятники были уже значительно лучше оборудованы, заведены были индивидуальные клетки для телят, приспособленные для пойки и кормления телят до двухмесячного возраста. Заведены были групповые клетки для телят старшего возраста. Не менее двух раз в день промывался пол клетки. Действовали водостоки. В секциях поддерживалась определенная температура. Введена была правильная оплата труда телятниц, и заработок повысился раз в пять, в семь. Вместо 30 рублей в месяц телятницы стали зарабатывать до 210 рублей. Ясно, что даже самые малосознательные поярки стали дорожить жизнью телят, стали равняться по передовым ударницам совхоза.

Но все-таки, с сохранением молодняка в совхозе было очень неблагополучно. Особенно „тянула вниз“ злосчастная ферма Березняки.

Я была послана на ликвидацию прорыва в Березняки. Навела порядок в телятнике. В поисках лучших способов борьбы с падежом телят мы применяли новый метод—метод обильного кормления. Этот метод дал прекрасные результаты. Я сохранила все 140 доверенных мне телят. По моему примеру стали применять метод обильного кормления и работники других ферм.

★

В совхозе организовался политотдел. Это была большая радость для всех честных работников нашего хозяйства. Беспощадно разоблачали мы всякие происки еще недобитого классового врага. Выметали оставшихся еще в совхозе чужаков. Усилилась борьба с лодырями и нарушителями трудовой дисциплины. Началась большая массово-раз'яснительная работа среди телятниц. Телятницы были вовлечены в индивидуальное соревнование на лучшее сохранение телят. Ни один случай падежа не проходил мимо общественного мнения. Обсуждалось—по чьей вине, в силу какого недосмотра погиб телок. Сознательных виновников падежа мы не щадили.

В совхозе мы широко применяли тот метод кормления, благодаря которому я добилась первой своей победы. И если в 1933 году отход телят в совхозе был 27 процентов, то в 1934 году

он снизился до 15 процентов, а в 1935 году совхоз добился сохранения 94,25 процента молодняка!

★

Я начинаю заботиться о телке еще раньше того времени, когда он родится. А именно с того момента, как стельная корова поступает в родильное отделение. Я слежу, правильно ли за коровой ухаживают, достаточно ли ее кормят, дают ли ей соли, в каком состоянии у коровы вымя. Я не отхожу от коровы, когда она телится. Забочусь о том, чтобы под коровой была хорошая, чистая подстилка.

В первый день я даю телку от четырех до шести литров молозива—это в зависимости от веса и состояния телка. Пить приучаю теленка сначала с пальца. Руки при этом должны быть чистыми, ногти должны быть острижены. Так проходит первая пойка.

После первой пойки я переношу телка в профилакторий. От трех до пяти дней теленок будет находиться в ящике Эверса. Этот ящик должен быть хорошо вымыт, продезинфецирован. После ящика Эверса теленок переводится в клетку, находящуюся тут же, при профилактории.

На второй день жизни телка я увеличиваю ему норму питания. Увеличение—в зависимости от веса телка.

Если желудок телка первые два дня хорошо переваривает молозиво, данное по норме, указанной выше, так на третий день я даю теленку 7—8 литров молозива, но делаю это осторожно, тщательно следя за пищеварением. Если, после выделения материнского кала, теленок начал выделять уже переваренное молозиво и поноса нет,—я смело увеличиваю ему норму молозива.

По иному нужно поступать в том случае, если у телка появляется понос. Тогда я пропускаю телку одну-две пойки. И после такой диэты даю телку только половину нормы. При поносах лечу телят слабым раствором марганца.

Вот сущность метода обильного кормления. Я применяла этот метод и за два года у меня не было случаев падежа телят. Первые десять дней нужно давать телятам обильные нормы молозива. Я убедилась в этом.

Те поярки, которые еще боятся обильных норм, ошибаются. Не следует уже очень опасаться, что вот, мол, телок перепьет...

Если даже телок и выпьет слишком много, если даже и случится у теленка понос, так стоит только пропустить одну-две пойки, и понос прекратится.

Когда же теленок пьет в день только по два-три литра молозива, то он плохо растет и для него малейшие ненормальности уже губительны. А обильная выпойка молозивом в первые 10 дней очень укрепляет телка и дает ему хорошие привесы.

За мою работу премировали меня не однажды. Условия для жизни совхоз мне создал хорошие. Давно я позабыла, что такое нужда. Живу в теплой, светлой комнате, имею возможность хорошо одеться, имею хозяйство—корову, свинью, кур.

Много хорошего дал мне совхоз. Я уже не говорю о познаниях по специальности. Я кончила на „отлично" курсы по зоотехминимуму. Во многом помог мне наш молодой ветеринарный врач М. Ф. Перминов. Это хороший энергичный врач-комсомолец.

В совхозе я выучилась грамоте. Но это был только первый шаг. Проходя политучебу, я всем существом почувствовала, какое великое дело творит наша партия. Дело, горячо любимое мной и раньше, стало еще больше спориться, когда я глубже разобралась в задачах, поставленных партией и правительством. Я стала принимать участие в общественной работе, я стала передавать свой долголетний производственный опыт товарищам, например, Мандрыгиной, Граматчиковой, Гайзатулиной и многим другим, которые теперь тоже имеют весьма неплохие производственные показатели. Работала так, как учит нас партия и ее великий вождь товарищ Сталин. Я сама вступила в группу сочувствующих партии.

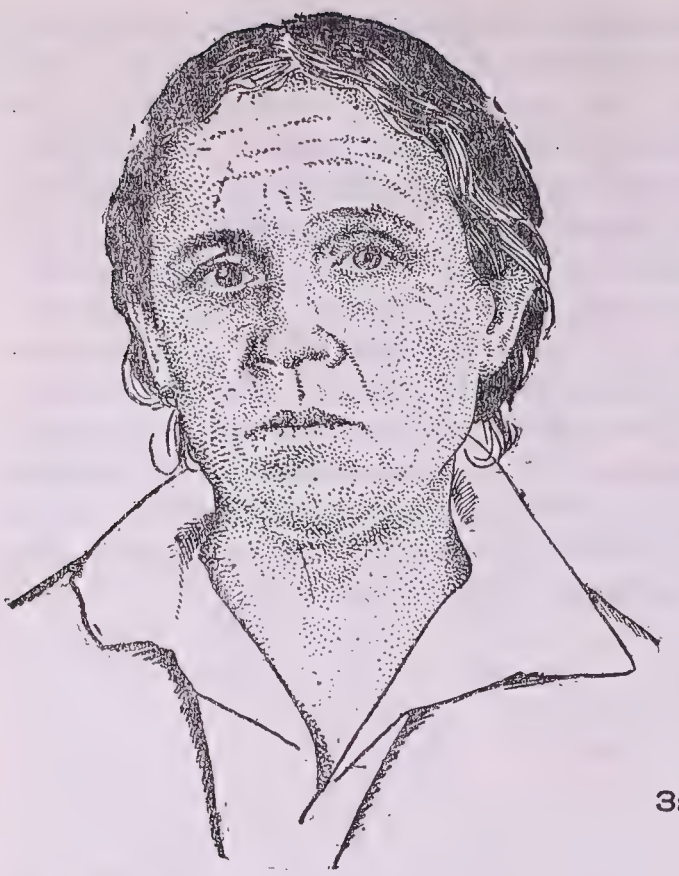
Мне никогда и в голову не приходило, что моя работа может быть отмечена правительством. Я считала, что ничего особо выдающегося я не сделала, а просто работаю добросовестно и честно, как и многие другие труженики нашей страны.

Но вот пришло время и случилось в моей жизни это огромное, радостное, незабываемое событие! Сейчас уже всем известно, что я была приглашена на Всесоюзное совещание передовиков животноводства в Москву, где и получила высокую награду от правительства—орден Ленина. Я получила орден за то, что вырастила за два года и один месяц без единого случая падежа и заболевания 387 телят!

Теперь с помощью политотдела я веду дальнейшую борьбу за еще более высокие производственные показатели. В 1936 году я полностью сохранила и вырастила всех 211 телят, отданных на мое попечение совхозом. Среднесуточный привес этих телят—1600 граммов, вместо 1500 граммов по заданию. Отдельные телята имеют среднесуточный привес до 1900 граммов.

Кончая описание своей жизни и опыта своей работы, скажу: жизнью своей теперь я довольна. Продолжаю я учиться. Повышаю свою общую и техническую грамотность. Мне предоставили квартиру из двух комнат, в одном из лучших домов совхоза. Дом этот рядом с рощей. Весной и летом он утопает в зелени. В квартире моей цветы, хорошая мебель, даже мягкий турецкий диван. Имею я свое хозяйство личное—корову, теленка, трех свиней, много кур и уток. Ни на что не могу пожаловаться. Жизнь у меня теперь счастливая и радостная.

Прежде и теперь



Матрена Гавриловна МОКРОУСОВА

Зав. свиноводческой товарной фермой колхоза имени Буденного Исилькульского района

ГРИБЫ и ягоды—продукт, казалось бы, вполне доступный для крестьян, живущих возле леса. Но не так было в старину. Леса и земли принадлежали помещикам. Вся земля и лес вокруг нашей деревни Урядино Касимовского уезда Рязанской губернии принадлежали помещику Кострову. Скупой этот человек запрещал нам, крестьянам, брать и грибы и ягоды.

Большинство крестьян батрачило на Кострова. Мой отец батраком был у Кострова еще в тот год, когда я родилась—в 1887 году. Скупой Костров платил ему мало, отец на эти заработки семьи прокормить не мог. Одно из первых моих воспоминаний—это как бабушка ходила собирать „милостыню". Этой милостыней подкармливалась я. Да и не только я,—часто и вся семья наша питалась лишь той скудной милостыней, которую удавалось собрать бабушке. В школу учиться я не попала и потому до самой Октябрьской революции оставалась неграмотной. Писать и читать научилась только при советской власти.

Таким было мое детство. Оно кончилось на одиннадцатом году жизни. С этого года я начала работать по найму. Куда же я попала, покинув семью отца? Сначала—в прислуги к приходскому попу. Няньчила его детей. Кроме того, попадья давала мне тяжелые, непосильные для одиннадцатилетней девочки работы. Особенно тяжело мне было мыть полы, а попадья заставляла меня это делать часто.

Затем увезли меня в город Касимов в услужение к некоему Дергачеву — управляющему какой-то торговой фирмой. Четыре года няньчила дергачевских детей.

Вот и все мое „девичество". В шестнадцать лет выдали меня замуж.

Муж мой также из батраков. До женитьбы батрачил, и через три недели после свадьбы уехал работать в шахты. Возвращался домой только раз в году—на пасху. Так что за три года видела я своего мужа только три раза. Что же делала за это время я сама? Я батрачила. Пошла работать к тому же самому помещику Кострову. Иного выхода нам не было. Жила я в бедняцкой семье мужа. Бывало, измучишься работой на помещика, придешь домой голодная и усталая, а поесть-то и нечего, кроме черного хлеба с луком. Только по двадцать копеек в день платил батраку Костров. А на эти деньги нужно было и одеваться и прокормиться.

Муж перестал быть шахтером в 1908 году. Начали мы жить своим хозяйством. При разделе с братом достались мужу худенькая старая изба, телка да поросенок. Думали, хоть бедно да проживем. Но не выдержали и через короткий срок решили уехать из деревни в город.

Распродали свое нищенское имущество. Избу так никто и не купил—до того она была худая. Едем в город Иваново-Вознесенск. Муж поступил работать на химический завод Лепешкина, я—прачкою в больницу. Зарабатывали вместе с мужем от 20 до 22 рублей в месяц. Питались, разумеется, плохо. Ютились в грязном доме на квартире у таких же, как и мы рабочих. Квартирохозяева жили не лучше нас, квартирантов. Тяжело было жить. А через год еще тяжелее жить стало—ребенок родился. В те времена для рабочей семьи ребенок был не в радость, а в горе. Работая в разных сменах, мы с мужем поочередно ухаживали за ребенком. Потом второй ребенок родился...

Этих первых детей я не сумела вырастить. Началась империалистическая война, мужа забрали в солдаты, осталась я с детьми одна, вскоре заболели дети и умерли...

Несчастье было не только в нашей семье. Жизнь становилась все тяжелее и тяжелее для рабочих. В августе 1915 года Иваново-Вознесенские ткачи забастовали. Я тоже участвовала в митинге протеста против войны и голода. А царская полиция в те дни расстреливала рабочих.

После февральской революции я ездила к мужу на фронт в гости. Вскоре муж, раненый в ногу, возвратился с войны. И после революции мы решили вернуться к сельскому хозяйству. В 1920 году приехали с мужем в Сибирь. Поселились в Исилькульском районе. Начали обзаводиться хозяйством. До 1929 года работали в своем хозяйстве, а в этом году вступили в колхоз.

★

Мужа сейчас нет в живых, он умер в 1933 году. Не удалось ему посмотреть к какой радости, к какому счастью привела большевистская партия семью бывшего батрака и миллионы других семей.

Я, вдова с тремя детьми, не погибла нынче, как погибла бы в проклятой царской империи. Я сейчас сравниваю колхозную жизнь с прежней жизнью. Если бы не пролетарская революция, так я бы и на старости лет батрачила и дети мои батрачили. А нынче я живу ни в чем не нуждаясь, имею в колхозе свой дом, корову, трех овец, двух свиней, пятнадцать кур, двухлетнего бычка. Заработала в 1935 году 560 трудодней, получила 33 центнера хлеба, три килограмма шерсти и 160 рублей деньгами. Продуктов хватает в избытке—есть и молоко, и сало, и мясо, и масло.

Так живу я с детьми. Их у меня из десяти осталось трое. Пятеро умерло еще до революции, один в 1921 году, другой в 1931 году. Но те, которые живы, живут нынче хорошо. Старший их них—почти ровесник революции,—ему теперь 18 лет,—работает агентом почтового отделения при колхозе, получает сто рублей в месяц, жизнью доволен. Купил себе старший сын велосипед, а тринадцатилетней его сестренке тоже хочется иметь такую машину. И я думаю ей велосипед купить,—теперь мы имеем средства, чтоб покупать дочерям-школьницам и велосипеды. Младший сын семи лет на будущий год пойдет в школу. Их детство не похоже на наше. Если у меня не было счастливого детства, зато сейчас я живу радостно и счастливо. Свое счастье я нашла в колхозе. Колхозы, организованные по указаниям Ленина и

Сталина, поставили нас, трудящихся крестьян—бывших единоличников,—на правильный путь, путь ведущий к новой счастливой жизни. Ныне мы в колхозе не знаем прежних унижений, нечеловеческого отношения к нам, вечной нужды и нищенства, обмана и эксплоатации. Только исключительная забота нашего родного товарища Сталина, нашей партии и правительства о нас, колхозниках, создали нам такую жизнь, о которой раньше я и не мечтала.

Хорошей жизни я добилась честным, упорным трудом в колхозе. Расскажу о том, как я работаю.

С 1929 по 1932 год была я в колхозе на полевых работах. Затем перешла на колхозную ферму свинаркой. С 1934 года заведую свинофермой.

Когда я пришла на ферму, там были две матки, один хряк и пятнадцать больных рахитичных поросят. В 1933 году поголовье возросло до 359 голов, на 1 января 1936 года ферма имела уже 1743 головы. С фермы было продано колхозникам 1058 голов. Сейчас на ферме 508 голов.

Борьба за укрепление свинофермы началась с того, что в 1934 году построили мы хороший свинарник. Это был не первоклассный свинарник, но все же свинарник, оборудованный необходимыми помещениями. Нынче, стремясь к дальнейшему совершенству, мы свинарник переоборудуем и все в точности так, как требуют самые строгие правила зоотехники. Но тогда был крупным достижением и тот свинарник. Затем все работники свинофермы стали учиться. Были организованы курсы зоотехники без отрыва учащихся от производства. Мы все сдали зооминимум. Я сдала на „хорошо".

Мы научились правильно кормить и содержать свиней. Заботимся о каждом животном. Никогда свиней не оставляем без присмотра — на ночь в свинарнике остаются 2 дежурных и сторож. И вот результаты: от каждой свиноматки мы получили в 1935 году по 25 деловых поросят.

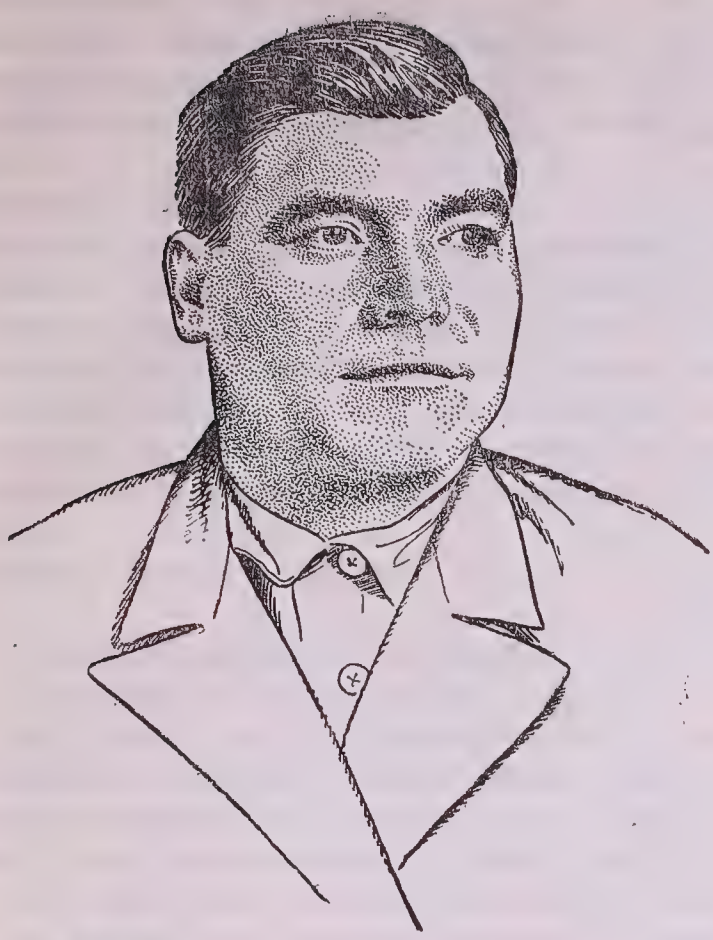
Наша ферма не только помогла колхозникам обзавестись свиньями, но и принесла колхозу уже 47 000 рублей дохода, что составляет около 45 процентов общего дохода колхоза.

Так я работаю и буду еще лучше работать, пока не откажут мне мои силы. А я еще крепка. Я оправдаю то доверие, которое оказали мне партия и правительство, наградив меня за хорошую работу орденом Ленина. А я иначе и не могу работать при со-

ветской власти. Ведь в проклятое старое царское время я проводила молодую жизнь, не видя ничего, кроме обиды и нужды. Относились к нам как к собакам. Только советская власть и товарищ Сталин всех нас привели к радостной и счастливой жизни. Я была на Всесоюзном слете передовиков животноводства и видела товарища Сталина, видела всех руководителей партии и правительства. Передать свои волнения и радость от всего того, что я видела там и слышала, я не могу — нехватает для этого слов. Скажу только одно — спасибо коммунистической партии и советской власти за их заботы о нас.

В заключение хочу упомянуть вот еще о какой подробности моей новой жизни: меня премировали за работу неоднократно — четыре раза и в том числе — в последний раз, зимой 1935 года — путевкой на курорт, в Ливадию. Ну так вот там, в Ливадии, я, бывшая батрачка, бывшая обитательница ветхой избушки, жила и спала в палатах бывшей русской царицы.

Сын красногвардейца



Иван Федорович
НАЙДАНОВ

Брйгадир колхоза „Пролетарский путь", Любинского района

СРЕДИ Уральских гор, в верховьях Камы местность лесная да каменистая. Хлеб тут родился неважно. И в нашей деревне Крысановой досыта кушали только кулаки. Они занимались не столько хлебопашеством, сколько лесным делом—заготовкой и сплавом. Не своими руками рубили они лес. Они пользовались наемным трудом. Беднота за гроши работала на этих кулаков-подрядчиков. Злоба на хозяев копилась у бедняков из года в год. Недаром в 1918 году отец мой и многие другие бедняки из нашей деревни вступили в Красную гвардию.

Но не сразу удалось установить советскую власть—власть рабочих и крестьян. С востока, из Сибири пришли колчаковцы. Дядя успел уйти в леса к партизанам, а отец остался в деревне.

Мне было тогда 13 лет. Я хорошо помню все, что случилось.

Мы с отцом сушили овин. К овину под'ехали трое всадников. В руках у них были толстые резиновые плети. Всадники спешились, ворвались в овин и схватили отца. Я видел как его погнали по деревне, хлеща резинами. Его заставили бежать впереди коней.

Три месяца держали отца в тюрьме колчаковцы. Избивали. Пытали. Вышел отец из чердынской тюрьмы лишь после того, как в старую Чердынь ворвались красные партизаны, захватили острог и выпустили оттуда более тысячи заключенных рабочих и крестьян. Отец вернулся домой инвалидом. Измученный, он еле стоял на ногах. Брат Тимофей взглянул на отца и... через три дня ушел добровольцем в Красную армию, бить проклятых колчаковцев. Тимофей не вернулся, он был убит во время сражения в Уральских горах.

Так мы остались без брата и с отцом, который уже был неспособен к работе.

Мы всегда жили плохо. Мать умерла, когда мне было еще три года. В старой избушке нас осталось после матери восемь ребят. Отцу приходилось возиться с нами самому. Трудно было отцу нас прокормить, имел он только одну лошадь да одну корову... А когда колчаковцы изуродовали отца, когда отец потерял способность работать—стало и вовсе худо! Пришлось мне итти на заработок. Начал батрачить на кулаков, которые тогда еще были в силе. Конечно, с приходом советской власти они стали малость поскромнее, но еще продолжали выжимать пот у бедноты.

Отец умер в 1923 году. Через два года после смерти отца я женился. Как сам был батрак, то и полюбил тоже бедную девушку. Жена моя Марфа Андреевна осталась от отца еще двухлетней девочкой. Когда подросла, жила в няньках, потом кухарила на лесозаготовках, где мы с ней и встретились.

В 1928 году решили мы переменить место жительства. Поманило нас в Сибирь. Сборы были недолгие. Имущество уместилось в узле. Капитал, с которым пустились мы в путь, был 20 рублей. На руках у жены годовой ребенок.

Сибирь—страна богатая и хлебная—нас встретила сурово. Сибирские кулаки выжимали пот из бедноты, точно так же, как и кулаки уральские.

Мы поселились в деревне Голубки. Эти Голубки нам обернулись хуже черного ворона. Мы с женой тут у кулаков пили-

ли дрова. Чтоб заработать кусок хлеба, работали мы с рассвета до заката. А ребенок тем временем оставался в лачуге почти без всякого призора. Идешь домой и не знаешь—жив ли Мишутка.

Еще пришлось мне батрачить у любинского кулака Черногора и его сыновей. Но это была последняя работа на эксплоататоров. В 1930 году вступили мы с женой в коммуну „Пролетарский путь". Эта наша коммуна, которая затем перешла на устав артели, была создана дружными усилиями бедняков и средняков. Правда, затесались к нам было кое-какие кулаки, но мы их выгнали и построили свой колхоз.

Чтоб было понятно, как это вышло, приведу такой пример. В коммуну я пришел в лаптях и оборванный. И целый год не мог я оправиться, не мог заработать себе ничего. Так же бедно и скверно жили многие другие коммунары. Но зато стоявший тогда у власти в коммуне кулак Перминов жил сыто, ходил не в лаптях, а в добрых сапожках. Когда через год мы разоблачили и выгнали Перминова, то появились у нас и доходы и стали мы жить гораздо лучше.

В дальнейшем строительстве колхозной жизни много помог нам ленинградский рабочий-двадцатипятитысячник т. Тукальский. Он был председателем три года. При нем мы перешли на устав артели. Он помог нам строить хозяйство. А когда тов. Тукальский вернулся в Ленинград, заступил теперешний председатель Семен Федорович Титяшев. Это хороший дельный человек, бывший батрак. Пришел он когда-то в колхоз так же, как и я, в лаптях. Таким же безлошадником, как и я.

А теперь мы, бывшие батраки, безлошадники, имеем не только коней, но и собственную автомашину. Теперь в нашем колхозе живут все зажиточнее. Этого добились мы, живя по сталинскому уставу сельхозартели. Теперь у нас у всех и коровы и овцы. У меня, например, корова, семь баранов. Хлеба тоже хватает— в прошлом году я заработал 596 трудодней, продал государству 24 центнера хлеба, купив на эти средства велосипед и много других хороших вещей. Выгодно продал хлеб государству. Но, надо признаться, не сразу понял я выгоду этой сделки. Меня сначала сбили с толку путаники и лодыри, которые возражали против продажи хлеба государству. Кричали, что это, мол, невыгодно. И я, по малограмотности, не поняв в чем дело, на одном собрании тоже было поднял руку против продажи хлеба государству. Мне показалось, что мне не хватит хлеба. Но по-

том пошел я к счетоводу—он как раз меня арифметике учил, сели со счетоводом и подсчитали. Оказалось, что я из своих личных запасов смогу продать 24 центнера и купить много хороших вещей. Да мне еще 18 центнеров останется!

Так я и сделал. И был доволен.

★

В колхозе я первое время был конюхом, а с 1934 года пошел на свиноферму бригадиром.

Нас в бригаде трое. Я—бригадир и свинарки—Настасья Суслова и Мария Павлова.

За 1934 год наша бригада вырастила по 18 поросят на свиноматку. Тогда мы получили в премию 17 поросят—свинарки по пяти поросят, а я, как бригадир, семь!

Решили мы работать еще лучше. В 1935 году добились в среднем по двадцать четыре поросенка на свиноматку. Три матки—„Манька", „Белка" и „Федора" дали по 37 поросят. Остальные матки поросились по два раза в году, а эти три опоросились трижды! Мы очень удачно во-время их случали, ровно на 21-ый день после опороса. Исправно подкармливали минеральными удобрениями. Вот и взяли от этих маток по 37 поросят. За 9 месяцев этого 1936 года мы вырастили по 20 поросят на каждую свиноматку.

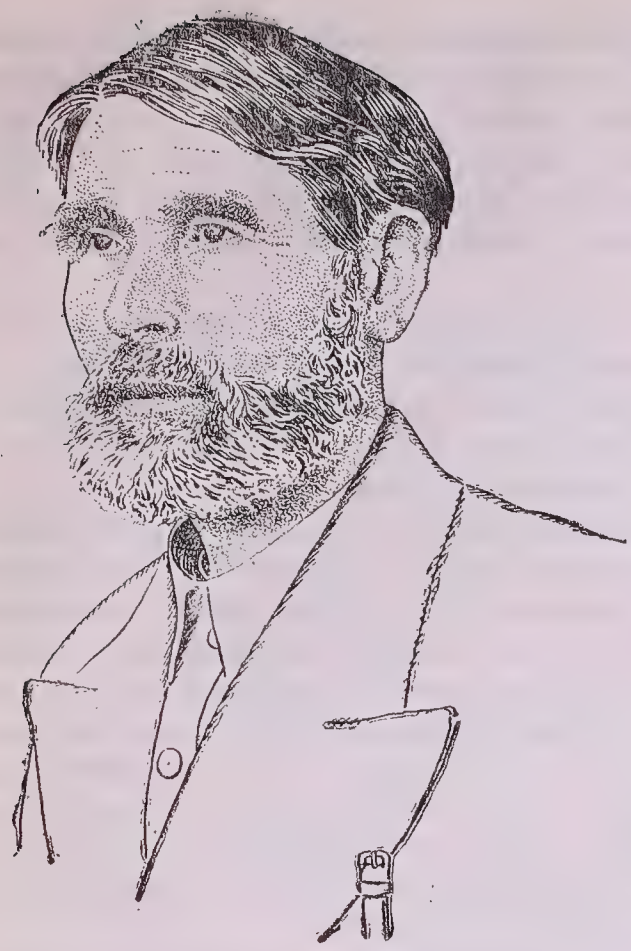
В свинарнике у нас чисто, порядочно. Выполняем все правила кормления, строго соблюдаем распорядок дня.

Я изучил каждую свинью. Знаю какие есть особенности у каждого животного. Знаю производительность каждой матки. Оставляю для фермы только высокопроизводительных.

Во время опороса я всегда на свинарнике. Если надо, остаюсь и по трое суток, не уходя домой.

За успехи в развитии свиноводства наградило меня правительство орденом Ленина. Побывал в Москве. Я, что называется, увидел свет! С нами беседовал наш учитель и друг колхозников товарищ Сталин. Встреча с товарищем Сталиным и членами правительства останется самым дорогим и радостным днем моей жизни.

★ ★
★



В колхозе я нашел свое счастье

Макар Иванович
ПРОСКУРНЯ

Чабан колхоза „Червонный прапор“,
Марьяновского района

ТРИ года назад меня люди считали вовсе негодным стариком. Мне было шестьдесят пять лет, я был вдовец, был неграмотен... Я не имел ни коня, ни коровы. Что делать? Я думал—одно мне осталось—итти на иждивение к старшему сыну, лечь на печь в его избе и ждать смерти.

Вот что я думал, когда пришел в колхоз „Червонный прапор“, где жил мой сынок.

А родился я, Макар Проскурня, в 1868 году на хуторе в Кобелякском уезде Полтавской губернии. У отца моего так мало земли было, что если б стал он делить ее между пятью членами своего семейства, пришлось бы по восьмушке десятины на душу.

В школе я не учился, а с одиннадцати лет пошел работать по найму. Батрачил сначала за пять рублей в год, затем за 15 рублей в год, наконец, заработал однажды тяжелым трудом 35 рублей за год. Тут решил, что пора мне жениться... А когда женил-

ся, то понял, что если одному мне тридцать пять рублей в год и казались большими деньгами, так на прокорм семьи никак уж этих денег нехватит. Где взять хлеба?

— Иди, бедняк, за хлебом в Сибирь,—сказали мне люди.— Все идут в Сибирь за счастьем! В Сибири помещиков нет, в Сибири земли много, в Сибири каждый мужик богач и сам себе хозяин.

Вот и отправился я в 1908 году в Сибирь за землей, за богатством. Деньги на дорогу выручили мы от продажи хаты— сто рублей. Едем с женой, везем сына. Переехали Уральские горы. Глядим—Сибирь начинается. Очень хорошо. Куда ни глянь— простор. Земли много—знай собирай урожай.

Получили мы в Павлоградском уезде—на две души тридцать десятин хорошей плодородной земли. На той земле пшеницы можно собрать было и тогда по 80—100 пудов с десятины.

Любой школьник без труда мог бы подсчитать сколько я должен был собрать урожая, если было у нас 30 десятин, а с десятины было можно взять по 80 пудов. Выходит—2400 пудов. Так и я мечтал спервоначалу. Но на деле получилась арифметика вовсе другая. Коней и сельскохозяйственных орудий — ничего этого у нас не имелось. Капитал наш сторублевый в дороге поиздержали. Вот и оказалось, что сидим на земле, а обработать ее нечем.

Что делать? Сижу на степи и думаю. А люди меня жалеют, совет дают. Люди говорят:

— Выход один. Иди поклонись богатому человеку, у него коней много, машины есть, он тебе поможет.

Пошел, поклонился кулаку. Кулак всегда „рад помочь". Говорит кулак:

— Ладно. Я тебя, Проскурня, не обижу, но и ты меня не обижай. Отдай мне в награду десять десятин а я тебе за это вспашу и засею своим зерном целых... три десятины.

И собрал я осенью 200 пудов, а кулак с моей земли—600 пудов. Да я же ему, согласно договора, и убрать „его" урожай помогал.

А остальные семнадцать десятин моих черноземов и вовсе зря пропали. Ни я их не засеял, ни кулак.

Я не унывал. Нынче, думаю, так вышло, а на будущий год выйдет, авось, получше. И верно,—как меня кулаки не обманывали, а все же в конец разорить не смогли. Завел в конце

концов корову, бычка, лошадь, смог жить не богато, но все же и не голодно, сумел прокормить шесть ребят, которые у нас в Сибири народились. Вот только большой ущерб нашему хозяйству нанесли колчаковцы. Они, отступая на восток, ворвались в нашу деревню Пашину Рощу, коней наших добрых обменяли на замореннных кляч, одежду теплую у нас забрали, шубы утащили, совсем ограбили. Но и тут я не унывал, чувствовал, что это бесчинство кончится скоро...

А все же, несчастье меня однажды сломило.

В 1921 году пришла в наш поселок страшная болезнь холера. Приключись такая беда нынче, в колхозной деревне, так колхозники не дали бы распространиться заразе. Сейчас бы на машинах в город за врачами. Сейчас бы карантин, профилактика. А тогда, в 1921 году—что? Ну, болезнь! Ну, помер человек. Другой, авось, уцелеет... Так рассуждали. И пили с холерным из одного ведра. И рук не мыли. Вот и пошла холера косить людей. Помирало человек по пятнадцать в сутки. Вымерло около двухсот человек в нашей деревне. И в том числе моя жена.

Умирая, она сказала:

— Ты, Макар, не бойся. Ты не заболеешь, ты сухощавый.

Я, верно, уцелел, но только жизнь с тех пор стала мне не мила. Не мила стала мне и деревня наша Пашина Роща. Запустил я хозяйство—пускай изба постылая валится на бок... Детей распустил на все четыре стороны. Сказал: „Живите, как знаете. Вы уже большие“. И дети разбрелись кто куда. Несколько лет жил так в тумане. Когда колхоз возник в 1927 году, вступил было в колхоз, но в 1929 году ушел на постороннюю работу... Служил сторожем на пристани Романтеево. Оттуда ушел. Как потерянный я шатался. А тем временем дети мои выросли. Четыре дочери замуж вышли, младший сын комбайнером стал, а старший жил в колхозе„Червонный прапор“, что в Марьяновском районе.

Туда я и отправился в 1932 году.

Сын говорил:

— Не знаю, как и быть. Лошади у тебя, отец, нет, а безлошадного тебя в колхоз принимать не хотят. Говорят — „Даст старик коня — тогда примем“. Ну, ничего. Живи у меня на иждивенческом пайке.

Печально мне стало. Вот, подумал я, жизнь-то прошла. И в

колхоз принять не хотят, за работника не считают. Неужели уж я сам по себе, без коня, ничего не стою.

Однако, вышло, что вовсе я не таким никчемным человеком оказался. Пока там в правлении решали — следует меня принять в колхоз или не принимать, познакомился я с колхозницей Натальей Федотовной. Она меня моложе была на десять лет, ей 58 лет тогда было. Понравилась мне Наталья Федотовна и ее дочка—школьница девочка Надя. Я видно тоже понравился Наталье Федотовне. Недолго думая, взяли мы с Натальей Федотовной и поженились. Недели через три после этого я пришел в правление колхоза и сказал:

— Вы, как хотите — принимайте меня в члены колхоза или не принимайте, а не работать я не могу, коли я тут живу. Я без работы не могу!

Сказали:

— Иди, сторожи картошку!

В члены колхоза приняли.

Караулю картошку. Так проходят четыре дня. И вот вижу—идет ко мне товарищ Белан, Аркадий Якимович, председатель.

— Проскурня! Довольно тебе караулить картошку! Принимай баранов. Будешь пасти.

— Ладно!

Принял сорок баранов и стал их пасти.

Бараны в „Червонном прапоре“ плодились худо. Никто толком не доглядывал, как живут эти бараны. Порядка не было. Не было хорошего подбора производителей. Не было внимания к ягнятам. Сторожа не щадили скот. Часто неосторожный человек криками, шумом или угрюмым внешним видом пугал баранов. Стадо шарахалось. Бывали случаи, что большие бараны насмерть давили, затаптывали ягнят.

А я умею любить скотину. Я показал пример того, как надо обращаться с баранами и ягнятами. „Прекос“, например, такая нежная порода, что с ягненком надо обращаться вежливо, осторожно—как с ребенком.

Однако, одной только любви к животному мало для животноводства. Нужно иметь познания, опыт нужно иметь. Тут я должен сказать спасибо техникам—много они мне помогли, многому меня научили. С техниками стал я работать рука в руку Придет к нам техник и спрашивает:

— Ну, Проскурня, как дела?

А я состояние каждой скотины знаю точно. Я технику сообщаю:

— Вот эта кашляет. Эта — невеселая ходит. Как лечить? И точно все запоминаю, что мне техник скажет.

Научили меня техники как правильно кормить баранов и содержать их. Под руководством зоотехника овцеводческого совхоза товарища Мамрия Григория Петровича оборудовали мы родильное помещение для овец. Помог товарищ Мамрий в выборе производителей. Под его руководством хочу теперь я проводить искусственное осеменение овец. Очень хороший друг—товарищ Мамрий.

Как что у меня на ферме случится, я на коня и скачу в совхоз к Григорию Петровичу за помощью и советом. А если я не смогу, так он ко мне приезжает. В свободное время встречаемся с Григорием Петровичем как добрые знакомые — чай вместе пьем.

Вот так, имея любовь к делу и пользуясь помощью ученых друзей, я и наладил в колхозе овцеводство. Принял я стадо в 40 голов, а сейчас в нем свыше трехсот голов. При этом надо помнить, что много овец выбраковано, порезано... В 1934 году за мной было закреплено 170 овец и я от 74 маток получил 96 ягнят. В 1935 году пас я стадо в 227 голов и от ста овцематок получил 155 ягнят. В этом году начал я по совету техников метизацию наших грубошерстных колхозных овец овцами породы „прекос“ и „меринос.“ Добьюсь того, что не будет у нас в „Червонном прапоре“ ни одной грубошерстной овцы.

Несколько слов хочу сказать о стрижке шерсти. Надо сознаться, что в „Червонном прапоре“ прежде не умели люди как следует стричь овец. „Нет—говорили—шерсти. Не можем настричь вдоволь шерсти!“ А я этим делом занялся настойчиво, аккуратно, берег каждый клочок состриженной с овцы шерсти, не считал, что шерсть—это добро чужое, а считал, что это добро свое. И настриг я в 1935 году шерсти по 5,1 килограмма с овцы.

А почему в колхозе было мало овец и мало настригали шерсти? Потому, что люди, ухаживающие за ними, не выполняли указаний великого вождя, друга колхозников товарища Сталина, не понимали того, что колхозное хозяйство это есть наше родное дело, что колхозная собственность это есть наша собственность, всех колхозников и только потому, что я честно выполнял указания товарища Сталина о бережном отношении к колхозной соб-

ственности, я добился того, что от 100 овцематок получил 155 ягнят.

За ударную работу меня не раз премировали, наградили почетной грамотой. А потом, слышу, говорят мне:

— Поступай, Проскурня, в стахановское движение.

Я неграмотный был до последнего времени. Я только не понял—как это так—поступать в стахановское движение. Я смутился и отвечаю:

— Товарищи! Вы уж меня оставьте в покое. Мне уж шестьдесять восемь лет. Куда уж мне поступать в движение.

Я думал, это значит—куда-то ехать надо.

Опять же технику спасибо—он раз'яснил. Он сказал:

— Проскурня. То, что ты делаешь, это и есть стахановское движение, о котором говорил товарищ Сталин. Стахановцы—это лучшие люди страны—революционеры производства, они дают на любом участке лучшие образцы работы.

Тогда я понял. И весело мне стало.

★

А вскоре я и действительно поехал. И ехать было ничуть не страшно, а наоборот—приятно, лестно.

Сначала в Марьяновку, на слет. Там премировали костюмом. Не столько я костюму радовался, сколько почету. Значит наш труд ценят.

Вернулся в колхоз. Приходит ко мне Белан Аркадий Якимович, председатель.

— Макар Иванович! Поедешь в Москву.

И добавил: — Там ты увидишь товарища Сталина и раскажешь о своей работе. За твою хорошую работу могут тебя наградить. Я так полагаю.

Вынул журнал какой-то, где орденов изображения, посмотрел задумчиво.

— Вот,—говорит.—„Знак почета", орден Трудового Красного Знамени, а вот орден Ленина. Какой бы ты получить хотел за свою работу?

А я и не знаю, конечно, какой я орден заслужить бы мог. И председатель, конечно, не знает. Только предположения высказывает.

— Ну, ордена Ленина, конечно, не получить, а вот может быть другой какой...

Но не так вышло. Наше родное правительство наградило меня как раз орденом Ленина. Одно хорошо помню, за все 68 лет моей безрадостной жизни этот день—день встречи с родным товарищем Сталиным—нашим учителем и другом колхозников, является самым радостным днем.

Что дальше было — я и описать не берусь.

Орден мне сам Михаил Иванович Калинин вручил. Москву нам показали, как самым почетным гостям. Домой приехал — местные организации подарками задарили: самовар, патефон, костюм, пальто, сапоги, двухстволка-централка. Колхоз — обстановку, стулья, кровать, овечек, свиней. Совхоз, что с нами рядом,—подарил мне лучшую овцу-мериноса. Словом, отовсюду, внимание. Не пропали мои труды даром. Оценили мою работу.

★

Меня теперь и сон не берет — так я рвусь к работе!

В 1936 году вырастил я 160 ягнят на сто овцематок. Еще на пять больше, чем в прошлом году.

Я учиться начал грамоте, арифметике, основам анатомии и физиологии. Теперь еще не таких баранов вырастим! Еще больше шерсти соберем!

И я, как сам помолодел, то и дружить хочу с молодежью. Я сейчас вокруг себя пятьдесят пионеров собираю — я вовлекаю их в разные хорошие затеи. Например, фруктовый сад мы у себя в колхозе решили вырастить. Чтоб были у нас свои яблоки.

Так вот живем мы теперь с Натальей Федотовной.

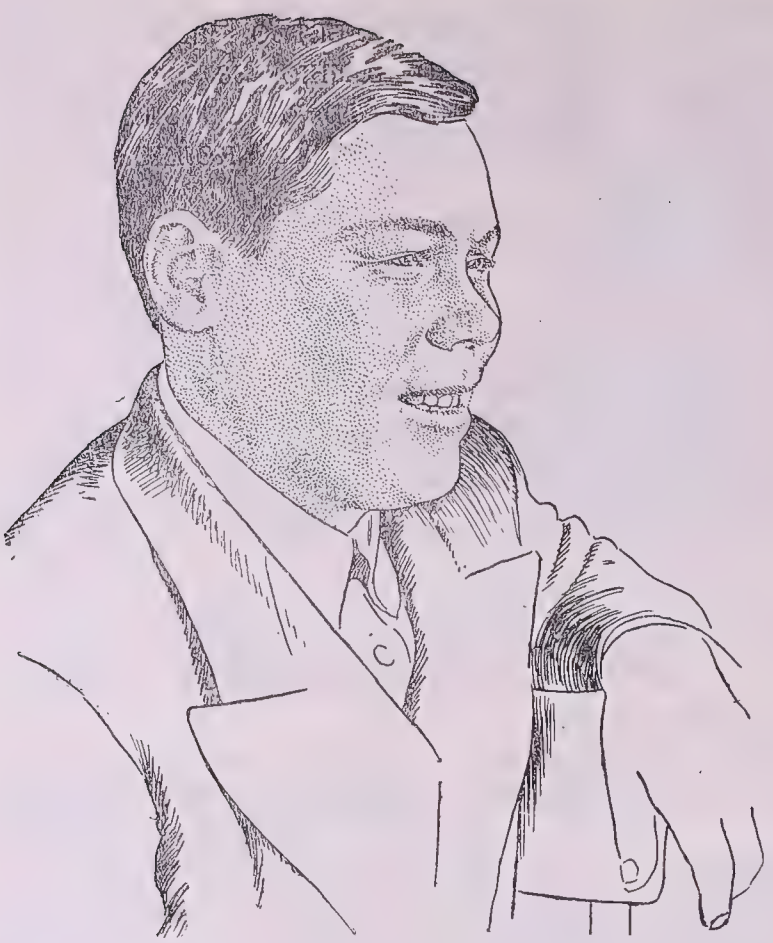
Кругом нас молодежь резвится.

Колхоз стал родным. В колхозе я нашел свое счастье, новую счастливую и радостную жизнь.

Вот какое мне на склоне лет выпало счастье. Вернее сказать— не „выпало счастье“, а сам я его заработал упорным и честным трудом.

★ ★
★

Комсомольские кони



Михаил Васильевич
КАЗАНЦЕВ

Старший конюх колхоза „Великий путь", Любинского района

ЕСЛИ хочешь, чтоб на конюшне все было благополучно, чтоб кобылицы были здоровы, чтоб рос крепкий молодняк—изучи особенности характера и привычки каждой кобылицы, изучи повадки каждого жеребенка! Я давал каждой кобылице работу в соответствии с ее способностями. Подбирал кобылиц „по спокойствию", расставлял их в конюшне так, чтоб одна кобылица другой не смогла сделать никаких повреждений.

Так я работал, так я буду работать и впредь.

Я конюх-комсомолец. Вступил в члены ВЛКСМ летом 1932 года, шестнадцатилетним подростком. С этого же года работаю конюхом.

Занявшись уходом за лошадьми, я начал с того, что, не теряя времени, организовал в нашем колхозе „Великий путь" „Буден-

новскую конюшню"—конюшню большую, светлую, хорошо утепленную, механизированную. Среди конюхов колхоза развернулось социалистическое соревнование за воспитание здорового, выносливого коня, годного для Красной армии.

За организацию „Буденновской конюшни" премировали меня на всесоюзном совещании конюхов гармонью.

В 1933 году я сохранил всех жеребят, за которыми ухаживал.

В 1934 году я кончил на „отлично" курсы конюхов при Любинском райсовете Осоавиахима. Прибавилось знаний—еще лучше стали показатели работы: добился стопроцентной жеребости кобыл и полного сохранения молодняка. За это был дважды премирован—почетной грамотой краевого совета Осоавиахима и значком Осоавиахима. На краевом совещании работников Осоавиахима обещал я вырастить и подарить наркому обороны товарищу Ворошилову отличного коня. Это обещание выполнил.

В 1935 году поставил меня колхоз старшим конюхом. В этом году колхоз наш так же имел стопроцентную жеребость и выжеребку кобыл и полное сохранение всех тридцати четырех жеребят. За хорошую работу я был послан на всесоюзное совещание животноводов. Партия и правительство наградили меня высокой наградой Союза республик—орденом Ленина. Центральный совет Осоавиахима премировал меня часами и значком.

Такую высокую награду получил я за свою работу, за успех.

А в чем залог успеха? Что—самое главное? Залог успеха—желание работать, любовь к делу, горячее желание овладеть техникой порученной работы! Я иначе и не могу. Колхоз—это свое, родное. Колхозное благополучие добыто нами, нашими отцами! Жизнь до колхоза была тяжелой. О ней можно рассказать в нескольких словах, но все будет понятно. Я родился в 1916 году в поселке Мокшино (это—недалеко от Омска, тут же в Любинском районе). Отец мой до 1925 года батрачил на кулаков, а мать с нами, детьми вела, отцовское бедняцкое хозяйство. Лошадь, корова да маленькая избушка это—все, что мы имели, а детей было в семье восемь! Жизнь, понятно, была тяжелая. Но отец, когда пришло время, нашел выход для себя и для многих других бедняков—в 1927 году он организовал колхоз, где работает и до сих пор.

Живем хорошо. За время работы в колхозе, правление колхоза премировало меня тринадцать раз. В 1935 году заработал я 510 трудодней. Образования мне нехватало—в детстве удалось

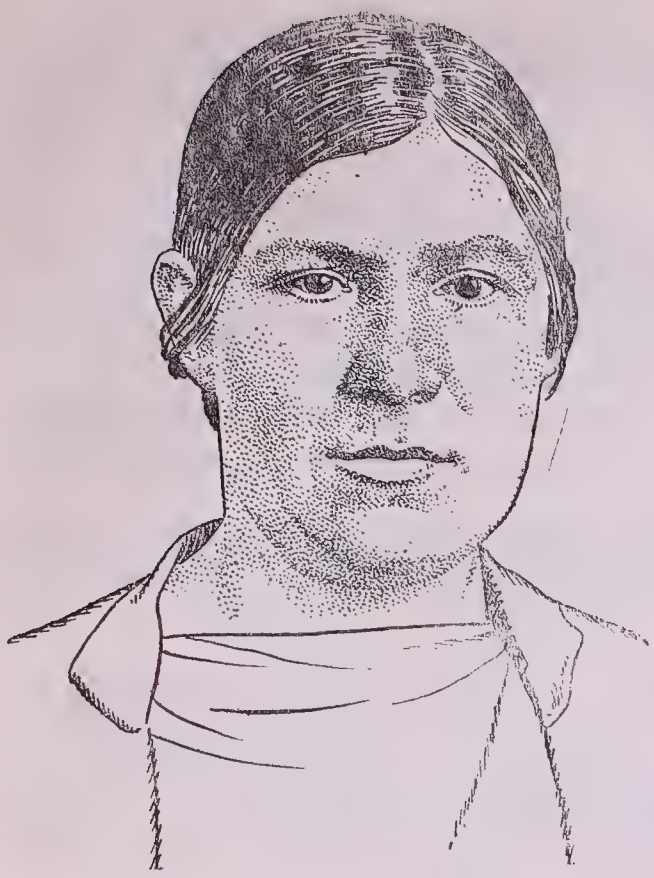
кончить только две группы—так теперь повышаю свой культурный уровень путем самообразования и буду добиваться получения знаний до зоотехника.

Совещание в Москве, на котором я видел и слышал товарища Сталина, руководителей партии и правительства дало мне новую большую зарядку. Я познакомился с опытом лучших работников по животноводству нашей страны.

Опыт передовых людей животноводства, указания товарища Сталина я постараюсь применить и в нашем колхозе. Сейчас у нас организовалась коневодческая ферма и меня поставили заведывать ею. Думаю, что добьюсь еще лучшей постановки работы в нашем колхозе и вместе со всеми колхозниками мы сумеем вырастить для нашей любимой Красной Армии не один десяток хороших коней. А если нужно будет, я, да и не я один, а весь наш колхоз готов в любой момент грудью защищать нашу великую родину.

★ ★
★

В родной семье



Анна Григорьевна
БЕЛОУСОВА

Доярка колхоза „Красная Сибирь",
Москаленского района.

МОЙ отец имел до шестидесяти десятин посева. Пять коней было у отца. Работали у него батраки. Словом отец мой был кулаком.

Это факт. И наши дороги—дороги отца и дочери—разошлись очень рано. Я жила в семье отца лишь до 18 лет, то есть до 1921 года. А потом вышла замуж и с отцом почти всякую связь потеряла.

Дело в том, что мы с мужем жили так бедно, что к отцу мне даже итти не хотелось. Бедный богатому не товарищ, хотя бы даже они и родственники. У нас получилось именно так. Помощи у него просить? Мы этого не делали. Отец жил как мог и мы жили как могли. У отца было шестьдесят десятин земли, а у нас две. У отца четыре коровы, а у нас—одна. У отца пять коней, а у нас один, да и тот вскоре сдох. Отцу было хорошо, а мы не смогли так. Вот и дружба пошла врозь. Редко ходила я до отца—в год раз!

Муж работал на разных работах—колодцы рыл, котлованы, водопроводы проводил. Приходилось и батрачить у местных кулаков. Надо было самим прокормиться и прокормить трех ребят.

☆

В 1932 году вступили мы с мужем и брат мой Алеша в колхоз „Красная Сибирь“. Муж по началу работал пахарем, а потом поручили ему ухаживать за конями.

Чистил он коня и ударил его конь копытом, разбил кость, повредил жилы. Слег муж в постель да так и не встал.

Пока муж здоров был, я не работала, а занималась с грудным ребенком. А тут и муж заболел и девочка умерла. Я пошла работать на ферму дояркой.

Взялась за дело горячо. Дома одно горе, так хоть на работе утешиться я могла. Все делала. И коров доила, и телят поила.

☆

Моя группа—двенадцать коров. Я считаю, что это были самые хлопотные, беспокойные дикие коровы. Не давалися они дояркам.

Взять хотя бы для примера „Бухаршу“. „Бухарша“ была корова очень строгая, очень хитрая. Доярки жаловались:

— Не дает „Бухарша“ молока. Все норовит ведро ногой опрокинуть, выбивает „Бухарша“ молоко ногой.

Но я сумела найти подход к „Бухарше“. Я научилась ее успокаивать, ухаживать стала за ней, приноровилась к ее характеру. Когда надо—шею ей почешу, когда надо—хлеба дам, слежу, чтоб сыта была „Бухарша“, чтоб ничего ее не раздражало. И вот превратилась „Бухарша“ в рекордистку—вместо 12 литров стала давать до 19 литров. За год она дала колхозу 4011 литров молока! И подарила колхозу двойняшек—телочку, которую мы назвали Марией, и бычка, названного „Самец“.

Хорошо раздоила я и корову „Сашу“. Она дает теперь до 22 литров, а за год дала 4000 литров.

Да и все мои двенадцать коров зачислены теперь в первую группу.

Я их люблю и они меня любят. Как только с поля идут я их по именам окликаю и они откликаются. Крикну:

— „Бухарша!“

„Бухарша“ откликается. Крикну:

— Саша!

Откликается „Саша“.

Откликается и „Могильничиха“, и „Щербинка“, и „Сорочиха“, и „Дригичка“. Да все откликаются на свои имена. Подойду—руки мне лижут. Одну дою, а другая все плечи оближет, стоя сзади. Лижет, пока не скажешь:

— Сейчас начну тебя доить!

Выдаивала их хорошо. Обтирала вымя чистым полотенцем. Чистила коров. Сама досматривала за кормлением, готовила жмых, мякину. Эту мякину опаривали кипятком, чтоб стала она мягче, вкуснее. Подкидывала им лучшего сена. Вот и добилась перевыполнения норм удоя.

★

От двенадцати коров получила я четырнадцать телят. Выпаивала их до годовалого возраста. Всех сохранила. Были случаи—заболевали телята. Тогда я их отхаживала всеми способами, какие могла придумать. Помню такой случай: заболела „Квасолька“ поносом и никак не можем болезнь прекратить. Санитар рукой махнул на „Квасольку“.

А я придумала. Спрашиваю у заведующего фермой:

— Разрешите поить теленка кофе?

Он подумал и разрешил. Все равно, мол: все средства испробованы. И ничего не пособляет. Авось чего выйдет с кофе.

Я пошла в кооперацию и купила на свои средства за восемьдесят копеек баночку кофе. Этот кофе был ячменный. Я рассчитала, что такое пойло скрепит желудок теленка. Сварила кофе с молоком, напоила. Заметила, что становится теленку лучше. Продолжала поить два дня. Понос прекратился. Выходила „Квасольку“.

★

За работу я имела от колхоза премии не однажды. И вот вызвали меня в Москву на совещание. Это меня очень растрогало—о таком внимании, о таком счастии я и не мечтала. А что дальше было—мне словами и передать трудно. Увидела я воочию всю мощь нашего государства, поняла, как много в нашем Союзе Республик народов, разных наций! Увидела я вождя народов нашего родного товарища Сталина, который привел трудовое крестьянство к зажиточной, радостной жизни. Осмотрели мы, делегаты, столицу—ездили в метро, были в театрах, в цирках. Кругом были! А уж ухаживали-то за нами, кормили-то нас! И печениями, и варениями, и ветчинами!

Такие угощения, какими нас потчевала, Москва, будут в любом

колхозе и будут доступны каждому колхознику. К тому ведет нас товарищ Сталин. А зажиточным единоличникам и не снилось, как будем жить мы, зажиточные колхозники! Я уверена в этом!

★

Награжденная орденом Трудового Красного Знамени еду домой. Лягу спать, закрою глаза, а перед глазами—коровы. Мои коровы. И слышится, как они ревут! И „Бухарша", и „Саша", и „Могильничиха", и все двенадцать! Как-то они живут? Одну доишь, а другая плечи облизывает, ожидает...

Дома радость возвращения омрачилась очень большим личным несчастием. Муж оказался при смерти. Встретил он меня еще в сознаньи, увидел мой орден, сказал:

— Жинка, коли бы я поднялся, не отстал бы я от тебя!

Но не поднялся. На другой день умер.

Я очень горевала. Такое горе не скоро утешишь. Было в эти дни мне не до коров, не до телят. Хоронила своего близкого человека.

И вот выхожу однажды из дома. Гляжу, идут телята до колоды. напиться. Колхозники мне говорят:

— Анна Григорьевна! Телята тебя, видно, уж забыли. Больше месяца не видали тебя!

А я тут и позвала телят. Услышали телята мой голос, повернули и все четырнадцать побежали за мной! Как заревут! Как заревут!

Колхозники удивляются.

— Неужели не забыли?

— Да, не забыли!

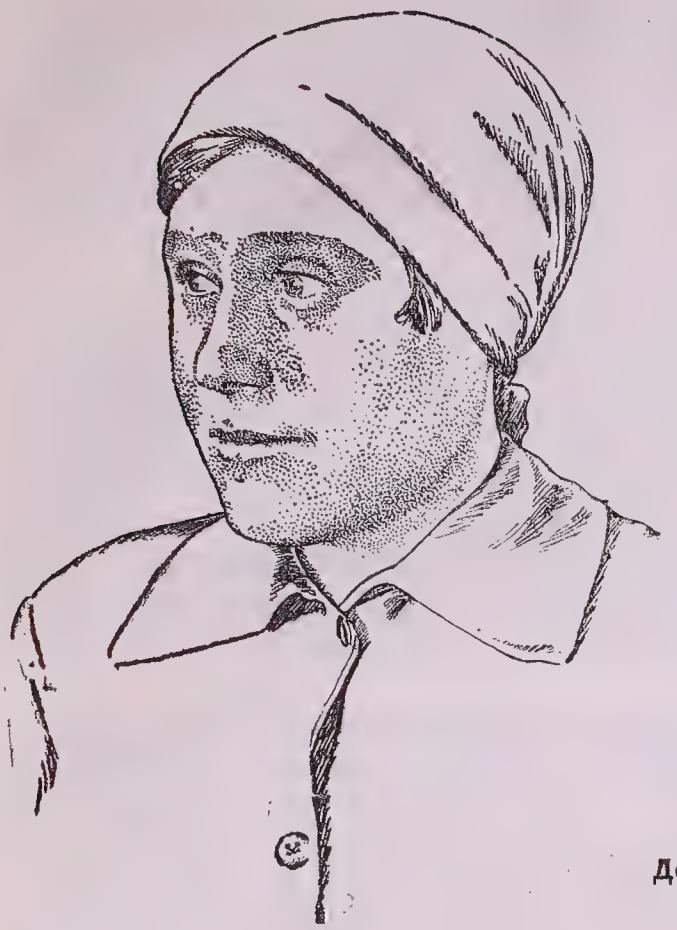
И пошла я доить коров.

★

Теперь я вдова. Но в колхозе вдове не страшно. Живу как в родной семье. В прошлом году я заработала пятьсот двадцать трудодней. Нынче колхоз выстроил мне новый дом, самый лучший в поселке. Работаю я так: за девять месяцев 1936 года надоила я по 25 центнеров молока на корову. Будем неустанно работать и бороться за новую счастливую зажиточную жизнь, как учит нас товарищ Сталин. Будем учиться. А то я раньше была вовсе неграмотной—не умела записать сколько молока от коров надоила. Надо учиться! Надо показывать пример детям, как в работе, так и в учебе. Детвора и то уж говорит:

— Мама! Будем работать как ты. Заслужим и мы орден!

★ ★
★



Забывается тягостное детство

Аграфена Ивановна
МЕЛЕХИНА

Доярка Тюкалинского совхоза № 359,
Тюкалинского района

Я, АГРАФЕНА МЕЛЕХИНА, имела несчастливое детство. Ни отца, ни матери я не помню. Знаю, что оба они были батраки и работали у кулака Анохина, богатейшего хозяина в селе Николаевском Акмолинского района. Потом началась война. В год моего рождения отца угнали на фронт и отец не вернулся. А мать, оставшись вдовой, надорвала свое здоровье на тяжелой батрацкой работе и умерла в 1917 году. Ей тогда было 24 года, а мне—один год.

Воспитывал меня дедушка Степан Юров, отец матери. Я помню деда Степана. Худой, вечно мечтавший о хорошей жизни. Но не дождался. Как и отец, как и мать гнул дед Степан свою батрацкую спину. Летом работал на полях, а зимой—на зимовках скота у кулака Анохина. Дед погиб, как и мать,—надорвался от непосильной работы на покосе. Умер в 1926 году.

И помню я, как после этого бедствовали мы со старухой бабушкой. Мы подбирали корки хлеба под окнами у кулаков.

С десяти лет я начала работать по найму. Пошла в няньки. Сначала нянчила детей в семьях односельчан, а затем перешла работать в город Акмолинск. Там, помню, нанялась я в няни „за взрослую". Это значит, что не только ухаживать за детьми, но и мыть пол и стирать белье.

★

Неграмотная, жила я в кругу чужих людей. Когда исполнилось мне 13 лет, решила покинуть родину. Вместе с односельчанами—семьей батрака Чепрасова—поехала я из Казахстана в Сибирь. Приехала в Минусинский район, поступила на работу в Енисейский совхоз „Овцевод". Поставили меня на подсобную ферму рабочего кооператива свинаркой. Работала я усердно. Перевели из свинарок в телятник пояркой. За образцовый уход, за чистоту в телятнике премировали, вручив вместе с премией и книжку ударника.

Но в 1933 году земляки решили покинуть Енисей и перебраться в Тюкалинский район. Поехала вместе с ними и я. И вот, с котомкой за плечами пришла я, семнадцатилетняя девушка, на строительство Сергеевской фермы Тюкалинского совхоза. Стройка начиналась на пустыре, близь березовой рощи, в стороне от большой дороги... И правильно написали потом про меня в газете „Колхозный путь", что не знала я, Аграфена Мелехина, к какому чудесному счастью приведет меня эта дорога.

★

Первое время работала на строительстве. Затем пошла на полевые работы. Работала на сенокосе, на уборке хлеба. Кругом меня была веселая молодежь. Я вначале робела, не умела высказывать своих мыслей, стеснялась, таила их про себя. Но люди видели, что я могу работать исправно. И вот предложили мне, как старательной хорошей работнице, пойти дояркой на ферму.

Мне помогли учиться, развиваться. Я стала посещать зоотехкружок, принялась за изучение грамоты. Осенью 1935 года вступила я в комсомол. В комсомольской политшколе окончательно осознала я, что такое партия большевиков, за что она борется и к какому счастью ведет нас вождь народов—товарищ Сталин.

В этом году я добилась высоких показателей. Я хорошо раз-

доила тех коров, за которыми мне поручили ухаживать. Корова „Трофимовка“, которая давала прежде пять литров молока в сутки, стала давать до 10 литров. Удой „Тигры“ поднялся с 7 до 11 литров, удой „Жуланчихи“—с 5 до 12 литров, удой „Делегатки“— с 6 до 14 литров.

Мои коровы простые сибирки. Средний удой этих сибирок достиг 28,5 центнера на корову.

Я добилась того, что мои коровы всегда имели необходимый для их питания высококачественный корм. Я кормила высокопродуктивных новотельных коров лучшими по качеству кормами, строго соблюдая нормы кормления. Большое место в рационе занимали концентраты. В зимнее время количество концентратов в рационе было до 35—40 проц. Я тщательно соблюдала распорядок дня. Применяла трехкратное и четырехкратное поение коров. Содержала скот в чистоте, давала сухую подстилку. Чисто выдаивала коров, делала им массаж вымени.

★

Так я раздоила своих коров. Работая, показывала пример другим. Когда началось стахановское движение, я вовлекла в это движение других доярок, я старалась как можно шире организовать борьбу за раздой наших коров.

Вот за что меня наградило правительство орденом Трудового Красного Знамени.

Большое счастье выпало мне! А ведь я была почти беспризорница когда-то. Но вышла на правильный путь, указанный нам товарищем Сталиным. И должна я сказать, что выйти на верную дорогу помогли мне комсомол, политотдел и профсоюз нашего совхоза. Рука об руку с политотделом работала я....

Последние три года принесли мне столько нового, хорошего, что начинают забываться тягостные дни детства. Теперь началась настоящая, радостная, счастливая жизнь.

★ ★
★

Моя жизнь, мои достижения

Семен Тимофеевич СУРКОВ

Бригадир совхоза № 42, Любинского района

Я РОДИЛСЯ в 1903 году в деревне Самаровка Тюкалинского уезда Тобольской губернии. Семья у нас была восемь душ, а насколько хорошо мы жили можно судить хотя бы по такому факту: мне до тринадцатилетнего возраста зимой не удавалось выходить на улицу, я безвыходно сидел в избе—не было ни обуви, ни зимней одежды.

Когда мне исполнилось четырнадцать лет, отдали меня в школу. Но, опять же, отсутствие одежды и обуви положило конец моему посещению школы. Недоучился я.

На следующий год отец отдал меня в батраки к богатому мужику. Я, как погонщик, получал от кулака по гривеннику в день. Затем отдали меня в подпаски. За это получал по 30—40 копеек в день.

Вскоре после этого постигла меня длительная болезнь—ревматизм на почве простуды.

Это все было до 1918 года. А когда думаю о 1919 годе вспоминается такая картина:

Конец сентября или начало октября. Через нашу местность, с запада на восток, тянутся военные обозы, поспешно проходят отряды. Это колчаковские части, отступающие под натиском победоносной Красной армии. Вот приходят к нам в избу несколько колчаковцев. Расположились на ночлег. Вечером сидят, ужинают. И затевают такой разговор с матерью.

— Бабушка! К вам скоро придут красные безбожники. В бога они не веруют.

Мать слушает, что дальше скажут. Они продолжают:

— И вам в бога не дадут верить.

Я прислушиваюсь,—что дальше? К чему такой разговор? Тут один из колчаковцев и дошел до сути дела.

Он говорит:

— Бабушка, а бабушка. Где бы найти получше лошадей? А то наши устали, мы боимся красные безбожники нас нагонят.

Мать в ответ:

— У нас нет дома лошадей. Сын уехал в поле!

А я-то сообразил, в чем дело. Я знаю, что лошади у нас дома. Я понял, чем все это может кончиться. Не слушая больше разговора, я потихоньку слезаю с полатей, одеваюсь и—к лошадям.

Надо немедля угнать лошадей в поле. Но не так-то просто это сделать. В ограде колчаковский часовой.

Тогда я крадусь в огород, проламываю плетеную заднюю стену конюшни, вывожу через пролом лошадей и гоню их в поле. Два дня хоронюсь с лошадьми в укромном месте, пока не приходит и не разыскивает меня брат.

Так мы спасли своих лошадей. А у многих других крестьян отобрали лошадей колчаковцы.

От красноармейцев мы лошадей не прятали! Красноармейцы, впрочем и не покушались на крестьянское добро. Мы с братом отвезли красноармейцев на своих лошадях 200 километров, до Омска, и вернулись обратно.

★

Меня призвали в Красную армию в 1925 году. Пришел я в армию малоразвитым, почти неграмотным. Едва мог написать свою фамилию. А в армии я и грамотность пополнил и получил политическое развитие, научился разбираться в политике. Служил

два года. Сначала был рядовым артиллерийским разведчиком, а затем руководил отделением разведки.

По возвращении из Красной армии разделился я с братьями и стал хозяйствовать единолично. С 1929 года стал работать по найму—у землеустроителя на подсобных работах, в соседнем совхозе № 182.

В 1933 году поступил на работу в совхоз № 42, где так высоко была оценена моя работа партией и правительством.

Скот, который мне поручили в этом совхозе, был очень плох. Семь коров из моей группы совсем не вставали на ноги. Этих коров мы с доярками поднимали на веревках. Коров плохо кормили. План по молоку, само собой разумеется, не выполнялся.

Нужно было во что бы то ни стало привезти на хутор силос для того, чтобы спасти коров. Необходимо было очистить хутор от навоза. А лошадей-то и не было в моем распоряжении. Не на чем было даже отвозить надоенное от коров молоко. Всех лошадей у нас перед посевной отобрали на полевые работы.

Вот в каком состоянии был тот участок хозяйства, который я принял. Люди, тут работавшие, давно опустили руки. „Безвыходное, мол, положение!“

Что делать?

Пришлось крепко подумать.

И я решился на такой шаг. Я рассчитал: есть такие коровы, которые дают всего-на-всего по полтора литра молока. Этих коров выгоднее всего использовать как... лошадей! Пусть эти коровы на время станут тягловой силой, пусть они возят силос, чтобы было чем накормить более высокоудойных коров. Пусть малодойные коровы и отвозят нами надоенное у других коров молоко с хутора на ферму. Так и сделали. Набрали самых малоудойных коров и обучили их возить грузы. Своего добились. Появился на хуторе силос, начали коровы больше давать молока. Встали на ноги, повеселели и те коровы, которых прежде приходилось нам поднимать на веревках. В мае месяце выполнили мы на сто процентов план сдачи молока. А в летние месяцы мы выполнили план уже на 145 процентов.

Это была моя первая победа в совхозе. Меня об'явили лучшим организатором труда и лучшим ударником в совхозе.

Зимовать я остался на хуторе. На эту зиму 1933—1934 года я имел дело уже не с коровами, а молодняком рогатого скота. Так как на нашем хуторе не было телятников, то коров перегнали на другие хутора, а мне дали молодняк рогатого скота в возрасте от шести месяцев до двух лет.

Телята были всякие. И хорошие, и плохие. Были и такие, которые едва дошли два километра от места прежней стоянки до хутора.

Очень слабых телят я выделил в отдельную группу, приставил к ним лучших скотников. Этим телятам мы воду грели, поили телят теплой водой. Сам я, как старший скотник, имел такую нагрузку: кроме того, что отвечал за все стадо в 500 голов, я непосредственно обслуживал 50 телят, ухаживал за бычком-производителем и производил случку телок 18—20-месячного возраста.

За зиму у нас в стаде не было ни одного случая падежа. На пастбище мы вывели молодняк, имеющий упитанность на 50 процентов выше средней. 200 голов этого скота было продано колхозам для молочно-товарных ферм. Я сам лично обмерял и отправлял этот скот.

В мае 1935 года меня как лучшего бригадира перевели на первую ферму, где находился краснонемецкий скот.

★

Прежде, чем рассказывать о дальнейшем, я должен возвратиться несколько назад. А именно—рассказать о важном событии, которое произошло в конце 1933 года; это событие—организация политотдела в нашем совхозе...

Мои успехи во многом зависят от политотдела.

Я, конечно, работал исправно с самого начала. Но были и у меня в бригаде такие люди, которые не хотели добросовестно работать, ни на что хорошее не соглашались. И я по началу усвоил, главным образом, только один способ борьбы со всякими безобразиями—административный подход, увольнение. Однако, это далеко не всегда помогает делу. Одного уберут—другой поступает приблизительно такой же. И надо признаться, что до конца 1933 года мы, бригадиры, управляющие и даже дирекция—были не столько организаторами труда, сколько ретивыми администраторами. На рабочих мы часто кричали, шумели, штрафовали, а раз'яснительной работы не вели. И толку не было.

Но вот возник политотдел. Начальник его тов. Мальков и заместитель начальника тов. Журавлев научили нас работать по-иному. Повели раз'яснительную работу, стали ездить по фермам, показывали как нужно работать, как нельзя. Рабочие стали точно знать свой план и свой заработок. Штрафы были упразднены. Те рабочие, которые хотели трудиться честно, получали по заслугам. Многие бывшие лодыри исправились и вышли в ряды лучших ударников. И лишь очень немногие упорно гнули свою неправильную линию. Ну, тех, конечно, заменили мы наиболее преданными делу людьми.

Меня многому научил такой случай: одна доярка не дала корове сена, оставила корову голодной. Почему? А вот, мол, было темно в базе и она корову проглядела. Управляющий приказал снять эту доярку с работы. И я был бы согласен с таким подходом раньше. Но вот, вместе с работниками политотдела раз'яснили мы доярке все как следует, не выгнали ее, а поговорили по душам. И эта женщина—ее фамилия Ермолаева,—стала лучшей работницей!

★

Итак, в мае 1935 года меня, как лучшего бригадира приставили к краснонемецкому скоту. Надо сказать, что этот скот находился в довольно таки скверных условиях. И по своим качествам эти коровы почти ничем не отличались от всех прочих. Уход был неважный. Индивидульного подхода к животным не было: кормили коров, не соблюдая никаких норм. И, в результате, концентратов скармливалось много, даже больше, чем следует, а молока надаивали доярки мало...

Надо было перестроить всю систему работы. С этим большим делом я, при помощи политотдела, дирекции и рабочкома совхоза справился.

Повседневную помощь оказывал мне зоотехник фермы комсомолец Иван Степанович Мосейко. От него я получал все, что было мне необходимо по производству. Нет доярки—иду к нему, прошу помочь делу. И он помогает подыскать доярку. Если что не понимаю—иду к нему и днем и ночью—он всегда раз'яснит, поможет. От него я научился составлять нормы кормления скота, поить телят и вести учет.

Помогала и газета политотдела, в которой я состою постоянным рабкором.

Как я осуществлял свой план повышения удоя краснонемецких коров?

При выходе на пастбище я выделил 30 лучших коров в отдельную группу, закрепил за ними лучших доярок и лучшего скотника Васю Василевского. Это очень хороший работник с пятилетним стажем. Установил четырехкратную дойку. Поили коров до 6 раз. Из концентратов давали одну овсянку, но кормили строго по нормам и дифференцированно.

Дружная, слаженная работа всей бригады (штат у нас закреплялся постоянный), дала возможность уже с июля начать подготовку к зимовке. Своими силами мы отремонтировали баз, вымазали его снаружи и изнутри, поделали тамбуры у дверей, загородили денник, сделав в нем отдельные секции для групп коров каждой доярки. И, наконец, внутри база сделали красный уголок для доярок и скотников, где потом зимой проводилась вся культурно-массовая работа—техучеба, ликбез, чтение газет, совещания и т. д. По нашему примеру стали строить такие уголки и другие бригады.

Заблаговременная подготовка к зимовке дала нам возможность своевременно поставить скот в баз. Этим самым мы удой коров не только не снизили, а, наоборот, даже повысили. В первых числах сентября удой на корову у нас был 9 литров, а к 1 октября—11,5 литра.

В октябре 1935 года стали мы прорабатывать вопросы стахановского движения. Не все сразу поняли в чем дело. Были такие курьезы: некоторые рабочие заявляли, что стахановские методы работы можно применять только там, где работают... электричеством. Но в моей бригаде рабочие поняли сущность стахановского движения и мы сразу стали перестраивать свою работу по новому.

Все доярки взялись за раздой коров, еще больше улучшили уход ва ними. Удой повысился в течение месяца на двести литров по бригаде. Некоторые раздоили коров так, что удой повысился с 9 до 12 литров. Отдельные коровы стали давать до 22 литров.

★

За хорошо поставленную работу в бригаде, за то, что я добился высокого удоя коров и сохранения поголовья скота, меня отправили сначала в Омск на совещание, а оттуда, в числе

30 лучших ударников животноводства я поехал в Москву, на совещание передовиков социалистического животноводства с руководителями партии и правительства.

В Москве я получил высокую награду от правительства и партии—орден Трудового Красного Знамени.

Те переживания, волнения, которые я испытывал, начиная от Омска, и особенно в Москве—я не в состоянии передать своими словами. Все это протекало как счастливый сон, перешедший в явь.

Как все это не похоже на прошлую жизнь,—я подумал. Мог ли я в своем детстве мечтать, что жизнь сложится так!

До тридцатидвухлетнего возраста я мало где был, кроме своей деревни, соседних совхозов и ближнего города. Поэтому в пути до Москвы для меня все было новым. Такого путешествия я не испытывал еще никогда.

После того у меня еще лучше и глубже запечатлелось, что наша советская рабоче-крестьянская страна—единственная во всем мире—растет не по дням, а по часам. Партия Ленина—Сталина освободила народы от гнета помещиков и кулаков. Нет национальной вражды. Все наши народы сплотились воедино.

Если я и раньше старался работать лучше других и помогать отстающим, так теперь я еще больше буду делать, чтобы оправдать высокую награду и с честью нести звание гражданина великой страны.

Летом 1936 года областная профорганизация меня и мою жену направили на курорт в Пятигорск. За месяц, проведенный на курорте, мы хорошо отдохнули.

В совхозе прикрепили ко мне учительницу—комсомолку, чтобы она помогла мне поднять общую грамотность и помогла в политической учебе. А с осени нынешнего 1936 года занимаюсь я на подготовительном отделении Омской высшей коммунистической сельскохозяйственной школы.

Получив образование, специальную подготовку, я сумею в десятки раз больше дать пользы нашему государству, оправдать высшую правительственную награду.

В прииртышских степях

Матрена
РОМАНОВА

Телятница колхоза имени Ворошилова,
Омского района

ЖУТКО было мне, когда я осталась одна в землянке на окраине Омска.

Мне было всего пять лет, но я вполне понимала что произошло. Мама умерла, брата Алеши тоже уже нет в живых, а я осталась одна в большом, чужом, незнакомом городе.

Случилось это так. Был голодный 1921 год. Мать решила покинуть город Тару, где до тех пор мы жили. От отца, которого я не помню, осталось у матери нас двое ребят—я и брат. И вот мы едем в Омск. По дороге брат Алеша заболел тифом. В Омске ищем квартиру, находим пустую землянку на самом краю города. Население землянки недавно вымерло от тифа. Занимаем эту проклятую землянку. Новоселье не веселое—умирает брат и заболевает мать. Ее увозят в больницу, откуда она уже не возратилась.

Из землянки меня выручила бабушка. Эта наша единственная

родственница жила в городе в няньках. Бабушкины хозяева говорят:

— Надо отдать Матрешу в дом беспризорных!

Бабушка ведет меня туда.

— Будешь тут жить. Тут дети собраны отовсюду!—говорит она.

Но мне в этом приюте страшно не понравилось, убежала вслед за бабушкой.

После этого бабушкин хозяин меня отвел в дом советов к заведующей детдомами. Я попала в первый детский распределитель. Там заболела тифом, проболела целый год. По выздоровлении, около двух лет жила в детском доме № 7, затем в Изылбашском детдоме, после этого снова в Омском детдоме. Из этого детдома меня взяли на воспитание крестьяне Таранины. Они увезли меня в село Димитриевку. Эти крестьяне оказались кулаками. Взяли они меня в „дети", а фактически заставили батрачить. И батрачила я целый год. Затем этих крестьян, к моему счастью, раскулачили, а меня снова сдали в детдом, названья которого я не помню. Когда же мне исполнилось 18 лет, передали меня в ачаирскую деткоммуну имени 1905 года.

Ачаир—это вверх по Иртышу километров сорок от Омска. Местность неплохая, кругом высокие травы, березовые рощи. По широкой реке идут пассажирские пароходы, буксирные пароходы тянут караваны барж, осенью мимо Ачаира к Омску идут из Казахстана плоты с долонскими арбузами. Близь Ачаира и была наша трудовая коммуна, где мы сами управляли своим хозяйством. Я в коммуне впервые научилась доить коров и приобрела ряд других навыков, которые после мне пригодились. В 1930 году вступила я в комсомол. И когда в 1932 году мне предложили работать в сельхозартели имени Ворошилова, то я приехала в колхоз достаточно подготовленной к работе. Меня сразу поставили дояркой в молочно-товарную ферму. Сначала дали мне доить только шесть коров. С такой работой я справлялась очень легко. Тогда мне прибавили коров. Я справилась. Довели норму до 17 коров. Но частенько я перевыполняла и эту норму, заменяя других не выходивших почему-либо на работу доярок. Бывало, что в иные дни доила до 23 коров.

Как комсомолка и ударница, я старалась показывать всем колхозникам пример. Во время полевых работ ходила полоть и копнить. А когда наставала пора молотьбы, я все время рабо-

тала у молотилки. Помню такой случай: некоторые несознательные колхозницы, глядя как я работаю без устали, стали говорить:

— Брось работать так усердно! Все равно ты всей работы не переделаешь. У тебя начали пухнуть руки.

Но я работать не бросала. Я, комсомолка, показывала пример.

★

Меня наградили орденом Трудового Красного Знамени. Эту высокую награду я получила за высокие показатели работы по животноводству. Расскажу, как я добилась этих показателей.

Работала я так, как учит нас партия. Соблюдала все зоотехнические правила какие знала. Передавала свой опыт другим.

Опишу свой трудовой день.

Я всегда вставала в четыре часа утра. Приступив к работе, первым долгом выскребала я навоз из стойл, чтоб доить коров уже в чистых стойлах. После этого я очищала живот коровы, чтобы при доении сор не попадал в молоко. Затем подмывала вымя коровы, хорошо вытирала его полотенцем. Соски коровы смазывала маслом для того, чтобы смягчить их. Первую струйку молока выцеживала на пол. И только после всего этого начинала доить корову в ведро. В процессе дойки массировала вымя для хорошей раздойки. После окончания дойки также массировала вымя.

Никому постороннему не доверяла я никогда ухода за своими коровами. Все делала сама. Сама задавала корм, сама во-время гоняла коров на водопой, сама рубила для них картошку и брюкву, сама задавала жмых. В результате, коровы ко мне очень привыкли. Каждая знала свою очередь. И, например, если я не стану доить корову „Немку“ как обычно—первой, то „Немка“ взволнуется, не даст подойти другой корове, начнет бегать, бодать других... Поэтому я всегда уж доила коров в установленном порядке, чтоб не обижать, не волновать их.

Грубые корма я задавала коровам без нормы, но сочные корма задавала по точно установленной норме. Жмых всегда давала в распаренном виде, так как нераспаренный жмых груб и коровы плохо его ели.

Зимой я доила коров по три раза в день, а летом—по четыре и даже по пяти раз.

Годовой удой получала я от своих коров по две тысячи литров. А корова „Немка“ дала до двух с половиной тысяч литров в год.

Три года проработала я дояркой. В январе 1935 года стала я телятницей. Сначала новая работа казалась трудной, тяжелой. Но затем научилась, вникла в суть дела, а главное полюбила телят.

Так же, как прежде к моим коровам, теперь я приходила к телятам рано утром, в четыре часа. До семи часов утра я производила чистку в клетке у каждого теленка. Сменяла подстилку, чтоб пойку производить в чистой клетке.

Я воспитывала телят уже полученных из профилактория, то-есть достигнувших десятидневного возраста. Каждого теленка приходилось поить по разному, потому что каждый теленок по разному пьет—один выпивает полтора литра молока, другой два литра. Это надо учитывать. Я научилась этому в процессе работы.

Молоко для пойки телят принималось от каждой коровы отдельно и не смешивалось. Это делалось для того, чтобы каждый теленок пил молоко от определенной коровы. Как известно, телят нужно поить парным молоком. Но у нас дойка коров производилась далеко от телятника, молоко за время переноски остывало и я вынуждена была подогревать молоко. Для этой цели мы приспособили котел, в котором я подогревала молоко до 35—36 градусов. Телятам молоко давалось в пойках, чисто вымытых горячею водою.

От трех до четырех раз в неделю я добавляла в молоко каждому теленку либо сто граммов мелу, либо сто граммов соли. Это полезно.

Если у теленка сильно скрипели зубы—я брала до ста граммов соли и натирала теленку зубы, от этого и зубы переставали скрипеть и аппетит у теленка делался лучше.

Если у теленка начинался понос, то я добавляла в молоко муки или льна и понос пропадал.

Когда теленку исполнялось два месяца, я переводила своего питомца с питания чистым молоком на питание чистым обратом. Такое питание продолжалось две недели до конца срока пребывания теленка в моем питомнике. Я воспитывала телят лишь до возраста в 2 с половиной месяца.

За 1935 год я воспитала 84 телят и у меня на телятнике не было ни одного случая падежа. Хорошо росли мои питомцы. Бычки „Мишка“, „Ванька“ и „Герой“ давали суточный привес по 1000 граммов. „Мишка“ и „Герой“ теперь стали хорошими про-

изводителями,—мы их передали в другой колхоз. Мои воспитанницы „Танька“ и „Катька“ также давали суточный привес по килограмму. „Лидка“ стала в этом году нетелью и будет хорошей коровой... Самый низкий привес в сутки мои телята давали в 800 граммов. Не зря я за ними ухаживала, не зря сама их пасла летом в поле, предохраняя от всякой возможности заболевания. Мою работу ценят в колхозе—3 раза премировали деньгами, затем—платьем, шалью, радио и другими вещами. И наконец добилась я высшей награды—мою работу оценили партия и правительство, наградив меня орденом Трудового Красного Знамени.

В Москве, на совещании с руководителями партии и правительства, я дала обязательство воспитать в 1936 году, сто пятьдесят телят, недопустив ни одного случая падежа. Я обещала научиться еще лучше работать, овладеть зоотехникой.

И я данное обещание выполняю. Нынче первая группа телят, которую мне поручили, выращена мною без единого случая падежа. С первого октября приступила я к выращиванию второй группы телят. Они у меня остаются на попечении до тех пор, пока не достигают шестимесячного возраста.

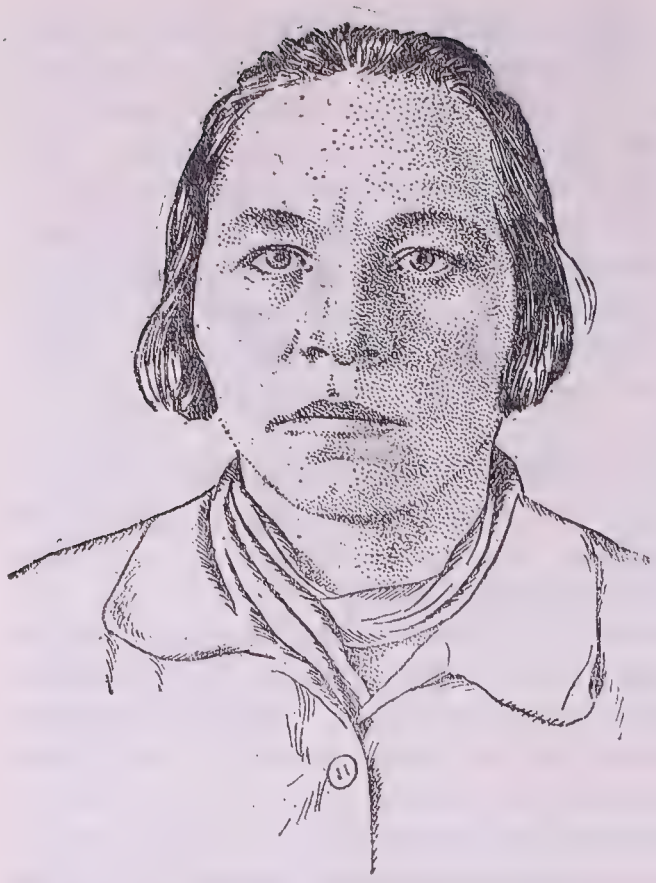
Свой опыт я передаю телятницам других колхозов. После Всесоюзного совещания передовиков животноводства я побывала в восемнадцати колхозах своего района для того, чтоб передать опыт другим телятницам.

Чувствую я себя очень хорошо.

Для меня созданы все условия, чтоб я могла учиться и хорошо работать. Теперь я не сирота, живу не в землянке. Я живу в хорошем, светлом доме, у меня в квартире вся нужная обстановка. Прикрепили ко мне учительницу, чтоб я могла успешно заниматься. Жизнь моя стала действительно радостной. В 1936 году обком комсомола за стахановскую работу посылал меня в санаторий колхозной молодежи в Гурзуф. Впервые я видела море, замечательную крымскую природу. И все это стало возможным благодаря огромной заботе о нас, тружениках, со стороны нашего советского правительства и нашего учителя, отца колхозов товарища Сталина.

Так я живу и работаю, окруженная заботой и вниманием в колхозе имени Ворошилова в Усть-Заостровском сельсовете, что вверх по Иртышу южнее Омска.

Теперь мы хозяева



Елизавета Даниловна СТРУК

Телятница колхоза „Красный хлебороб", Тарского района

РОДИЛАСЬ в глухом урмане. Урманами называются хвойные леса в болотистой местности вниз по Иртышу за старинным городом Тарой.

Отца моего загнала в урман отчаянная нужда. В Могилевской губернии, откуда отец родом, крестьян помещики жали. Вот и переселился отец в Сибирь. Но плохое место для нового жительства указали отцу переселенческие чиновники.

Незадолго до революции отец захотел переселиться из урмана „на степь",—в село Солдатово Тарского района. Это село не на много южнее села Ивановского, где мы жили, но условия природные тут не в пример лучше. Недаром тут землями владели кулаки-богатеи.

Полноправные хозяева села—кулаки Солдатовы, кулак Машинский и вся их шайка встретили отца сурово и недоброжелательно. Принять в жители села отца они сразу не захотели. Отцу пришлось им кланяться чуть не до земли, ставить им вино, упрашивать. Они хотели, чтобы бедняк новосел целовал им руки.

Наконец, разрешили нам богатеи поселиться в Солдатове. Поставил отец худенькую избушку и вселил в нее семью. А семья немалая—10 душ! Самостоятельным хозяйством отцу заняться так и не удалось—пришлось пойти ему в батраки к лавочнику Солдатову. Батрачили и мы, дети. Так длилось до прихода советской власти.

Только при советской власти получили мы землю и возможность трудиться в свою пользу. И когда вступили мы в колхоз, ввели с собою четырех лошадей, трех коров, телочку и бычка. Мы одни из первых вступили в нашу артель „Красный хлебороб". А вслед за нами один за другим вступили в артель пятьдесят семей трудящихся крестьян. Председателем правления был у нас товарищ Марк Лях, бывший батрак. А кулаков Солдатовых в селе и духа не осталось. Не Солдатово стало село, а наше!

Сеяли мы рожь, пшеницу, горох и всякие другие культуры. Завели свиноферму, овцеферму, конеферму и молочно-товарную ферму. Первое время телятник у нас ютился в бывшей кулацкой бане, а потом выстроили неплохой настоящий телятник.

Я пошла работать телятницей с 1931 года. Два года как работаю старшей телятницей. За эти два года я полностью сохранила весь молодняк, который воспитывала—174 теленка. Сохраняя молодняк, мы смогли увеличить поголовье скота на молочно-товарной ферме больше чем в четыре раза. Сначала было у нас на ферме 20 коров, а теперь—86!

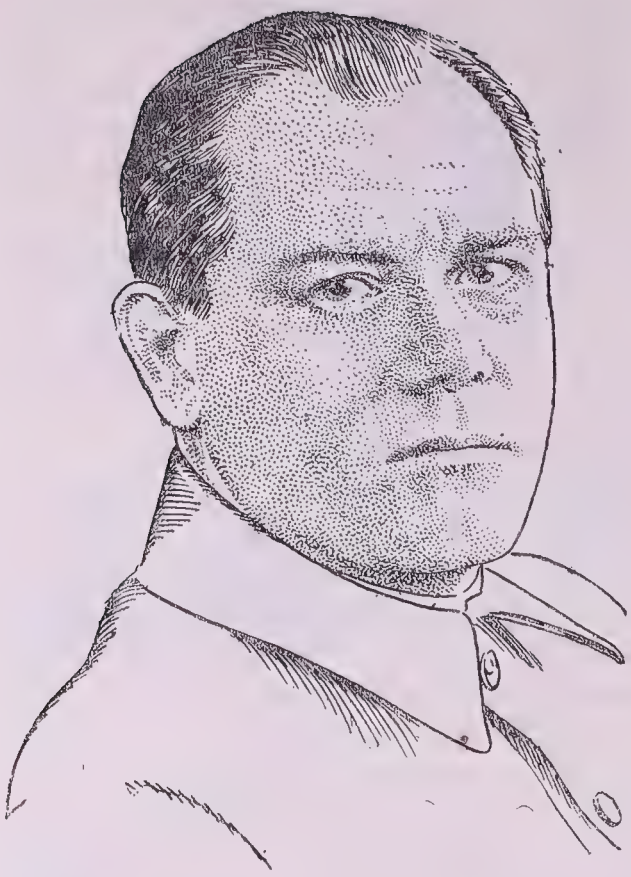
Меня за отличную работу неоднократно премировали. И наконец, послали меня на совещание в Москву.

До тех пор я нигде почти не бывала, кроме полей да урманов. Мало чего я видела в жизни. А тут вдруг столько новых впечатлений. Из Тары до Омска лечу в самолете. Впервые в жизни еду по железной дороге. Да куда еду! В столицу!

Хорошо нас встретила Москва. Хорошо встретили нас, колхозников, вожди партии и члены правительства. Видела я товарища Сталина и его соратников — руководителей нашей партии и правительства. Видела с'ехавшихся со всех сторон нашей необ'ятной родины товарищей по работе—лучших стахановцев социалистического животноводства. А орден Трудового Красного Знамени мне вручил сам Михаил Иванович Калинин.

★ ★ ★

Дело партии



Николай Федорович
КАЛЕНИК

Нач. политотдела Лузинского свиносовхоза, Омского района

СОХУ и деревянную борону имел мой отец, чтобы обрабатывать свой жалкий участок. Имел отец две с половиной десятины земли близь деревни Заполье в Смиловической волости Игуменского уезда Минской губернии. Бедняцкое хозяйство отца составляла одна лошадь, одна корова и одна свинья. А семья у отца была большая—семь человек. Хлеба своего никогда не хватало. И каждый год, закончив полевые работы, отец уходил на зиму раскорчевывать пни для смолярных заводов. На этом деле за зиму прирабатывал отец от десяти до пятнадцати рублей. И, хотя трудился отец круглый год без отдыха и напряженно, все же семье жилось очень плохо! Мясо и белый хлеб появлялись на столе только один раз в год, а именно—на пасху. Да и тут не хватало покушать вдоволь.

В семье я был самый старший. Я родился в 1901 году, а 1912 году, то-есть на одиннадцатом году жизни, я уже вынужден был работать черную тяжелую работу. Я пошел с отцом работать на

смолярно-скипидарный завод Лифшица. Там подростком работал я до 1916 года. Жилось мне очень плохо, я никогда не знал радости. Учиться мне в детстве не дали, говорили: „Грамота нам ни к чему! От нее куска хлеба не получишь!"

В 1916 году перешел я работать на Московско-Белорусско-Балтийскую железную дорогу. Нанялся чернорабочим. Работал сначала на пути, затем—в депо. На транспорте оставался до 1920 года. В 1920 году я вернулся жить в деревню и попал в батраки к кулакам. Батрачил у кулаков неких Малиновских два года.

От доли батрака меня освободила Красная армия. Я пошел в кавалерийскую дивизию, где и служил до 1924 года. А вернувшись из Красной армии, я уже не захотел батрачить, не пошел в кулацкую кабалу. Я поступил снова на транспорт. До 1927 года работал в депо на Московско-Белорусско-Балтийской железной дороге, а затем перевелся в Сибирь. На станции Купино Омской железной дороги работал сначала стрелочником, затем кондуктором, затем—на угольном складе. За эти годы,—годы службы в Красной армии и работы на транспорте—я политически вырос и в том же 1927 году вступил в партию.

С 1928 по 1930 год учился в Омской совпартшколе II-ой ступени. Окончив ее, был послан в Спасский район, где работал зав. культпропотделом райкома ВКП(б) до осени 1932 года. Затем краевой комитет партии командировал меня в институт марксизма и ленинизма на учебу. Проучился год. В мае 1933 года, при организации политотделов, по воле партии был послан на работу в политотдел Лузинского свиносовхоза заместителем начальника политотдела по партийно-массовой работе.

С августа месяца 1934 года работаю начальником политотдела этого же совхоза.

Таков мой культурный и политический рост за годы советской власти. Как видно из этого рассказа,—партия вырастила из забитого, отсталого крестьянина активного борца за дело социализма. За дело партии я отдам всю свою жизнь.

Сын человека, который ковырял землю первобытной деревянной сохой, я стал руководителем политотдела мощного социалистического хозяйства. Работаю я тут с увлечением.

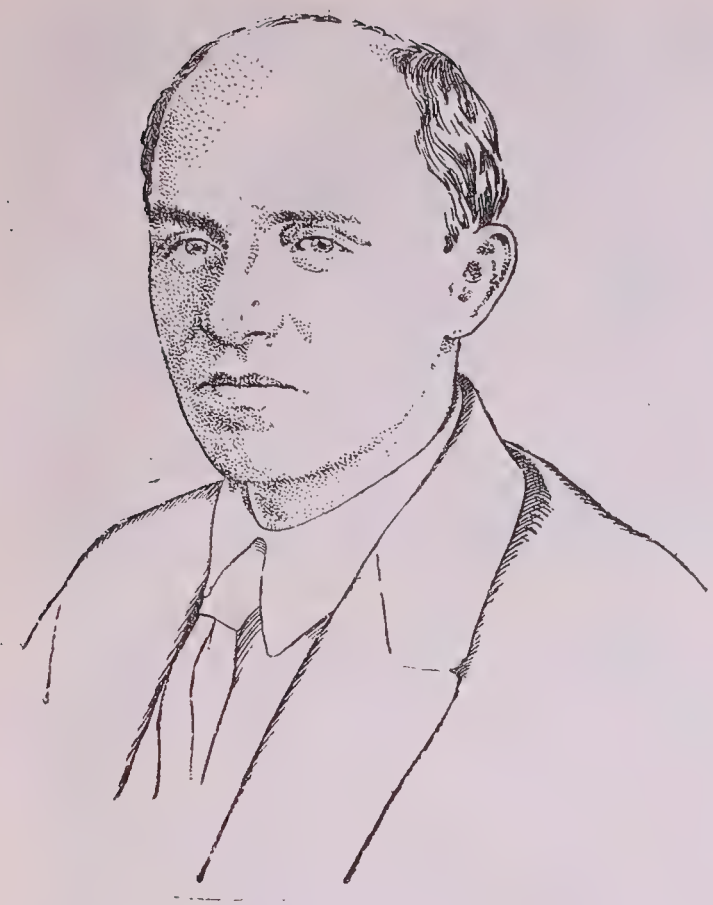
Наш совхоз имел в 1935 году следующие производственные показатели: мы получили на каждую свиноматку по 18,5 голов деловых поросят. Вырастили и сдали государству от каждой основной производящей свиноматки по 67 пудов приплода в живом весе.

Государственный план хлебосдачи мы выполнили на 101 процент. Хлебоуборку и хлебосдачу закончили досрочно,

Организовали учебу. В совхозе было 11 кружков по поднятию квалификации животноводов и трактористов, общеобразовательные кружки, рабочая школа, кружок повышенного типа по изучению истории ВКП(б), две начальных партийных школы, школа для сочувствующих, две школы комсомольского просвещения, политшкола домохозяек.

За успешную работу совхоза в 1935 году я был послан в Москву на всесоюзное совещание стахановцев животноводства. Я получил за свою работу высокую награду от нашего любимого правительства — орден Трудового Красного Знамени.

Мой путь



Михаил Иванович
ЛЮСИН

Директор Лузинского свиносовхоза, Омского района

ПРЕВРАТИТЬ беспородную тарскую и тевризскую свинью в высокопродуктивное высокоценное животное—вот задача Лузинского совхоза. Методы работы—метизация, правильный подбор свиноматок. С нашей задачей мы справляемся.

Я на посту директора совхоза уже пятый год. Если вспомнить былые годы и сравнить их показатели с показателями настоящего времени—так станет видна картина нашего роста. В 1933 году совхоз выращивал на свиноматку по 9 поросят, в 1934 году—по 17 поросят, в 1935 году—по 18,5 поросят. Выращивание молодняка в живом весе выражается в следующих цифрах: 1933 год—34 пуда, 1934 год—56 пудов, 1905 год—67 пудов на каждую свиноматку.

В 1935 году совхоз наш дал 90 000 рублей прибыли. Совхоз вырос в большое, рентабельное государственное хозяйство...

Пять—шесть лет тому назад я вовсе не предполагал, что мне

придется заниматься вопросами метизации тевризских свиней и вообще вопросами животноводства. Я был... плотником на радиозаводе имени Коминтерна в Ленинграде.

Но если уж рассказывать о прошлом, так следует рассказывать с самого начала. Я родился в 1898 году в краю далеком от Сибири, в деревне близ древнего русского города Галича (Ярославская область). Места красивые, исторические, не раз воспетые поэтами, но для бедняков жизнь была там, как и везде, скверная. На десять человек нашей семьи (ребят в семье было восемь) —имелось полторы десятины посева, одна корова и одна лошадь. Хлеба нехватало. И вот мать с детьми работала в хозяйстве, а отец вынужден был прирабатывать деньги на отходном промысле—он почти одиннадцать месяцев в году работал плотником—столяром в Петербурге, а дома бывал самое большое два месяца в году.

Я был старший из детей. Тяжелое материальное положение нашей семьи заставило меня сразу по окончании сельской школы, с 12 лет пойти на самостоятельные заработки. Сначала работал я учеником, а затем плотником-столяром у подрядчика, некоего Пескова. На разных заводах и фабриках проработал до 1917 года. С начала 1917 года я работал плотником на Шлиссельбургском пороховом заводе. Я участвовал в февральской и Великой Октябрьской революциях. В феврале 1918 года пошел в Красную армию. В 1919 году кончил костромские курсы красных командиров. Я участвовал затем в боях против Юденича, Врангеля, Деникина, боролся в Грузии с меньшевиками, в Туркестане—с басмачами. На фронтах революции был три раза ранен и один раз контужен. В рядах Красной армии оставался до декабря 1927 года. Демобилизовавшись, до 1930 года работал в Ленинграде в качестве плотника на радиозаводе. Там и вступил в партию летом 1929 года. С этого завода и был послан в 1930 году, как 25-ти тысячник, на колхозную работу. Приехав в Сибирь, работал до декабря 1931 года в Исилькульском районе, сначала председателем правления колхоза, затем заведующим райзо. И, наконец, с ноября 1931 года я стал работать директором совхоза.

Вот, кратко, тот путь, который я прошел по воле Великой Октябрьской революции.

Стремлюсь работать как можно лучше. Учусь сам—в 1935 году сдал техминимум для директоров совхозов на „отлично". Учу

работать других. Наш совхоз дает стране не только свиное мясо и денежную прибыль. В совхозе, как в некоем полевом учебном заведении мы готовим новые кадры работников социалистического сельского хозяйства. За пять лет подготовлено и выдвинуто на руководящую работу более тридцати человек, в том числе подготовлено пять директоров животноводческих совхозов, четыре управляющих животноводческими фермами колхозов. В совхозе систематически работают одиннадцать технических кружков.

Громадную помощь в деле укрепления и развития нашего хозяйства,—оказал, само собой разумеется, политотдел. Орден Ленина получил за работу 1933 года бывший начальник политотдела совхоза тов. Судаков. Теперь, как и я, как и наша лучшая свинарка тов. Сазонова, награжден орденом Трудового Красного Знамени начальник политотдела тов. Каленик.

Я был награжден и раньше. Получил две денежные премии, получал путевку на курорт, именные часы.

Теперь я заслужил самую высокую, почетную награду нашей партии и правительства—орден Трудового Красного Знамени.

С новыми силами будем работать дальше. Систематически работаю над собой, повышаю свой технический и свой культурный уровень.

Вырастила меня наша коммунистическая партия. Высокие показатели нашего свиносовхоза являются одной из многих побед, которые одержала наша страна под руководстом мудрого вождя народа товарища Сталина.

За дело Ленина—Сталина я готов отдать все свои силы, знания, всю свою жизнь.

Меня называли инородцем

Петр Васильевич
ТУГУШЕВ

Чабан Москаленского племенного овцеводческого совхоза, Москаленского района

В ЦАРСКОЙ России я называлася инородцем. Я, Тугушев Петр Васильевич, по национальности мордвин. Родился в 1889 году в семье бедняка крестьянина. Избушка моего отца стояла в селе Нороватово Теньгушской волости Темниковского уезда Тамбовской губернии. Имел отец одну лошадь, одну корову и одну соху. Доходов от сельского хозяйства не хватало и отец уходил на сезонные работы в город.

Когда исполнилось мне двенадцать лет—отец отдал меня на Дон, в батраки к помещику Королеву пасти овец. Сначала я полтора года работал арбичом, после этого стал работать подпаском третьей руки. Кормил меня помещик только крупой да черным хлебом. Часто бил. Однажды избил так, что я ушел,—перешел на работу к другому помещику Сопрунтаку.

Жил у помещиков до 1907 года, пока мне не исполнилось 18 лет. После этого вернулся в родное село Нороватово, женил-

ся. Но заняться самостоятельным хозяйством не удалось—в том же году вместе с женой опять ушел к помещику в пастухи. И батрачил 5 лет до 1912 года.

★

Тут взяли меня в царскую армию. Попал в Киев, в пехотный полк. Мне, неграмотному мордвину, служить было тяжело. С такими, как я, с „инородцами" в царской армии обращались особенно грубо. В 1913 году во время занятий гимнастикой я вывихнул ногу, два месяца лежал в лазарете. После этого отпустили меня на четыре месяца домой. Приехал на родину. Семья живет плохо. Испытывает сильную нужду. Нерадостный вышел отпуск. Осенью вернулся в свою часть. Медицинская комиссия признала меня негодным к строевой службе, послали меня работать санитаром. Так санитаром я и прослужил в полковом околотке вплоть до 1917 года.

В конце 1917 года вернулся домой. Вижу—хлеба нет, хозяйство бедное. Решил, что оставаться на родине нет смысла, нет расчета. Оставив временно семью в деревне Нороватово, сам двинулся в далекий путь, в Сибирь. Сам твердо не знал, зачем еду. Ехал на заработки, а может быть и на постоянное жительство...

★

Прибыл в Исилькуль. А вскоре после приезда уехать обратно домой оказалось уже невозможно. Началась война. Образовался фронт. В Сибири засел Колчак.

Работал я чабаном у помещика Острянина вблизи города Петропавловска. Худо жилось. Помещик платил мне по 28 рублей в месяц керенскими деньгами. Этих денег нехватало и одеться. А потом помещик стал платить совсем никудышными колчаковскими деньгами. Одна была выгода—от помещика сначала в армию не брали. Но в 1919 году помещик послал меня вместе с другими батраками в колчаковскую армию. От призыва в армию Колчака я отклонился—сбежал от самого помещика и так стал дезертиром армии Колчака. Целый год до прихода Красной армии пришлось скитаться по деревням, где работать, а где нищенствовать...

★

После того, как в эту местность пришла Красная армия и колчаковцев прогнали, я в 1920 году сразу поехал на свою ро-

дину, в Тамбовскую губернию. Забрал семью и—назад в Сибирь. Теперь уж я знал наверняка зачем еду. На земле, которая прежде принадлежала помещику, мы с односельчанами создали свой советской поселок. Благодаря помощи советской власти заимел я тут свое хозяйство—построил землянку, купил лошадь, корову.

Так я жил до 1929 года.

В 1929 году в нашей деревне организовался колхоз, и я вошел в этот колхоз. Но в 1931 году, по случаю неурожая хлеба в этой местности, я из колхоза вышел и поехал наниматься работать в какой-либо совхоз.

*

Овец я люблю. С детства я полюбил овец. За три десятка лет хорошо я научился ухаживать за овцой. И поэтому я с радостью поступил работать старшим чабаном на первую ферму Москаленского племенного овцеводческого совхоза.

Я принял отару самых лучших элитных маток. Показателей работы первого года я уж точно не помню. А вот про 1932 год сведения имеются. В том году по своему совхозу отход молодняка был сорок процентов, а у меня в отаре только шесть процентов. Деловой выход ягнят к отбивке был в 1933 году по совхозу только 75 процентов, а в моей отаре—отаре Тугушева—111 процентов. Деловой выход ягнят в 1934 году был по совхозу 92 процента, а в отаре Тугушева—124 процента. Деловой выход ягнят в 1935 году был по совхозу 108 процентов, а в отаре Тугушева—128 процентов.

Скажу еще кое о чем.

Искусственное осеменение маток введено было у нас в совхозе в 1933 году. У некоторых чабанов было недоверие к этому делу. Я взялся за дело охотно. Элитные матки „прекос" моей отары, искусственно осемененные семенем лучших баранов, дают прекрасный молодняк. Если в 1935 году средний по совхозу вес новорожденных ягнят был 3,8 килограмма, так у меня в отаре новорожденные ягнята имели средний вес 4,5 килограмма.

Воспитываю рекордистов-производителей. Баран № 01 в годичном возрасте весил у меня 99 килограммов, имел настриг шерсти 8,6 килограмма. Баран № 626 при живом весе 104 килограмма имел настриг шерсти 9,4 килограмма.

Средний настриг шерсти от моих овец составлял в 1933 году 4,14 килограмма с головы. В 1934 году—4,54 килограмма с головы. В 1935 году произошло уменьшение и я об'ясню почему.

В этом году произвел я ввиде опыта острижку 70 овец зимой после зимнего окота в феврале месяце. Это и есть причина снижения. Но стрижка зимой дала очень хорошие результаты в другом отношении: стриженные зимой матки прекрасно чувствовали себя в кошарах, где поддерживалась высокая, необходимая для ягнят температура в 13—15 градусов. Эти стриженые матки оказались более молочны. А нестриженным маткам было жарко, душно в теплых кошарах. К первым, еще холодным дням выпасов—в конце апреля и начале мая—шерсть на стриженых матках подросла.

Начальник политотдела тов. Наумов про меня однажды сказал, что я искатель, я ищу новых способов ухода за скотом, чтобы добиваться еще большей пользы для дела.

Под моим руководством проводит теперь наш совхоз опыт уплотненного окота овец, чтобы окот проходил не один раз, а три раза в два года. Нынче мы проводим это впервые. В Сибири это сделать не легко—злые тут морозы! Но вот окот был в декабре месяце, ягнята все выжили и даже к отбивке, к 20 апреля,—когда я уже два месяца по болезни не работал,—отход молодняка моей отары составлял только два с половиной процента. Уплотненный окот вполне возможен и в Сибири. Надо только правильно рассчитать все периоды работы и после отбивки ягнят в более короткий срок дать нагул маткам к случке.

★

Так я работаю, проявляя свою инициативу, выполняю советы специалистов. Знаний у меня все-же еще недостаточно, недостаточно я грамотен. Но очень я люблю свое дело и это помогает мне приобретать все новые и новые знания, добиваться новых успехов. А овцы меня любят. Когда увидят меня овцы или услышат мой зов, так сразу все ко мне оборачиваются. Когда веду отару в поле, сам—впереди. А стоит мне остановиться, как останавливается вся отара.

Знают меня овцы, знаю и я их.

Свои знанья, свой опыт передаю другим чабанам. Воспитал двух старших чабанов, Федорова и Грибкова, тоже хороших стахановцев. Не хочет отставать от меня в работе чабан тов. Шульгин.

А нам всем помогают зоотехники, работники политотдела, директор совхоза.

★

Правительство наградило меня высокой наградой—орденом Трудового Красного Знамени.

Меня называют передовым человеком, достойным сыном родины, непартийным большевиком. Постараюсь целиком оправдать эти похвалы. Буду бороться за дальнейшее развитие стахановского движения в нашем совхозе.

А живем в совхозе хорошо. Семья наша большая—девять человек: сам, жена, сестра, шесть ребят. Четверо ребят учатся, остальные малы еще. Квартира хорошая. О такой жизни, я бедняк-мордвин, раньше и не думал.

Жить стало лучше, жить стало веселей

Матрена Филипповна
САЗОНОВА

Свинарка Лузинского свиносовхоза, Омского района

ДОЛГО не могла наладиться моя жизнь. В детстве не знала я ни радости, ни ласки. Отец из-за бедности и от горя часто пьянствовал, приходя домой, ругался и дрался. Хозяйство он имел ничтожное—одну корову, одну лошадь, две десятины земли. А семья была в пять человек. Доходов от хозяйства хватало семье только до декабря, а затем приходилось итти батрачить к кулакам. Он работал за бесценок, тратил все свои силы, чтобы принести пуд хлеба для пропитанья семьи. И от этого сознания своей беспомощности, отец мой часто пропивал последние гроши.

Учиться в детстве мне не пришлось. И материальной возможности к этому не было, да и мать говорила: „от грамоты сыты не будем!“

Так мы и жили голодной, невеселою жизнью в селе Архан-

гельском, Пресновского района нынешней Петропавловской области.

Отец в 1921 году умер. Жить стало еще труднее. Мне было только одиннадцать лет, но вскоре пришлось итти работать по найму, чтобы хоть сколько-нибудь помочь матери. Несмелая, робкая я была. Первое время даже не договаривалась с кулаками-работодателями об оплате труда. И бывали при поденной работе такие случаи: поработаешь, а кулак вынесет кусок хлеба и скажет:

— Вот тебе, милая!

А бывало даже и так: кулак вместо того, чтоб заплатить, скажет:

— Спасибо, Матреша!

И идешь домой голодная, утешаясь лишь тем, что может быть в следующий раз кулак смилуется, заплатит за труд.

Я батрачила до 1928 года, пока не вышла замуж за такого же крестьянина-бедняка. Работали мы в своем хозяйстве до 1931 года, но жизнь крестьян единоличников не сладка, дело ладилось плохо и мы с мужем пошли на отходный промысел—поступили в Лузинский свиносовхоз.

Теперь очень сильно изменилась наша судьба. Прежде, сколько я ни трудилась, а все пропадало зря, все не могла добиться сносной жизни. А в нашем совхозе труд человеческий ценится, он не пропадает даром. Я узнала культурную веселую жизнь. Я поняла, что быть неграмотной плохо, скучно, я получила возможность учиться и стала учиться грамоте. Обзавелись мы коровой, свиньей. Работая свинаркой, я зарабатываю до 250 рублей в месяц, да муж, работая бригадиром-свинарем, зарабатывает до 350 рублей. В целом, получается немало. Словом, о нашей жизни могу смело сказать словами любимого вождя, учителя и отца Иосифа Виссарионовича Сталина, что жить стало лучше и веселее.

При таких условиях и работа спорится. Я добилась высоких производственных показателей: выхода поросят на 1 матку—20 голов, сдачи живого веса от каждой свиноматки—76 пудов мяса. При от'еме поросят в двухмесячном возрасте их вес равняется в среднем 14,5 килограмма вместо плановых 10 килограммов. При передаче поросят на откорм в 4-х месячном возрасте они имеют средний вес 34 килограмма вместо плановых 25 килограммов.

За эти показатели, за свою работу я и получила высокую награду от нашего родного правительства и от партии—орден Трудового Красного Знамени.

О себе, своих учителях и помощниках

Константин Иванович ПАТРОНОВ

Зоотехник, зав. Крутинского райзо

До пятнадцатилетнего возраста не носил я никакой другой одежды, кроме грубой домотканной „лопати". С завистью смотрел я на прилично одетых горожан города Кадникова, близ которого мы жили.

Хозяйство отца было бедняцкое! Одна корова да одна лошадь. А в избе—восемь человек. Семья жила впроголодь.

Моя родина—Северный край. Город Кадников. Это в бывшей Вологодской губернии. Родился я в 1902 году. Учиться начал в приходской школе. Тяга к учебе была большая, учился с радостью. Но из четвертого класса меня исключили. Исключили за то, что я ударил инспектора. Инспектор бил указкой меня по голове, я решил защищаться... Как я боялся итти домой и рассказать отцу, что исключен из школы! Было очень тяжело сознавать, что отец и старший брат выбиваются из сил, работая, чтоб я мог учиться, мечтают, что я „выйду в люди", а я... исключен. Однако отец, узнав о причине исключения из школы, меня

даже не наказал. На следующий год меня снова приняли в школу.

Началась империалистическая война. В 1915 году отца забрали в армию, старший брат ушел работать на фабрику, а я остался в хозяйстве за старшего. Трудно пришлось мне—управляться с хозяйством, кормить семью в шесть человек. Но все же я не переставал учиться.

После Октябрьской революции отец возратился с фронта, а я, освобожденный от хозяйственных забот, сразу же пошел учиться на курсы, после был сам преподавателем и затем окончил животноводческий техникум. Сколько было радости у меня и у отца, я что стал специалистом! Это стало возможным только после великой Октябрьской революции. Если бы ее не случилось, едва-ли удалось бы мне учиться дальше.

Я покинул свою родину, Северный край, и приехал в Сибирь. Работая в Таре, я выписал к себе младшего брата. Был он в учениках у сапожника. Подготовил брата в Таре для поступления в Омский зоотехникум. Брат кончил техникум, работает теперь в МТС.

Затем работал я зоотехником на Алтае. Принимал участие в общественной жизни. Тут на меня обратил внимание секретарь Алтайского райкома партии тов. Марсаков. По рекомендации тов. Марсакова приняли меня в ряды ВКП(б). Это был радостный день в моей жизни.

С 1931 года работал в Крутинском районе бессменно зоотехником. Тут, за активную работу по развитию социалистического животноводства, семь раз премирован и выдвинут на пост зав. райзо.

Работая, я обдумал проект постройки силосной башни из местных материалов. Некоторые техники-строители сомневались в целесообразности моей конструкции. Но, несмотря на протесты этих товарищей, я в 1932 году построил одну такую башню (вместимостью в сто тонн). Теперь в районе уже 121 такая башня. Они признаны очень дешевыми и удобными.

В 1933 году задумал я, чтоб в колхозах района строились кирпичные скотные дворы. Одобривши мою инициативу, колхозники начали зимнюю выработку кирпича. При постройке первого кирпичного скотного двора, помню, было много хлопот, а в те времена работать было труднее—то нет цемента, то извести нехватает... Но мы все препятствия преодолели и построи-

ли первый кирпичный скотный двор в колхозе „Красный пахарь". Сейчас дело развернуто во всю ширь, колхозы строят прочные скотные дворы, лучше всяких заграничных. Сейчас уже 25 колхозов вырабатывают кирпич для животноводческих и других колхозных построек.

В 1934 году, после XVII с'езда нашей партии, я был послан в самый прорывной куст колхозов района, кустовым зоотехником. Обслуживая этот куст в 20 колхозов, я за год работы помог колтутхозам превратиться в самые передовые в районе. Отход телят был 26 проц, а через год снизился до 6 проц. Приблизительно такого же снижения процента отхода добились и по ягнятам.

Побед я добился, само собой разумеется, не единолично, но с помощью широкой общественности, с помощью парторганизаций, выполняя указания товарища Сталина. Свою работу я начал через животноводческие секции советов и депутатские группы. Развернули соревнование, стали отличать лучших людей, их ростить и учить. И действительно, выросли хорошие кадры. Те, кого мы учили, теперь самостоятельно энергично работают и дают прекрасные показатели.

Много помог мне в работе райком партии. Хорошо помогла районная газета. Появлялись статьи лучших ударников животноводства, печатались мои статьи.

Наш Крутинский район долго был очень неблагополучен по сохранению молодняка. Падеж телят в летние месяцы доходил до 50 процентов и никак мы не могли выправить этого дела. Телятники были плохие. Тогда я придумал такой выход из положения: построить легкие летние телятники, чтоб была возможность летом ремонтировать и подготовлять зимние телятники. Построили несколько таких летних легких телятников. Эффект получился хороший. Сейчас все колхозы имеют такие летние телятники. Последние годы—1934 и 1935—падеж телят резко сократился.

Так я работал. За работу награжден партией и правительством орденом Трудового Красного Знамени. Был в Москве на всесоюзном совещании передовиков социалистического животноводства. Видел на этом совещании членов правительства, видел вождя народов товарища Сталина. Никогда не забуду той внимательной заботы и той простоты, с какой относился к нам, передовикам социалистического животноводства, товарищ Сталин.

★ ★ ★

Совхоз стал родным

Мария Николаевна
РАЙТОВИЧ

Доярка совхоза № 249, Большереченского района

НАЧНУ хотя бы с того, как мы переселялись из Сибири в... Крым.

Это было в 1931 году. Отец мой, крестьянин-середняк, распродал свое имущество. Он решил, что не останется в Большереченском районе. Возник в наших местах совхоз. Не пожелал отец оставаться работать в совхозе. Не захотел он и вступить в колхоз, как это делали многие. Задумал уехать вовсе.

В нашей деревне было семь хозяев, имевших такое же мнение, как отец.

— Ехать, сказали, так уж ехать! В самую теплую, роскошную местность!

Так и отправились мы в дальний путь на поиски счастья...

Приехали в город Феодосию. К самому морю. Нанялись работать на виноградниках. Пошла копать сады и я—мне уж тринадцать лет тогда исполнилось, работать могла.

Но вот сезон кончился и остались мы без дела. Семья большая—восемь человек. Что предпринять, чем кормиться? Отца пригласили в колхоз, работать плотником, но он не пошел. Не по душе ему были колхозы, шел он против общего течения жизни.

Сошлись семь большереченских хозяев на совещание. Все в одном положении оказались—без работы. Что делать? Решили, покинув Крым, отправиться на дальнейшие поиски счастья. Куда ехать? Вспомнили старую родину отца—Белоруссию. Ведь наши отцы в Сибирь переселились когда-то из Белоруссии. Решили ехать пытать счастья в родные края.

Шесть семей отправились в Смоленскую губернию, а мы в Могилевскую.

Прибыли. Весной поступили на торфоразработки. А к зиме снова остались без дела.

Не пора ли обратно в Сибирь?

Подумали и решили, что ничего другого не придумаешь.

Так и вернулись мы в Большеречье. Одну семью где-то по дороге потеряли, а остальные шесть семей в целости вернулись в Новотроицкое и поступили работать в совхоз. Отец и до сих пор плотничает на хозяйственном дворе совхоза. Бочки делает, чаны,—словом все, что ему поручат. Получает оклад по первой категории. Жизнью доволен. Странствовать больше не собирается.

Вместе с отцом начала работать в совхозе и я.

★

Сначала случались у меня недоразумения с администрацией. Однажды я даже бросила работать. Вышел этот конфликт из-за „сымороти". Так у нас в деревне называли сыромятную кожу. У меня пимы износились. Я и попросила „сымороть" для подшивки пимов. А мне не дали.

Я рассердилась, что „сымороти" мне не дают и не вышла на работу. За это меня не похвалили. Я совсем уволилась.

Потом снова пошла работать. Сама стала серьезнее. И дальнейшей своей работой доказала, что мне дороги интересы нашего социалистического хозяйства.

Научилась ухаживать за коровами так, как этого требует зоотехника. С четырех часов утра я на скотном дворе. Как приду,—все приготовлю, обмою и оботру чистым полотенцем вымя у коров. Потом начинаю доить. На дойку коров у меня уходит

времени один час. После дойки задаю сена, а потом пою коров отстойной теплой водой, заготовленной с вечера.

Так вот и ухаживала за своими коровами. Полюбила их. Изучила особенности характера, привычки каждой коровы.

★

Я добилась от своих непородных коров, обыкновенных сибирок, высшего удоя по совхозу. Получила в 1935 году я по 2650 литров молока на корову.

Можно было бы добиться и большего. Но было много затруднений. Не всегда выдерживался кормовой рацион. Многие коровы были недостаточно раздоены. Надо было бы доить коров по четыре раза в день, а мне удавалось доить лишь по три раза. Приходилось из-за недостатка в совхозе доярок тратить время на дойку чужих коров.

Вообще, в 1935 году у нас в совхозе много еще было неполадок. А главное, что мешало правильно наладить работу—это текучесть рабочей силы, недостаток рабочих.

Нынче администрация совхоза обещает не повторять ошибок прошлых лет—обеспечить скот полностью кормами, позаботиться о закреплении доярок, чтобы они не уходили на зиму с работы, как раньше. Надо уметь заинтересовать женщин. Надо сделать так, чтобы, работая, они чувствовали себя лучше, чем сидя зиму дома на иждивении мужей. Есть, например, в нашем совхозе много казашек. Они хорошие, умелые доярки, но к зиме мало кто из них оставался на ферме. А было бы очень ценно убедить их работать и зимой.

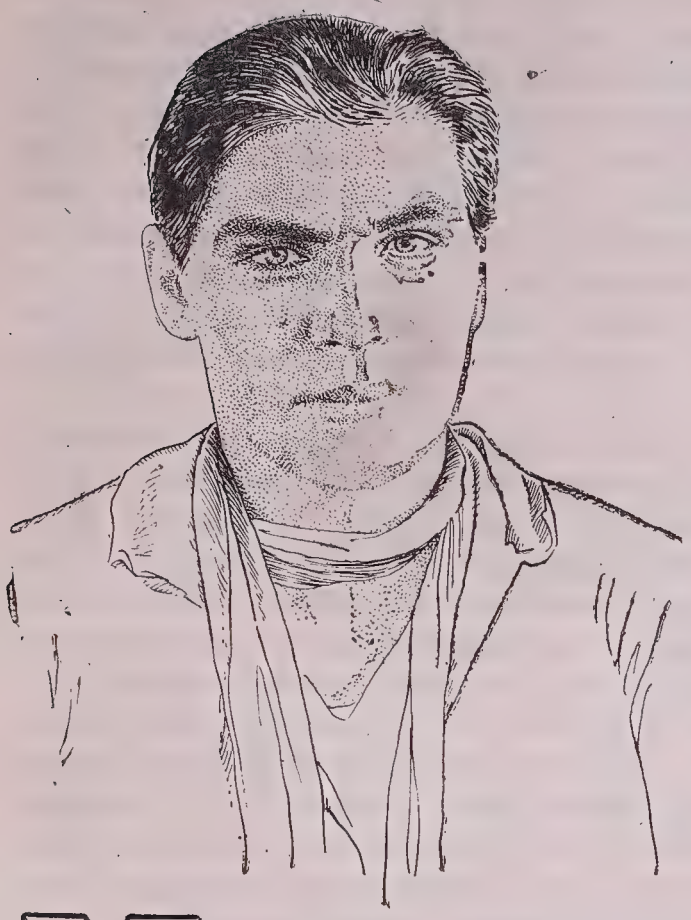
★

Поездку в Москву на совещание передовиков животноводства я считаю самым счастливым и прекрасным событием в моей жизни. Никогда не забуду как на трибуне появился товарищ Сталин... Орден „Знак почета“ прикреплял мне сам Михаил Иванович Калинин. Я была так рада!

Вернулась я в совхоз полной желания работать по-стахановски, показать пример другим, передавать другим свой опыт, учиться зоотехнике.

Я вступила в комсомол. Вслед за мной-по моему примеру, вступили в комсомол еще 7 человек молодежи с нашей фермы.

★ ★
★



О чем раньше и не мечталось

Оттолия Людвиговна СТЕФАН

Доярка колхоза „Форвертс", Азовского района

МОЯ фамилия Стефан. Звать меня Оттолия Людвиговна. Мне трудно по-русски рассказывать, я плохо владею русским языком. Я—немка, хотя никогда не бывала в Германии. Из Германии в Россию когда-то очень давно переселились наши предки. Когда это было, при каком царе или царице,—я не знаю. В старой России, в Российской империи большинство крестьян как русских, так и немецких и других наций были неграмотные, темные, бедные. Только кулаки-богатеи имели возможность учить детей. А мы, бедняки, ничего не знали и мы забыли свою родословную.

Я родилась в деревне, где-то на реке Волге, в России. Название деревни я не помню, я была маленькой, когда мы оттуда уехали. На Волге много немцев таких, как мы—выходцев из Германии. Теперь на Волге автономная немецкая республика и живут советские немцы хорошо. Но прежде, во времена моего детства, там хорошо жилось только кулакам да помещикам. А бед-

нота немецкая, как и беднота русская, жила плохо. Бедняки немецкие, как и бедняки русские, работали на помещиков, на кулаков. Было бы хорошо жить, так мой отец, крестьянин-бедняк, не поехал бы с Волги переселенцем в Сибирь. Нужда погнала нашу семью в суровый край, вниз по Иртышу за город Тару. Однако и тут, когда мы приехали в 1908 году, лучшие места были заняты кулаками. Мой отец пошел батрачить. Он ухаживал за кулацким скотом, работал пильщиком, строил кулакам новые дома из тарского соснового леса. Я с 12 лет работала у кулаков, нянчила их детей, получая за это не больше, чем 10—11 рублей в год.

В 1915 году, когда мне исполнилось 19 лет, я вышла замуж за Федора Стефан. Мы начали хозяйничать. Мужу его родители дали корову, мне мои родители дали тоже корову. Стали мы жить. Но в 1917 году ударил летом мороз и в краях близ Тары не было урожая. Хозяйство наше было слабое, запасов мы не имели, нам грозил голод. Тогда мы ликвидировали хозяйство и поехали прочь из урмана в более теплый край южнее города Омска. Мы поселились в Азовском районе, в деревне Трубецкое, где жили немцы. Муж поступил служить лесником и работал так до 1930 года. Я жила при муже. Жизнь шла помаленьку. Жили лучше, чем до революции, но ничего особенного не случилось. Я была занята домашним хозяйством. Рождались дети. Их у меня пять.

Я никогда не думала, что придет время, стану знатным человеком, получу орден от правительства. Но вот настал 1930 год. В этот год наша жизнь очень изменилась. Кулаки бежали кто куда, оставив свои дома. Трудящиеся крестьяне-немцы организовали колхоз, дав ему имя „Форвертс". Мы с мужем вошли в этот колхоз и оба стали работать на молочно-товарной ферме. Ухаживала я за коровами, выпаивала телят. Я работала усердно, относилась к скоту любовно. Я не заслуживала выговоров. Еще неграмотная, я стремилась знать, как надо по правилам ухаживать за скотом, знать зоотехнику. В свободное время муж брал книгу, журнал, газету и читал мне вслух. Мы приобретали знания. Потом я училась на курсах зоотехники. И вот, за три года не было ни одного случая, чтобы теленок, которого я воспитывала, умер. Мои коровы дают все больше и больше молока. В 1934 году средний удой на корову равнялся 1500 литров, в 1935 году—2500 литров. Рекордистки „Штерн" и „Роза" дали по 3600 литров в год.

Я вызывала на соревнование других доярок, я дала пример ударного труда.

Я заботилась о том, чтобы правление колхоза обеспечивало скот кормами. Чтобы досыта ели наши коровы мы, доярки, сами садили морковь, бураки и другие овощи, нужные для коров. Доярки засеяли 4 гектара сверх плана. А затем правление колхоза увеличило план посева этих культур.

Так я работала. И за это меня наградили орденом „Знак почета". Меня наградило правительство. Пригласили в Москву на совещание и там вручили орден.

В Москве, да не только в Москве, а даже и в Омске, я была первый раз. Я до 1935 года не видела больших городов.

Теперь моя жизнь хороша. Несколько лет уже живем в полном достатке. В 1934 году я заработала 500 трудодней, да муж 400 трудодней. Имеем корову, двух бычков, овечек, свиней. Часть этого скота—мои премии от колхоза. Колхоз дал нам хороший дом, прежде принадлежавший кулаку Валь.

Пять детей моих растут беззаботно. Эрине — 5 лет, Лене—6 лет, Лео — 7 лет, Ионату — 11 лет, а старшей дочери Валентине уже 13 лет. Она пионерка, школьница. А вместе с ней учусь и я, ее мама. Учусь грамоте, учусь зоотехнике. Колхоз наш большой, хороший. В нем двести хозяйств. Много зелени, фруктовые деревья. Целый фруктовый сад.

Я вступила в группу сочувствующих партии. Хочу вступить в партию. Вступил вместе со мной в группу сочувствующих и мой муж Федор Стефан.

Колхозы, организованные под руководством товарища Сталина, дали нам радостную, зажиточную жизнь. Через колхоз я стала грамотной, семья моя стала зажиточной, колхозная жизнь дала нам счастливую жизнь, о которой раньше мы и не мечтали.

★ ★
★

На ферме и в совете

Татьяна Ефимовна ВАГАНОВА

Телятница колхоза имени Эйхе, Крутинского района

Мы—коренные сибиряки, жители старого села Матарова, что стоит у истоков реки Ир на севере Крутинского района. Это—свыше ста километров от ближайшей железнодорожной станции и километров двести пятьдесят от областного центра—города Омска.

Отец мой—крестьянин-бедняк, имел одну лошадь и одну корову. А семья состояла из одиннадцати человек. Девять ребят было. Впрочем, шесть из них умерли. Тяжелая была жизнь.

В школу я не ходила. Нянчила младших ребят, потом работала в людях. Когда вступила в колхоз в 1931 году, не знала ни одной буквы. А было мне уж 20 лет.

Первое время я работала на полевых работах. Затем перешла на ферму. Год проработала дояркой, а следующие четыре года—пояркой.

Наградили меня орденом „Знак почета" за то, что я за четыре года своей работы выпоила 270 телят, не допустив ни одно-

го случая падежа, и добилась высоких показателей прироста—по 720 граммов в сутки на теленка. Такой прирост давали у меня 27 телят метисов краснонемецкой породы, которых я взяла под особое наблюдение, когда стала стахановкой.

Прежде, до меня, поярки у нас часто менялись, тщательного ухода за телятами не было, у работников нехватало знаний. Я же работала постоянно. Ликвидировала свою неграмотность. Изучила зоотехнику, сдала техэкзамен на „отлично". Вот это и помогло делу.

Сначала я работала одна, но вот уже второй год имею хорошую помощницу—поярку Евдокию Евсеевну Еремину. Она, Евдокия Евсеевна, также без единого случая падежа выпоила уже 120 телят. Очень хорошая, старательная женщина, жена нашего санитара Павла Гавриловича.

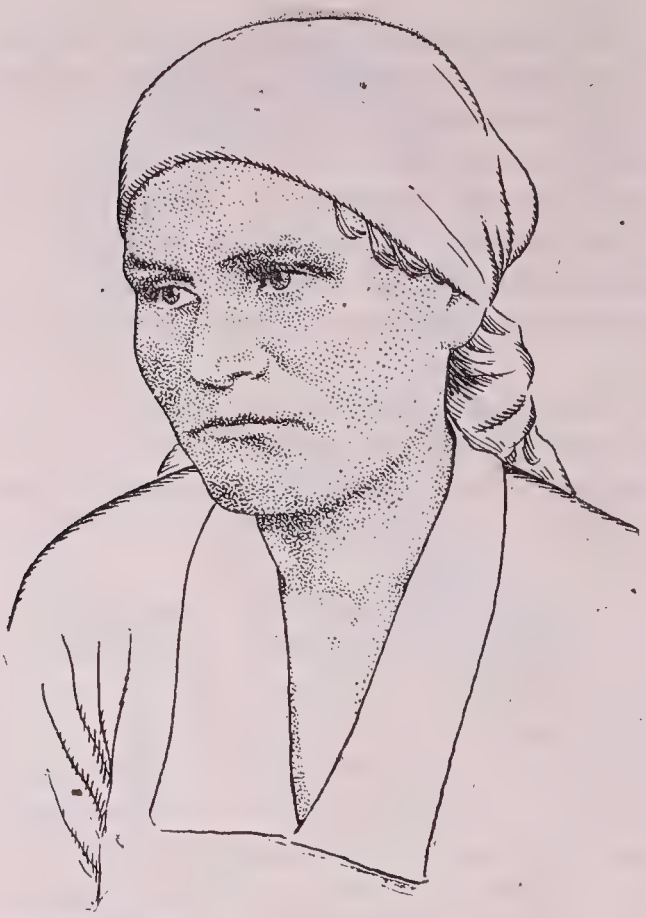
Меня колхоз премировал за работу 18 раз. Работоспособность у меня есть. В прошлом году хоть четыре месяца я болела, а все же сумела заработать 498 трудодней. Так что мы с мужем (он кладовщик в нашем колхозе) живем очень неплохо.

Нахожу я время и для общественной жизни. Еще три года назад выбрали меня членом нашего Толоконцевского сельсовета и членом райисполкома. Успеваю побывать на каждом заседании, совещании. Участвую во всевозможных общественных делах. Состою в депутатской группе колхоза. Забот много. Посмотришь кругом—наши усилия не пропадают даром. Живется людям лучше, веселей. И окрестность изменяем так, как нам нравится. Над рекой Ир—новая мельница, на улицах колхоза в этом году посажены деревья, за деревней, по совету райзо,—разбили мы фруктовый сад. Скоро будут свои яблоки у колхозников колхоза имени Эйхе.

Спасибо товарищу Сталину за счастливую колхозную жизнь! Не было бы советской власти—маялись бы мы, крестьянки, всю жизнь в темноте. Только в колхозе женщина-крестьянка вышла на светлую дорогу и имеет все условия жить и работать на равных правах с мужчиной. Правильно сказал товарищ Сталин, что „женщины в колхозах—большая сила". Призываю всех женщин-колхозниц оправдать на деле эти слова великого Сталина.

★ ★
★

Широкая дорога



Домна Ануфриевна БАЖИНА

Телятница колхоза им. Розы Люксембург, Крутинского района

МНЕ сорок три года.

Родилась я в селе Коневом нынешнего Крутинского района. Отец—крестьянин-бедняк—умер, когда мне было только полтора года. С девяти лет я пошла работать по найму. До пятнадцати лет работала нянькой, а следующие пять лет была стряпухой у попа. Когда исполнилось мне 20 лет, вышла я замуж за крестьянина Бажина, Михаила Ивановича. Жили мы с Михаилом Ивановичем семь лет. Родились у меня двое детей—дочь Мария и сын Иван.

В 1919 году Колчак забрал мужа моего в белую армию. Погнали Михаила Ивановича в Омск, в казарму. И вернулся муж лишь зимой, когда пришла Красная армия. Пришел Михаил Иванович больной. Свалился и больше не встал. Умер от тифа.

Теперь у меня второй муж. Во время германской войны пригнали к нам в Крутую пленных австрийцев и мадьяр. Отдавали их кулакам на работу, чтобы пленные на кулаков батрачили.

Среди других пленных был и Осип Балый. Он долго жил в работниках у одного кулака. Осип Степанович о сельском хозяйстве понятие имел хорошее—и у себя на родине, в Венгрии, он тоже был батраком.

После смерти Михаила Ивановича я вышла замуж за Осипа Степановича. Он к тому времени уж и по-русски говорить научился. А как стал моим мужем, так и свою фамилию на русский лад переделал, вернее—мою фамилию принял. Словом, из Балыя превратился в Бажина.

В 1929 году вступили мы в колхоз имени Розы Люксембург. Как я, так и муж, оба работали по животноводству. Он теперь бригадир. А я работаю пояркой. За шесть лет работы выпоила 285 телят. Ни один из них не пал. Выпоила бы и больше, но приходилось выпаивать часто телят не своей группы. Я должна выпаивать телят до четырехмесячного возраста, но приходилось, в случае надобности, выпаивать и более взрослых. Дело в том, что поярка, принимавшая от меня телят, была неопытная, и я некоторых слабых телят оставляла за собой еще на месяц. А бывали и такие, которых до семимесячного возраста от себя не отпускала.

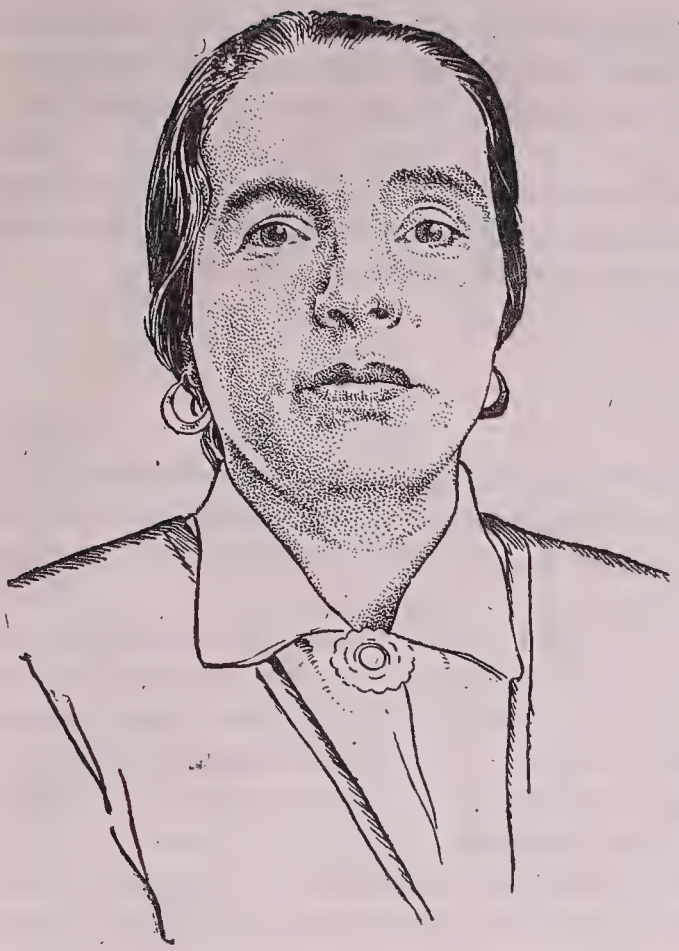
Колхоз 22 раза премировал меня за работу, а правительство наградило меня орденом „Знак почета". В ответ на эту высокую награду я дала обязательство в 1936 году выпоить 120 телят. Слабых телят, нуждающихся в особой заботе, я обязалась оставлять за собой до 6-месячного возраста. Семьдесят телят я уж выпоила к 1 июня, то есть ранее срока.

Нынче у нас телята будут лучше, чем в прошлые годы. До сих пор у нас в колхозе коровы были простые, сибирские, а в прошлом году приобрели мы быка-производителя краснонемецкой породы. Звать его „Курваль". От этого „Курваля" корова „Зоя" принесла нынче первого теленка весом в 35 килограммов. Это вместо 20 килограммов, как обычно.

За сорок три года своей жизни я почти никуда из своего села не уезжала. Ездила только в 1919 году в Омск, в казарму, своего мужа Михаила Ивановича проведать. Невеселая это была поездка. И вот поехала я в Москву на совещание передовиков животноводства с руководителями партии и правительства. Эта поездка открыла мне глаза. Теперь я сама увидела, что такое страна Советов, какая прекрасная у нас столица. Видела я товарища Сталина. Этого мне не забыть никогда.

Вернулась в колхоз. Работаю. Учусь. Живем мы хорошо, есть у нас корова, пара свиней, семнадцать овечек. Дома достаток. Колхозная жизнь с каждым днем становится радостнее. За судьбу пяти младших ребятишек мы с мужем не беспокоимся. И четырнадцатилетняя Василиса, и девятилетняя Раиса, и семилетняя Анна, и трехлетний Степан, и Валентина, которой второй год пошел,—все будут сыты. Всех воспитаем. В советской стране всем открыта широкая дорога.

А старшие дети уже не нуждаются в нашей опеке—дочка Маруся вышла замуж, сын Иван—красноармеец!



Вся Москва чествовала нас

Фелицата Никаноровна ШЕШУКОВА

Телятница колхоза „Пятилетка" Тюменского района

Я ШЕШУКОВА Фелицата Никаноровна, родилась 25 февраля 1904 года в деревне Шешуковой, что неподалеку от города Тюмени.

Детство мое прошло в плохих условиях. Мой отец—крестьянин-бедняк имел семью в десять человек. У меня было пять сестер и двое братьев. Голодно жилось нашей семье.

Когда исполнилось мне 8 лет, отдали меня в школу, но через год сказали, что пора приниматься за работу. Я должна была помогать родителям ткать рогожи. Родители считали, что я больше принесу пользы, коли буду не учиться, а ткать рогожи. А мне хотелось учиться! Очень хотелось!

Началась германская война. Отца угнали на фронт. Вернулся отец инвалидом. Сделала его инвалидом не пуля, а окопная сырость—ревматизм поразил ему ноги. Трудоспособность была потеряна.

Пришел Колчак. Забрал в армию моих братьев. Один брат пропал без вести, второй бежал из армии Колчака, но принес с собой вошь из колчаковских казарм и, вернувшись домой, умер от тифа.

Старшая сестра вскоре вышла замуж. И я, четырнадцатилетняя девочка, осталась за главного работника в семье. Приходилось, заменяя мужчин, выполнять самые тяжелые работы.

Так прошла моя молодость...

★

12 мая 1930 года я вступила вместе с родителями в колхоз. Хорошо я помню как наступило время прополки хлебов и вот впервые я приняла участие в коллективной работе на поле. Понравилась мне коллективная работа. Я решила—никуда не уйду из колхоза.

В 1933 году я перешла с полевых работ на молочно-товарную ферму молокоприемщиком. Тут я в первый раз в жизни получила награду за свою работу. За своевременную доставку молока в молочное отделение меня премировали мануфактурой на платье. Эта скромная премия сыграла большую роль в моей жизни. Захотелось работать еще лучше.

В 1934 году послало меня правление колхоза на курсы телятниц. Я проучилась три месяца и, вернувшись в колхоз, приступила к своей новой обязанности — стала телятницей. Я начала принимать новорожденных телят. В первый месяц у меня на руках было семнадцать телят, во второй месяц было у меня 25 телят, и, наконец, до 32 телят. Выпаивала я их до года. И за этот год не было у меня ни одного случая падежа и даже ни одного случая заболевания телят.

На следующий год я также выпаивала до 25 телят против нормы — пятнадцать голов. И скажу я, не стыдясь: благодаря моей работе колхоз сохранил телят всех, что родились, и не было ни одного случая падежа! Среднесуточный прирост теленка в молочный период — 800 граммов.

★

В чем же заключалась моя работа? Как я добивалась успеха?

Я выполняла все ветеринарные требования, ухаживала за телятами так, как меня учили зоотехники.

У меня была забота напоить телят во-время, причем напоить

по норме, не превышая и не уменьшая ее. Поддерживала я всегда определенную температуру молока.

Телятники у нас были неважные, временные, не было в них уюта. И бывало, в зимнюю студеную пору я не один раз за ночь приходила попроведать своих телят. И если вижу, что пробирает телка озноб, так сейчас же телка согрею, не допущу до простуды. Я могу тотчас же отличить здорового телка от больного, я изучила работу по уходу за малышами-телятами и эту работу люблю.

★

В колхозе живется весело, хорошо. В 1935 году меня правление колхоза дважды премировало деньгами и товаром. Районные организации также премировали меня мануфактурой и деньгами.

Правда, некоторые несознательные люди нередко попрекали за то, что я ударница. В ответ я работала еще лучше, чтоб всем показать пример. Я знала, что труд мой будет учтен и взвешен и моему примеру последуют все честные люди.

Правительство и партия наградили меня орденом—„Знак почета". Вся Москва, руководители партии и правительства во главе с дорогим нашим вождем товарищем Сталиным чествовали нас, стахановцев социалистического животноводства.

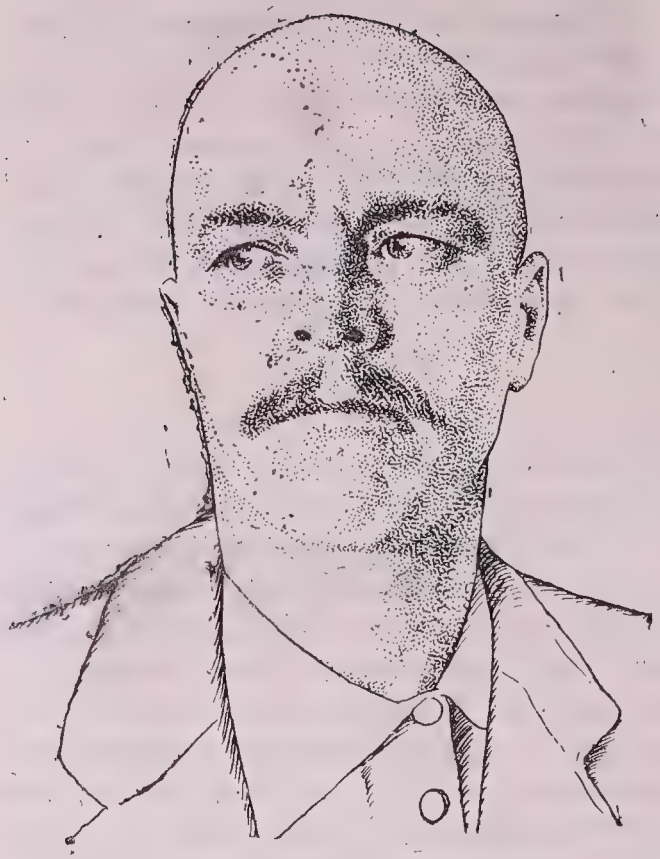
Вернувшись из Москвы, я посетила несколько соседних колхозов, передавала колхозникам опыт своей работы.

Пишу эти строки из города Тобольска. Здесь я на курсах техников животноводства. Мои мечты сбылись. Я учусь. С детства хотела я учиться, но тогда заставили вместо учения ткать рогожи. А теперь мне предоставлена полная возможность учиться.

Теперешняя жизнь отличается от прежней жизни тем, что прежде никто не заботился о трудящемся человеке, а теперь в нашей стране небывалая забота о людях.

★ ★
★

История крестьянина



Иван Александрович
НОСОВ

Председатель колхоза им. Сталина,
Аромашевского района

У КУЛАКА, который эксплоатировал моих родителей, и фамилия-то была подходящая—потомственно-кулацкая. Звался тот кулак Богачковым.

Лет двенадцать батрачил мой отец на Богачкова. Наконец, ушел от кулака, женился, поставил себе избу в деревне Вагиной, завел небольшое хозяйство. Но вскоре заболел и умер.

Это случилось в 1895 году. Мне тогда было семь лет.

Остались в избе я, девятилетний брат, трехмесячный брат, трехлетняя сестренка, восьмидесятилетняя бабушка и мать. Туго пришлось матери! Трудно было ей прокормить всех нас. И пошел я, восьмилетний ребенок, работать по найму, пошел батрачить на кулаков.

О таком детстве и вспомнить страшно! Учиться мне, конечно, не пришлось. Было нам не до ученья, а лишь бы с голоду не помереть.

В 1903 году получили мы с матерью десятину земли. Обрабатывали ее кое-как. Тем и кормились...

В 1909 году взяли меня в солдаты. Вернулся домой в 1912 году. Женился. Пошли у меня дети. Думаю: жизнь как-нибудь наладится, авось! Но тут разразилась германская война. Меня мобилизовали. Однако, я заболел и на войну не отправили. Вернули домой. В 1915 году выздоровел и меня снова забрали в солдаты. Забрали в это время и моих братьев. Остались у нас жены с детьми. Плакала мать: „Что-то будет, коли вас убьют".

Я попал не на фронт, а в военную команду в город Томск. Служил в лагерях, плотничал, землю копал, исполнял разную другую работу. Самое тяжелое это было, когда меня назначили денщиком к офицеру. Подпоручик Ихванский такая был скотина, что денщиков и за людей не считал!

Только в 1918 году вернулся я домой. Но и тут покоя мне не дали. Об'явился Колчак. Стал забирать крестьян к себе на службу. Однако, меня взять ему не пришлось, я сумел от него убежать и скрывался в лесах, пока не пришла Красная армия.

Настал 1920 год. Принялся я за работу. В этом году избу удалось поставить. Коня купил. Но вот на покупку сельскохозяйственного инвентаря денег-то как раз и нехватило. Так что обрабатывать землю было мне нечем!

И тут настал голодный 1921 год. Прямо хоть иди по миру. Ни куска хлеба. Мои ребятишки уж вышли кусочничать. Я не знал, что делать, за что браться. Спасибо, помогло государство—к посеву получил я от государства семена—пшеницу, овес, гречу и просо. Эта поддержка крепко поставила меня на ноги. Больше не падал. Удалось на следующий год завести и соху, и борону, купить корову... Еще через год имел я уже двух коров и двух коней... А вступая в колхоз, привел за собою трех коров и три лошади.

★

С 1930 года стал я членом правления нашего колхоза имени Сталина. В 1931 году колхозники выбрали меня председателем правления.

А теперь я награжден правительством орденом „Знак почета". Эту награду получил за заботу о животноводстве. Ведь мы начали с малого, а достигли большого. На молочной ферме было у нас сначала пять дойных коров, а теперь на ней 345 голов крупного рогатого скота. Было у нас сначала две обобществленных свиньи, а теперь их 89. Есть у нас неплохая конеферма. И в целом имеет колхоз свыше 500 голов обобществленного стада.

Рассказать обо всем этом очень просто. Но создавать это колхозное благополучие пришлось нам не просто. Некоторые семьи из колхоза выходили. Были такие дни, когда из шестидесяти семейств оставались в колхозе только восемнадцать... Потом колеблющиеся снова вошли в колхоз...

Случались несчастья. Бывали ошибки.

Взять к примеру такой случай: в 1933 году прошло через нашу деревню чужое стадо. Попросились пастухи заночевать. Расположились на дворе у колхозника Сычева и коров туда загнали. Утром ушло чужое стадо дальше, а на дворе у Сычева остался подарочек—недоношенный теленочек-выкидыш. „Остался, ну и ладно!"—сказали зав. фермой Петр Никитич Носов и санитар Носов Афанасий Николаевич. Даже теленочка и не схоронили! А через некоторое время тридцать наших коров заболели.

Инфекционный аборт!

Понаехали врачи.

— Почему теленочка не схоронили? Почему дезинфекции не сделали?

Зав. фермой и санитар оба пошли под суд.

Больных коров мы изолировали, стали лечить и, наконец, вылечили. Теперь эти коровы благополучно сделали уже по два отела. Больше мы никогда такой ошибки, как допустили в 1933 году, не допустим. А бывший заведующий фермой Петр Никитич уже вернулся с принудительных работ после двухлетнего отсутствия. Принес билет ударника. Работает теперь рядовым колхозником. Больше, надо полагать, не опростоволосится.

Вот какие бывали случаи. На ошибках мы учились.

★

За последние два года в нашем колхозе не было ни одного случая падежа скота. За эти два года 190 телят родилось на ферме и выросли благополучно. Этим мы обязаны таким пояркам-ударницам как Василиса Марковна Черемных, Фекла Павловна Дементьева, Федосия Николаевна Носова и другие стахановки своего дела.

Бескоровность среди колхозников ликвидирована у нас давно. Многие колхозники имеют по две коровы. Ударники Носов Петр Павлович и сын его Федор имеют на своем дворе трех коров, Носов Никита Александрович имеет двух коров и нетель.

Я часто упоминаю фамилию Носова. И сам я Носов. Нужно пояснить, что у нас в колхозе очень много Носовых. Дворов двадцать—Носовы. Это в старинных деревнях бывает. Кто—родственник, а кто просто однофамилец.

Имеют наши колхозники и свиней, и овечек, и мелкую домашнюю птицу.

Благодаря неустанным заботам товарища Сталина и помощи государства идем к зажиточности быстрыми шагами. Потому что работаем дружно. Как на фермах, так и в поле.

★

Новые дома, а в тех новых домах новые хорошие вещи—вот какова стала наша жизнь в колхозе!

Загляните ко мне. Вот мой новый сосновый пятистенный дом, который я выстроил в 1934 году взамен избушки. В комнате у нас железная кровать (никогда раньше такой не имели), новый комод. На особом столике патефон, гармония. Лежат книги. Книги, которых в былое время у нас в жилье вовсе не бывало! Ведь только здесь, в колхозе, я ликвидировал неграмотность.

В хлеву за домом две коровы, пять овец, пара свиней, три теленка, пять гусей, гусята, пятнадцать куриц...

А живу я,—будьте уверены,—не лучше многих других наших ударников-колхозников.

Скажу несколько слов о детях. Анатолий и Мария у нас еще малыши, дошкольники. Анна учится в третьей группе. Дмитрий кончил семь групп и хочет учиться дальше. Петр и Василий уже работают в колхозе. А Николай ушел в Красную армию. Служба в армии при царизме была для меня тяжкой мукой, а для сына—почетная обязанность гражданина. Мы дожили до счастливых времен!

На этом и кончу описание своей жизни я, бывший бедняк, офицерский денщик. При советской власти, под руководством любимого вождя товарища Сталина, я, бывший батрак, чьи дети чуть было не умерли с голоду, сделался полноправным свободным человеком. Я развернул свои способности. Прежде я своей семье не мог дать благополучия, а теперь шестьдесят семей доверяют мне руководство нашим коллективным артельным хозяйством.

★ ★
★

По зеленому конвейеру

Тихон Егорович
ПЕТИН

Зоотехник свиносовхоза
„Пятилетка" Омского района

НЕ СРАЗУ удалось мне приобрести специальность и закрепиться на определенной работе.

Еще подростком я об'ездил Среднюю Азию, Ленинград, Украину, Сибирь. Это были поиски счастья, лучшей доли.

Родина моя—село Тюковка, Песковского района, Воронежской губернии. Родители—бедняки крестьяне. Они умерли в 1920 году. Мне тогда было шестнадцать лет. Остался я один, прожил в селе еще четыре года, а потом поехал в Среднюю Азию. Проехал до Арыси, а с Арыси на восток по ветке, до самой последней станции—города Фрунзе, тогда еще Пишпека. Работал сначала у узбека-бая Атабаева, арендатора базаров. На весы гири поднимал двухпудовые. Потом поступил тестомесом в государственную пекарню (при отделе труда). Затем работал санитаром. После этого был строителем.

В Фрунзе вступил я в комсомол. Это было в 1925 году. А в 1926 году послали меня в Ленинград учиться в вуз. Но экзамена я не выдержал. Уехал тогда в Донбасс и стал шахтером.

В 1928 году комсомол передал меня в партию. В 1930 году райком партии послал учиться. На этот раз удалось поступить на курсы по подготовке в вуз в городе Полтаве. Затем перешел в зоотехнический институт. Кончив этот институт в 1934 году, я поехал в Сибирь работать в свиносовхоз „Пятилетка", Омской области, в качестве старшего зоотехника.

Скользкий и извилистый прошел я путь, прежде чем стать зоотехником. Спасибо комсомолу и партии, что во-время они меня прибрали к рукам и настойчиво выковали из меня человека, полезного труженика социалистического государства.

В совхозе „Пятилетка" работа пришлась мне по душе. Я быстро сработался с коллективом, и работа у нас пошла неплохо.

В 1935 году мы получили от каждой свиноматки приплод в 51 пуд мяса (в живом весе). Удалось нам это потому, что мы хорошо заботились о поросятах. Забота о поросенке начинается еще тогда, когда он не родился, а находится в утробе матери. Мы ухаживаем за маткой, выводим ее на прогулки, на свежий воздух, даем соответствующую подкормку, как белковую, так и минеральную. И поросенок у нас обычно, рождается весом в килограмм, даже в 1 килограмм 200 граммов—1 килограмм 300 граммов. Подкармливаем поросят минеральными и железистыми веществами. К железистым веществам относятся красная глина. Употребляем и железный купорос, который даем в слабом растворе (от 2 до 5 граммов на литр воды). Когда подпускаем первый раз поросенка к вымени матки, то обязательно для профилактики смачиваем таким раствором железного купороса вымя матки.

Подкармливать поросят мы начинаем с пятидневного возраста. Когда подпускаем поросят первый раз, то ставим жареный ячмень, вику жареную. Это все дается в свежем и чистом виде. Даем и древесный уголь. Поросята его любят. Поросята охотно принимаются за такую подкормку и быстро растут.

У нас большие летние выпасы. Мы ведем наше стадо по „зеленому конвейеру". „Конвейер" такой: с ранней весны свиньи получают первую зеленую подкормку—зелень озимой ржи, которая бывает раньше всех зеленых кормов. Затем в середине июня свиньи идут на другое поле, где получают в виде зеленой под-

кормки смесь вики-овса. Вслед за этим свиньи идут на горохово-подсолнечное поле. В августе—свекольный выпас, второй выпас по яровой ржи, которая подсеивается на месте стравленной стадом озимой ржи. Это и есть летний „зеленый конвейер", который прекрасно способствует развитию организма животного. Летом у меня в лагерях до 5000 голов—то-есть почти все стадо, кроме тех свиней, которые находятся на тяжелом откорме (сальный, полусальный откорм, бекон). В лагерях стадо имеет хороший моцион, пользуется солнцем и чистым воздухом—всеми благами природы.

Хряки у нас английской белой породы. Матки—метисы второй-третьей генерации от английской белой и нашей мелкой тарской свиньи. Теперь производственный вес маток в среднем 160 килограммов. А тарские свиноматки весили вдвое меньше.

Лагери в совхозе раскинуты на расстоянии полуторых-двух километров друг от друга, чтоб не было общения между стадами ферм. Фермы и даже бригады также изолированы одна от другой.

Кастрацию хрячков производим, когда хрячки достигнут трехнедельного возраста и не позже, чем хрячок достигнет месячного возраста. Молодые организмы легче переносят операцию.

Я привожу только наиболее характерные подробности того, как мы ухаживаем за скотом. И я всегда стараюсь показывать всем работникам нашего совхоза практические образцы ухода за скотом. Техучебой у нас охвачены все без исключения работники животноводства. Работает 6 низовых кружков и седьмой кружок—повышенного типа, где занимаются техники и управляющие фермами.

Только на основе этой борьбы за овладение техникой, на основе повседневной работы по выращиванию людей и заботы о кадрах совхоза мы сумели добиться рассказанных мною выше показателей и превратить наш совхоз в передовое хозяйство социалистического животноводства.

За свои достижения 1935 года я награжден правительством СССР орденом „Знак почета".

Приношу глубокую благодарность нашему советскому правительству и дорогому товарищу Сталину за то, что моя первая серьезная работа не оставлена ими без внимания и так высоко оценена.

★ ★
★

Путь большевика

Иосиф Семенович КАПЛАН

Начальник политотдела свинсовхоза „Пятилетка", Омского района

Родился я в селе Поречье, Игуменского уезда, Минской губернии. Отец—служащий лесовик. Десяти лет, в 1912 году, я поступил учиться в двухклассное еврейское начальное училище, кончить которое не удалось вследствие империалистической войны.

Будучи в Минске в конце 1917 года, поступил в вечернюю гимназию для взрослых, но и ее не окончил, так как Белоруссия была оккупирована немцами.

С 1915 года по 1917 год я занимался различной физической работой, какая попадала под руку. Одно время обучал грамоте детей младшего возраста.

Ужасы империалистической войны, которые испытала моя семья, преследования евреев, все это настроило меня против империалистической войны, против царского самодержавия.

В Минске, центре западного фронта, я работал в 1917 году

активным распространителем большевистских газет „Звезда“ и „Молот“; эта работа позволила мне быть вблизи таких большевиков, как Фрунзе, Кнорин и другие. Они оказали на меня большое влияние. В 1917 году я вступил в партию большевиков.

Весь 1918 год—время оккупации Белоруссии немцами—я работал в минском подполье среди молодежи. К концу подполья, когда уже раздавались раскаты революции в Германии, нас, группу молодежи, послали в первую советскую резервную дружину, где я получил назначение начальника дружины.

Первую половину 1919 года я работал в комиссии по чистке советских учреждений, а в августе пошел добровольцем в Красную армию, на Лидский участок Западного фронта. Активно дрался на фронте, а после окончания войны с поляками приехал в Москву и остался на работе в ВЦСПС, инструктором орготдела.

В 1923—1924 году учился в университете имени Свердлова и здесь принимал активное участие в борьбе с троцкизмом и рабочей оппозицией. По болезни последний курс университета не окончил, был направлен на работу в Московский Комитет ВКП(б), а оттуда инструктором Бронницкого укома партии. Позднее с 1927 по 1930 год работал секретарем Замоскворецкого совета Осоавиахима.

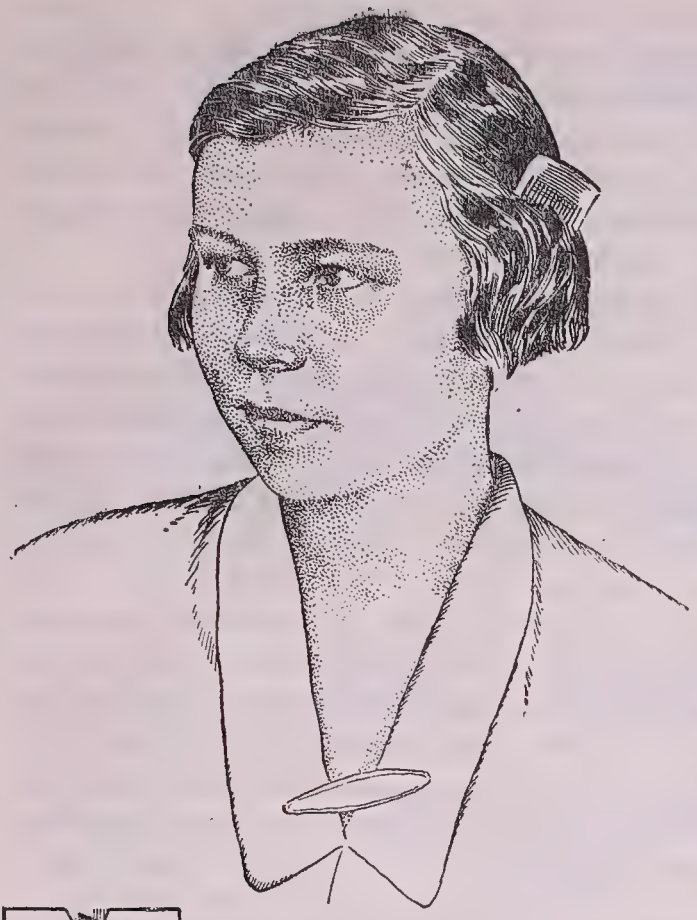
1931 и 1932 годы учился на курсах марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б), а с мая 1933 года по август 1934 года работал начальником политотдела свиносовхоза в Центральной Черноземной области.

В сентябре 1934 года назначен начальником политотдела свиносовхоза „Пятилетка“ Омской области.

Был делегатом Всесоюзного совещания передовиков животноводства с руководителями партии и правительства в 1935 году, где и получил за успешную работу в совхозе „Пятилетка“ орден „Знак почета“.

★ ★
★

На пороге вуза



Мария Федоровна
КЛЕЩИНСКАЯ

Свинарка свиносовхоза „Пятилетка" Омского района

МНЕ 18 лет.

Отец мой, Федор Ефимович Клещинский, и мать, Ольга Ивановна,—оба прежде батрачили на кулаков. Я была первой дочерью в нашей семье. И детство мое, проведенное в деревне Троицкой Калачинского района, было нерадостным. Как только я малость подросла, велели мне приняться за работу—поручили нянчить младших ребят.

До тринадцати лет нянчилась я с младшими, занималась домашним обиходом, пряла кудель, ткала... Жизнь у нас была тяжелая—до 1925 года отец ничего, кроме землянки, не имел. И только в 1925 году отец, наконец, освободился от кулацкой кабалы и завел, хотя и очень бедное, но собственное хозяйство. К 1930 году имели мы уже свою корову и лошадь. Вместо землянки стали жить в хате. Тут и мне улыбнулось счастье—отдали меня, наконец, в школу. Но только год я там проучилась, затем пришлось „выбыть" и опять-таки по случаю плохого материально-бытового

положения родителей. А попросту говоря, родители не в состоянии были обеспечить меня зимней одеждой и обувью. Не позволяло им такую „роскошь“ их единоличное хозяйство.

Читать и писать я научилась в 1933 году в свиносовхозе „Пятилетка“, куда переехали жить и работать мои родители, ликвидировав свое единоличное хозяйство. В 1934 году, закончив школу ликбеза, я сама поступила в совхоз свинаркой.

Первый месяц работала я младшей свинаркой. Дала хорошие показатели. Стала ударницей. Вскоре приняли меня в ряды комсомола, который много помог мне. Возложили на меня обязанности бригадира. Я работала и училась. Курсы техминимума окончила на „отлично“. Повышала и свое общее образование, чтобы легче мне было читать книги, делать расчеты. Моя учеба не прошла даром. Она помогла овладеть техникой порученного мне дела.

Работая, тщательно изучая каждое животное, бережно и внимательно ухаживая за матками и за поросятами, применяла раннюю подкормку поросят, давала им в достаточном количестве минеральные вещества. А коротко говоря, выполняла все требования зоотехники, которые узнала на курсах и из книжек. Я люблю свое дело. За 1935 год я добилась высоких производственных показателей—выкормила 20 деловых поросят на каждую свиноматку, причем на каждую свиноматку пришлось по 51 пуду приплода в живом весе.

Мою работу заметили и оценили. Я была послана на совещание передовиков социалистического животноводства с руководителями партии и правительства в Москву. За свою отличную работу я получила от правительства орден „Знак почета“.

Эта высокая награда обязывает меня еще лучше работать на благо нашей великой родины.

Встреча с руководителями партии и правительства и с дорогим товарищем Сталиным, с лучшими людьми социалистического животноводства нашей страны, обогатила мой опыт, усилила мое желание работать еще лучше, добиться более высоких показателей.

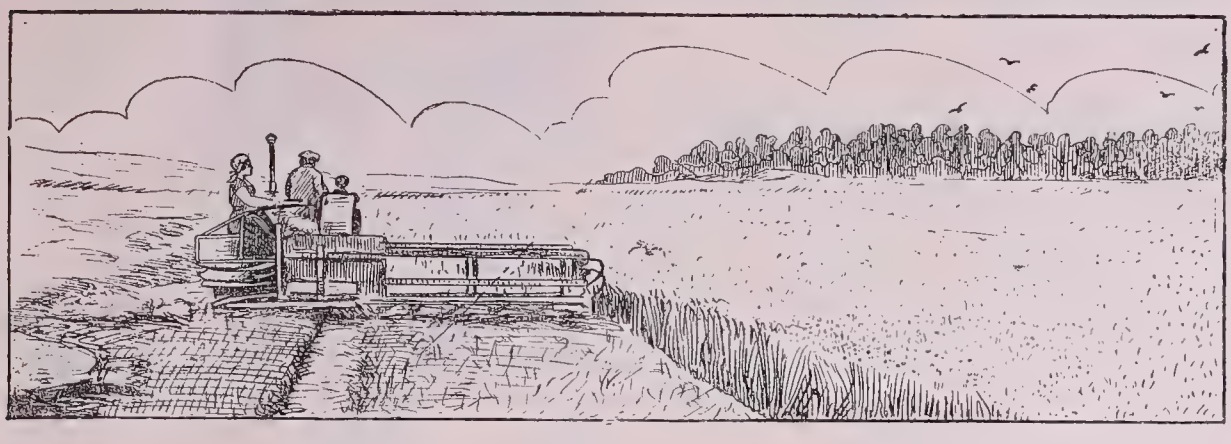
Сейчас у меня одно желание—повысить свои знания, получить специальное образование, чтобы еще лучше работать.

Мое желание сбывается. Теперь я учусь, подготовляюсь для поступления в вуз.

Впереди —ученье в вузе.

Я очень рада.

ПЕРЕДОВИКИ ПО ЛЬНУ И КОНОПЛЕ

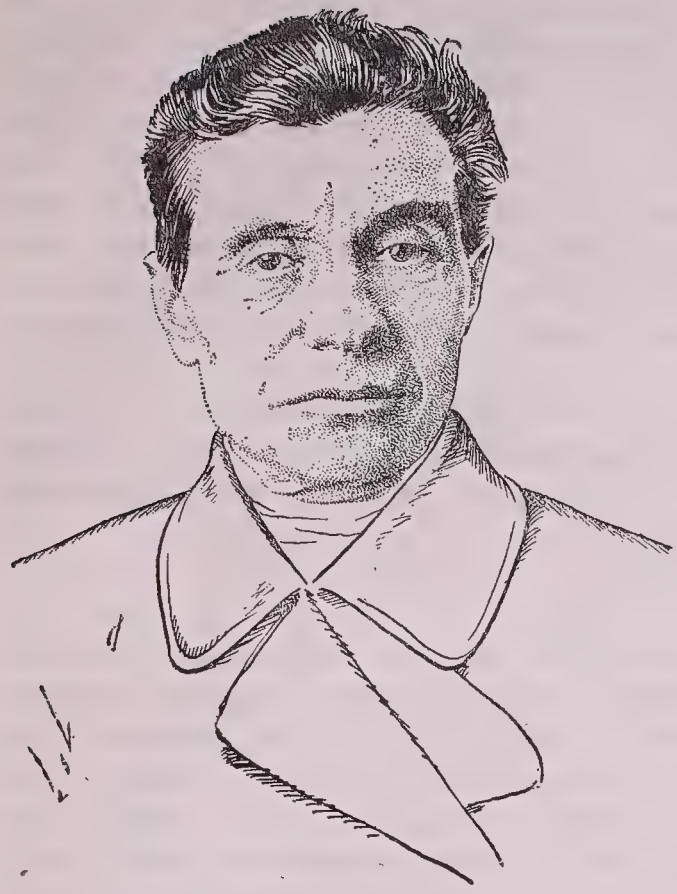


Постановлением Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 16 марта 1936 года о награждении передовиков по льну и конопле орденом „Знак почета“ награждены следующие передовики льноводства Омской области:

1. Седельников, Афанасий Федотович, пред. колхоза имени Буденного, Седельниковского района.
2. Кичеров, Михаил Николаевич, пред. колхоза „Красный урман“, Тарского района.
3. Коробкин, Андрей Артемьевич, пред. колхоза „Заря“, Седельниковского района.
4. Макеев, Иван Сергеевич, пред. колхоза им. Сталина, Аромашевского района.

★ ★ ★

Своего я добился — колхозы растут!



Михаил Николаевич
КИЧЕРОВ

Председатель колхоза „Красный урман" Тарского района

МОИ предки бежали из России в Сибирь от помещика. Об этом бегстве мне бабушка рассказывала, когда я был еще ребенком. Бабушка часто вспоминала о том, как работали они на помещика, как тяжело жилось, как бросили все свое хозяйство и бежали, крадучись, ночью, чтобы помещик не захватил и не вернул обратно. Вероятно, это было еще во времена крепостного права.

Я родился 24 июля 1883 года в деревне Мамешево Бутаковской волости Тарского уезда.

Отца своего я не знаю. Мне было полтора года, когда отец бросил нас. Как уехал он от нас на золотые прииски, так и не возвращался. Двенадцать лет ждала его мать, да так и не дождалась.

Еще совсем маленький пошел я батрачить. Было мне тогда лет двенадцать, не больше. Батрачил до 18-ти лет, а потом по-

ступил на пароход, принадлежавший купцу Калмакову. Через четыре года был взят на военную службу и попал во флот. Служил в Кронштадте, а потом кочегаром на миноносце „Внимательный". В 1909 году вернулся домой и занимался сельским хозяйством, затем поступил в лесничество. Служил лесником до 1912 года. А в 1912 году отправился на золотые прииски. В Ленском товариществе работал золотоискателем до 1914 года, пока не началась германская война. Забрали меня в солдаты. Отправили в Петербург, а оттуда в Ревель. Лишь в октябре 1917 года вернулся я домой.

Так, в скитаниях прошла моя молодость. Как вышел я из родной деревни бедняком, так бедняком в нее и вернулся. Бывший лесник, бывший золотоискатель, бывший моряк я, как говорится, очутился у разбитого корыта.

★

Почти сразу после того, как был изгнан из Сибири Колчак, стал я говорить об организации в нашей деревне трудовой артели. Подобралось нас несколько человек, которые задумали работать артельно. Придумали название для артели—„Свет". Выработали устав. Я был избран председателем. Устав наш утвердили, землю дали. Но больше пяти хозяев привлечь нам в артель не удалось. И дело заглохло до 1929 года. В этом году я снова стал работать по организации животноводческого товарищества.

Решили в это товарищество вступить семнадцать хозяев. Выбрали снова меня председателем. Все оформили. Поехал я в окрзу зарегистрировать наш устав. Поехал радостный, но вернулся домой—снова горе. Из семнадцати хозяйств осталось в товариществе только семь. Остальные, пока я ездил, раздумали. Опять сорвалось дело. Но я не пал духом и организационной работы не оставил. Я продолжал агитировать за колхоз.

И когда в 1930 году, при коллективизации, в нашей деревне была, наконец, организована сельхозартель „Победа", то опять-таки меня избрали председателем этого колхоза. И председательствовал я тут по май месяц 1933 года, пока не был отозван в распоряжение районного комитета партии. А в партию я вступил в 1932 году.

Райком послал меня работать на окружную скотобазу.

Колхоз „Победа" оставил я не в плохом состоянии. Вся деревня уже состояла в этом колхозе.

Полгода проработал я на скотобазе, а в феврале 1934 года

партия послала меня председателем в колхоз „Красный урман“ в деревню Ермаковку. Этот колхоз был тогда накануне развала,— не умели они как следует хозяйствовать.

★

Колхозники „Красного урмана“ встретили меня холодно:

— Как это так? Послали чужого человека. Мы тебя не знаем.

А я не считал, что я для них чужой и что они для меня чужие. Я считал, что мало разницы—Ермаковка или Мамешево. Везде нужно стремиться к новой жизни. И я на деле стал показывать колхозникам, что никакой я не чужой человек, а все мы должны дружно бороться за общее дело, за колхозную зажиточную жизнь.

И я считаю, что мою точку зрения разделяют все колхозники „Красного урмана“. Ведь сейчас они меня даже на курсы не хотели пускать. Говорят: „Не уезжай. Мы через тебя стали жить!“

У нас в колхозе 63 двора, то-есть вся деревня. Расположен колхоз в северной части Тарского района, в тайге. Кругом леса. Климат здесь довольно суров. Часто бывают поздние заморозки, иногда даже вымерзают озимые хлеба.

Но, однако, дружной работой, выполнением всех агротехнических правил и здесь добились мы светлой жизни, хороших урожаев и крупных успехов в животноводстве.

В 1933 году колхозники получили на трудодень только по 2 килограмма всех культур и по 13 копеек деньгами.

Это очень мало!

В 1934 году, хотя лето было и хуже, но колхозники получили на трудодень уже по 4 килограмма 700 граммов и деньгами по 37 копеек. В 1935 году получили наши колхозники по два с половиной килограмма пшеницы и по полтора килограмма ржи на трудодень. А деньгами—уже по 75 копеек.

Год на год не приходится, урожаи бывают разные, но в общем мы получаем все более и более высокие урожаи и можем теперь сказать спокойно—хлеба нам хватит. В прошлом году, после того как колхоз выполнил свои обязательства перед государством, колхозники продали государству по 2 килограмма 500 граммов на трудодень хлеба, и после этого у большинства колхозников осталось такое количество хлеба, что его хватит года на два.

Стали нам давать хорошую прибыль две наших небольшие, но доходные фермы. План роста поголовья на свиноферме выпол-

нен в 1935 году на 230 процентов, план по МТФ—на 150 процентов. Должны мы были иметь в 1935 году на МТФ 38 голов скота, а имели 58. Мы хорошо кормим животных, хорошо ухаживаем за ними, во-время производим случку, бережем молодняк. За время моего руководства колхозом не было ни одного случая падежа крупного рогатого скота и свиней. И в дальнейшем я выполню обязательство, данное тов. Булатову, руководителю большевиков нашей Омской области,—полностью сохранять скот.

Заботимся мы и о коне. Наш колхоз включился во всесоюзный конкурс по выращиванию и сохранению конского поголовья.

★

За последние годы мы обратили особое внимание на льноводство. Уже два года у нас работает специальный льновод Фома Михайлович Лаврентьев, который зорко следит за этим делом и учит людей работать. И вот в 1935 году, когда средний урожай льна в Омской области был не более трех с половиной центнеров с гектара, мы добились урожая волокна льна по четыре с половиной центнера с гектара, а урожая семян по четыре центнера и девяносто пять килограммов с гектара.

Как мы добились этого?

Семена у нас свои—доморощенные. Лен-долгунец. Всхожесть хорошая.

Сеяли мы лен по лучшей земле: двадцать два гектара по целине, пять гектаров по клеверищу, остальные по многолетним залежам. Сеяли в ранние сроки.

Во-время и тщательно до последней травинки пропалывали колхозники лен. Внимательно следили мы момент вызревания и, как только лен достиг высокой спелости, мы быстро за девять дней выдергали, обмолотили и разостлали его. Вот как добились мы высокого урожая. Лен пошел у нас № 14,5, то-есть качество его было определено выше среднего.

С государством мы рассчитались по льноволокну и льно-семенам еще в октябре. Кроме того, шесть центнеров льносемян продали в порядке хлебозакупа, да еще сорок три центнера продано на семена соседним колхозам. Лен дал нам в прошлом году 10 000 рублей дохода, да еще на 5000 рублей осталось этого льна.

За успехи нашего колхоза в льноводстве в 1935 году был я послан в Москву на совещание. Правительство и партия на-

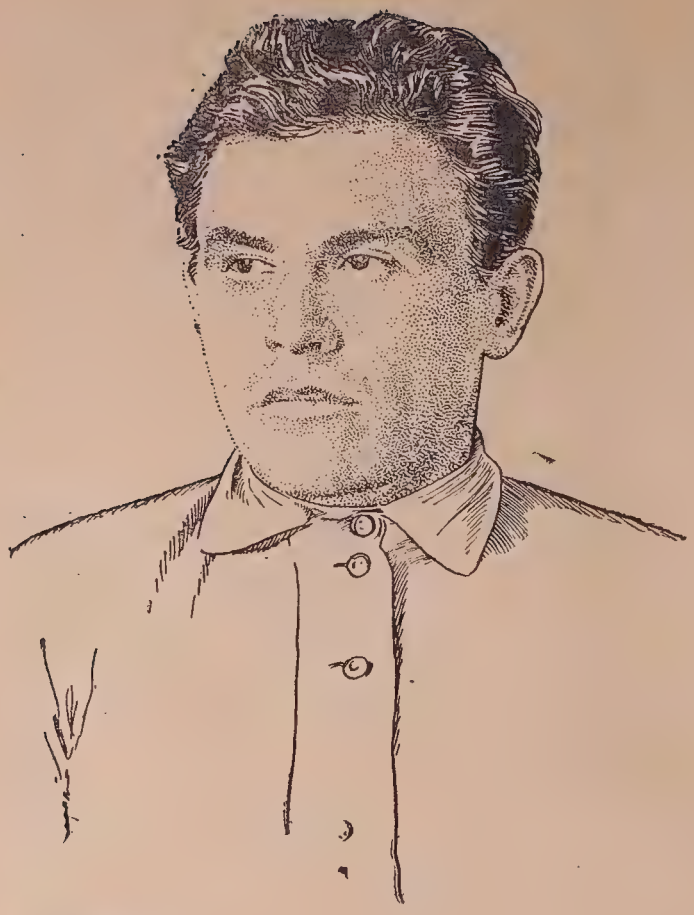
градили меня орденом „Знак почета“. Встреча с членами правительства и вождем народа товарищем Сталиным—это великое счастье и радость на всю жизнь. Этого я никогда не забуду.

В нынешнем году мы посеяли 32 гектара льна. Я непосредственно в полевых работах не участвовал, учился в окружной агротехнической школе, но помогал советами и указаниями. Получил нынче колхоз с каждого гектара 4,5 центнера волокна и 5 центнеров льносемян. За льнотресту, сданную государству, колхоз выручил 25 000 рублей и за льно-семена 6000 рублей.

Своего я все-таки добился—колхозы существуют, колхозы растут. И сам я благодаря колхозам вырос, стал членом великой коммунистической партии. Я еще человек малограмотный, в школах никогда не учился. Так дожил, можно сказать, до старости. Но теперь, хотя я и стар, а хочу учиться. Надо учиться, чтоб принести еще больше пользы колхозникам, партии, родному советскому государству. Хочу я, чтоб учились как можно больше и все те люди, которые меня окружают. И вот почему заканчиваю я рассказ о своей жизни просьбой и даже требованием к советским учителям:

— Лучше, энергичнее помогайте нам учиться!

Доходное дело



Афанасий Федотович
СЕДЕЛЬНИКОВ

Председатель колхоза им. Буденного, Седельниковского района

Я СЕДЕЛЬНИКОВ Афанасий Федотович, родился в 1905 году в деревне Львовке, что стоит далеко в стороне от города Тары. В наших местах много Седельниковых—недаром и весь наш район называется Седельниковским.

Отец мой, Федот Седельников, занимался крестьянством. Ребят в семье было шестеро—пять дочерей и я—сын. Жили не в достатке.

Свояк отцовский Артем Иванович Избышев в 1919 году пошел против Колчака, стал партизаном. Отец мой доставлял Артему Ивановичу продукты. И вот в мае месяце 1919 года, в полночь приехал к нам отряд казаков, зашли в избу, произвели обыск.

Найти ничего они не нашли. Но избили шомполами до полусмерти и мать и отца.

Осенью Красная армия прогнала колчаковцев. Но отец после избиения не мог работать. Три года после этого болел отец. И я принялся за работу. Заменял в хозяйстве больного отца.

В 1922 году я женился. Жили мы с отцом до 1927 года. А в этом году призвали меня в Красную армию. Служил я на Дальнем Востоке. Сначала был ездовым телефонной двуколки, затем телефонистом и, наконец, старшим разведчиком. Участвовал в операциях во время конфликта на Китайской Восточной железной дороге... Пришел я в армию совершенно неграмотным, но там, в армии, подучился. В 1930 году вернулся домой. Жена, пока я был в армии, жила в избе на усадьбе отца, а как я вернулся, мы свою избу переставили на отдельный участок и с отцом окончательно разделились.

В 1931 году мы организовали в своей деревне колхоз и присвоили ему имя товарища Буденного.

Начал я работать в этом колхозе бригадиром полеводческой бригады. После того избрали меня колхозники председателем правления. Избран я был председателем 7 ноября 1931 года и работаю бессменно посейчас.

Сначала было работать трудно, потом дело пошло на лад. Мы постепенно укрепляли хозяйство. Помню, сначала на МТФ было у нас только 37 голов скота, а теперь 158 голов скота. Площадь посева в нашем колхозе сначала была 200 гектаров, а теперь мы засеваем уже 483 гектара. Льна мы сеяли сначала 30 гектаров, а в 1935 году посеяли мы лен на 52 гектарах.

Посев льна был произведен по целине. Начали лен сеять 13 мая, закончили 22 мая. Прополку производили дважды.

Получили средний валовой сбор с гектара 3,89 центнера волокна. Обработка этого льна происходила у нас вручную. Обмолот происходил с 14 по 24 августа. А под'ем расстила происходил с 10 по 15 октября.

Нам было задание сдать 380 центнеров тресты. Мы сдали 788 центнеров, то-есть в два раза перевыполнили задание. И если в 1934 году наш колхоз получил 2736 рублей дохода, так в 1935 году наш колхоз имел доходность в 8835 рублей. Доходное дело лен.

Меня еще в 1934 году „Заготлен" премировал за перевыполнение обязательств по сдаче льна. А за успехи 1935 года меня послали в декабре месяце на областное совещание льноводов. Колхоз наш получил почетную грамоту Облисполкома, я получил в премию охотничье ружье.

А в марте 1936 года меня послали на Всесоюзное совещание льноводов в Москву. Правительство наградило меня орденом „Знак почета".

★ ★
★

Заря новой жизни

Андрей Артемьевич
КОРОБКИН
Председатель колхоза „Заря"
Седельниковского района

ТРУДИТЬСЯ я начал с шестилетнего возраста. Отец мой вынужден был послать меня пасти гусей. Приходилось вставать до восхода солнца и приниматься за работу. Играть мне было некогда. В нашей семье все работали. Отец с матерью батрачили на помещика Терещенко, а мы, мелкота, помогали в домашнем хозяйстве.

В 1910 году, когда мне исполнилось девять лет, родители решили покинуть родную Курскую губернию. Малоземелье и бедность погнали нас в Сибирь.

★

Поселились в Тарском округе. Здесь отец, несмотря на свою бедность, отдал меня в школу, где я проучился три зимы. Ученье мне давалось хорошо, но тогда учили очень мало, больше нельзя было учиться крестьянам-беднякам. Когда я окончил начальную школу, то начал с отцом работать. Ездили в лес, во-

зили этот лес и продавали. Этим жили. А сестры мои ходили поденно работать к зажиточным крестьянам. Одна из сестер пять лет прожила в батрачках.

Началась империалистическая война. Отца взяли на военную службу и я, молодой парень, остался дома за хозяина.

★

В 1917 году отец вернулся с войны.

В первые годы революции работал вместе с отцом дома. В 1924 году меня призвали на службу в Красную армию, где прослужил год. Вернулся домой и снова занимался с отцом сельским хозяйством.

В 1927 году я отделился от отца.

А в 1931 году в апреле месяце вступил в колхоз. Меня общее собрание избрало председателем этого колхоза. А назвали мы наш колхоз „Заря".

Председателем правления был я до 1933 года. Затем меня сделали бригадиром. Пробыл я бригадиром до 27 октября 1935 года. Тут меня снова избирают председателем правления. И в 1936 году за успехи нашего колхоза в льноводстве партия и правительство наградили меня орденом „Знак почета".

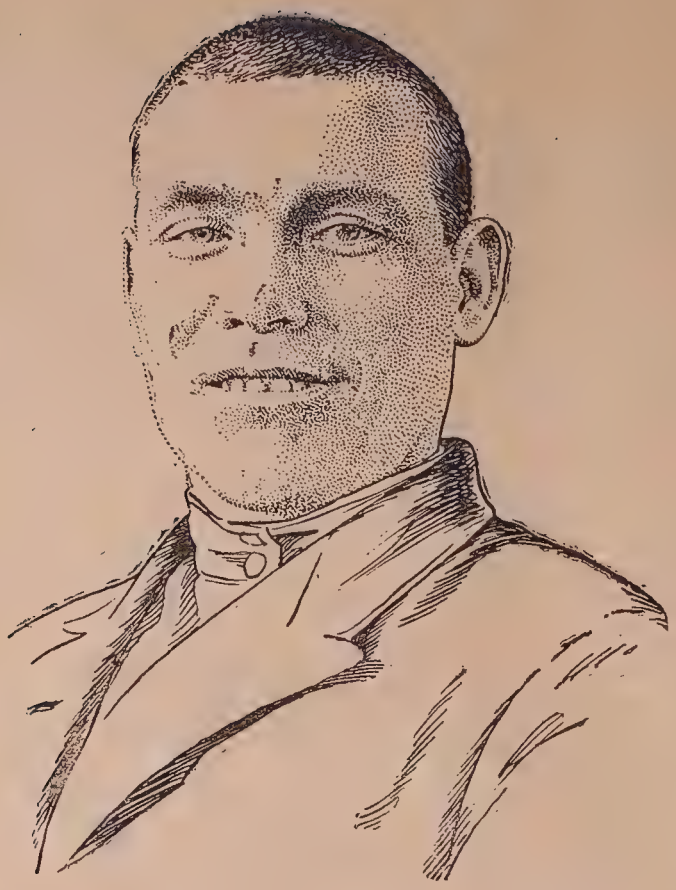
На жизнь я пожаловаться не могу. Колхозники меня уважают. Дисциплина в колхозе у нас неплохая. Хозяйство растет и крепнет. Становимся мы все зажиточными и культурными. Название свое колхоз оправдал, началась заря новой жизни.

6 июня 1936 года вступил я в группу сочувствующих ВКП(б). Хочу неразрывно связать свою жизнь с жизнью и борьбой великой партии Ленина—Сталина, приведшей рабочих и крестьян к социализму. Я сейчас учусь дома, читаю литературу, которую дали мне на совещании в Москве с руководителями партии и правительства.

Дети мои учатся в школе хорошо. Я их всячески поощряю учиться.

★ ★ ★

Моя гордость



Иван Сергеевич
МАКЕЕВ
Председатель колхоза имени Сталина, Аромашевского района

Я СЫН рабочего. Отец мой работал на кирпичных заводах Москвы, а я с матерью жил в деревне Александровке Епифанского уезда Тульской губернии.

В 1913 году, когда мне исполнилось десять лет, решил наш отец переселиться в Сибирь. Семья росла, заработков отца нехватало, заняться сельским хозяйством отец не мог из-за отсутствия земли. Вот и решил оставить родную Тульскую губернию, попытать счастья в Сибири.

Здесь до революции жили мы так: имел отец одну лошадь, одну корову, избу и до трех десятин посева. Инвентаря никакого не было. Посев отец производил путем супряги со своим однолошадным соседом.

В школе я учился только один год, кончил только один класс.

После революции продолжали мы с отцом заниматься сельским хозяйством.

В конце 1919 года организовали мы, деревенские ребята, кружок союза молодежи. Я руководил кружком. Мне было семнадцать лет. Наш кружок разогнала белая банда.

★

Крестьянствовал я единолично до 1931 года. В 1931 году я вступил в колхоз имени Сталина, который был только-что организован в нашей деревне. А в 1932 году общее собрание колхозников избрало меня председателем правления нашего колхоза.

Сначала мне было довольно трудно работать. Недостаточно хорошо был у нас организован труд.

Для того, чтобы правильно поставить дело, я стал внимательно читать газеты, особенно „Крестьянскую газету".

Газеты заинтересовали меня посевами технических культур. Обсудили мы с колхозниками это дело и решили произвести посевы льна и конопли. Я стал тщательно изучать агротехнику льна. И вот, вырастили мы лен так, что получил я за это от нашего правительства орден „Знак почета".

★

Не сразу добились мы успеха. Сначала посеяли просто, не соблюдая агротехнических правил, и урожай получили не особо важный. Но зато в 1935 году посеяли мы лен на хорошую землю, хорошо ухаживали за посевом и добились высокого урожая. Мы получили урожай свыше чем по 4 центнера волокна и по 5 центнеров льносемян с гектара.

Мы тщательно обработали залежь под лен, посеяли лен одновременно с ранними культурами, хорошо пропололи посев.

Наш лен дал нам хорошую прибыль. Мы должны были сдать государству в порядке контрактации 185 центнеров тресты, а сдали 522 центнера. Семян нужно было сдать 30,3 центнера, а сдали 234 центнера. На средства от продажи льно-семян мы купили полуторатонную автомашину. А волокно выдали колхозникам по 280 граммов на трудодень. Получилось в среднем полтора центнера волокна на колхозный двор.

Колхозники убедились в выгодности льна.

Лен — моя гордость.

Теперь ширится большое дело разведения льна, дело, которым раньше не занимались в нашей местности и пионером которого выступил наш колхоз имени товарища Сталина.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Передовые комбайнеры и комбайнерки

Мы – сталинские ученики. *А. А. Ведерников* 9
Обещание Сталину выполнено. *И. Г. Ожерельев* 15
Пути-дороги. *М. Д. Манник.* 19
Замечательная машина комбайн. *Я. Г. Кузнецов.* 25
Были вы, поля, кулацкие. *А. Т. Ситкарев.* 29
С быка на комбайн. *П. В. Ивахно* . . 32
Судьба семьи Цапенко. *П. Р. Цапенко* 37
Комбайнер-самоучка. *И. К. Гавриленко* 39
Красная Армия была моей школой. *Г. Ф. Кисляков* 42
Выполним сталинское пожелание. *И. С. Романов* 47

Передовики урожайности по зерну, трактористы и машинисты молотилок

„Смелее экспериментируйте",—сказал товарищ Сталин. *Н. В. Цицин* . . 51
Борьба за урожай. *В. А. Устинов* . . 59
Смелость. *М. А. Сельков* 64
В дружбе с агрономом. *П. В. Евдокименко.* 70
Как я вышел на первое место. *М. В. Дробилин* 72
Родная моя Серебрянка. *Г. Т. Климанов* 76
Колхозные труженики *С. О. Коротеньков* 80
На освобожденной земле. *Д. А. Никитенко* 82
Богатый урожай. *Н. К. Першин* . . 85
Поднятая целина. *С. Т. Гостюхин* . . 87
Простые правила. *В. Я. Юдаев* . . . 92
Жизнь, как у многих старых рабочих. *И. И. Хоянковский* 94

Передовики животноводства

О чем я рассказала в Москве. *М. К. Разина* 101
Была землянка на степи. *В. Г. Кузовков* 107
Учиться и учить других. *Е. Т. Малашкина* 112
Мои четыреста телят. *К. Я. Мастерова* 115
Мои коровы. *П. В. Комлева* 118
Большая зарядка. *М. П. Шадрина* . . 121
Так рос совхоз. *И. Н. Иванова* . . . 124
Прежде и теперь. *М. Г. Мокроусова* 130
Сын красногвардейца. *И. Ф. Найданов* 135
В колхозе я нашел свое счастье. *М. И. Проскурня* 139
Комсомольские кони. *М. В. Казанцев* 146
В родной семье. *А. Г. Белоусова* . . . 149
Забывается тягостное детство. *А. И. Мелехина* 153
Моя жизнь, мои достижения. *С. Т. Сурков* 155
В прииртышских степях. *М. Романова* 163
Теперь мы хозяева. *Е. Д. Струк* . . 168
Дело партии. *Н. Ф. Каленик* 170
Мой путь. *М. И. Люсин* 173
Меня называли инородцем. *П. Т. Тугушев* 176
Жить стало лучше, жить стало веселее. *М. Ф. Сазонова* 181
О себе, своих учителях и помощниках. *К. И. Патронов* 183
Совхоз стал родным. *М. Н. Райтович* 185
О чем раньше и не мечталось. *О. Л. Стефан* 188
На ферме и в совете. *Т. Е. Ваганова* 192
Широкая дорога. *Д. А. Бажина* . . 194
Вся Москва чествовала нас. *Ф. Н. Шешукова* 197
История крестьянина. *И. А. Носов* . 200
По зеленому конвейеру. *Т. Е. Петин* 204
Путь большевика. *И. С. Каплан* . . 207
На пороге вуза. *М. Ф. Клещинская* . 209

Передовики по льну и конопле

Своего я добился—колхозы растут! *М. И. Кичеров* 213
Доходное дело. *А. Ф. Седельников* . 218
Заря новой жизни. *А. А. Коробкин* . 220
Моя гордость. *И. С. Макеев* 222

Редактор *Б. Н. НАЗАРОВСКИЙ* Техредактор *П. А. РАЧКОВ*
Лит. обработка *Л. Н. МАРТЫНОВ* Корректор *Т. М. ПОТОРОЧИН*
Художники: *И. С. ШУЛЬПИН* и *Б. И. СИДЕЛЬКОВСКИЙ*

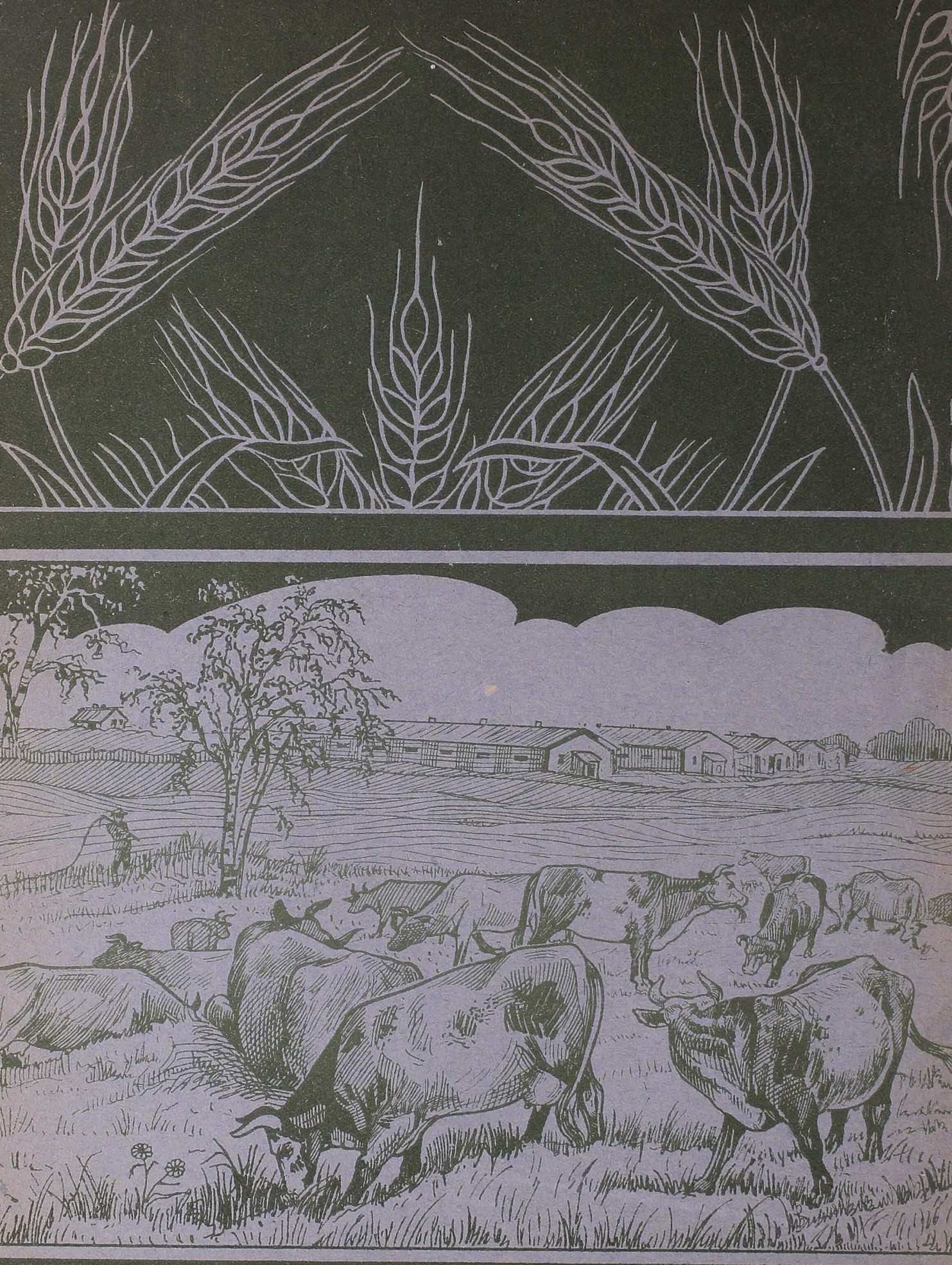
Сдано в производство 28/XII-36 г., подписано к печати 20/III-1937 г. Ст. формат 82,5×110/16. Печатн. лист. 28. Учетно-авторских лист. 11,4. Тираж 4000 экз. ОМГИЗ № 163. Облит № 4016 от 16/XII 1936 г., индекс ЭК-2-б, заказ 7363. Цена 2 р. 85 коп. Переплет коленкор. 1 р. 50 коп., в папке 75 коп.

Отпечатано в типографии из-ва „Омская правда", Омск, ул. Декабристов, 47.

К книге „ОРДЕНОНОСЦЫ“

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
34	2 сверху	„Кум Норис“	„Кум Борис“
38	14 снизу	и кроме	и кроме того
50	3 снизу	Хаянковский	Хоянковский
55	17 сверху	и пшенично-пырей-ных гибридов	—пшенично-пырейных гибридов
66	4—5 снизу	каственными	качественными
88	15 сверху	Семеном	Сидором
131	11 сверху	шестнацать ледт	шестнадцать лет
173	5 снизу	1905 год	1935 год
179	18 сверху	не один раз	не один раз в год
184	12 сверху	я что	что я
185	8 сверху	колтутхозам	колхозам
205	16 снизу	относятся	относится



Цена 4 р. 30 к.